

СКЕЛЕТ ЛЕТ

ТРИША ВОЛЬФ
БРИНН УИВЕР

Два конкурирующих серийных убийцы. Один общий враг.

Судебный антрополог, доктор Джек Соренсен — идеальный серийный убийца. В ярком свете публики он уважаемый ученый, лидер мнений в области разложения человека. Но в своей тайной тёмной жизни он безжалостный и неуловимый убийца. Даже власти не смогли отследить путь его разрушений. Потрясающе холодный, блестящий и жестокий, Джек хочет держать свою жизнь в тисках контроля. А Джек Соренсен никогда не совершает ошибок...

...но он недооценивает доктора Кайри Рот.

Доктор биологических наук, Кайри — и есть тот враг, которого Джек не замечал, еще один убийца среди них. Убийца с такой же хитростью и скрытностью, как и великий Джек Соренсен. Она знает все его самые тёмные секреты, и даже те фрагменты прошлого, которые он мог забыть. Кайри создала идеальную среду обитания для своего любимого объекта исследований, однако ей надоело притворяться жертвой внутреннего зверя Джека. Кайри пережила невозможное и решила сделать всё, чтобы заставить Джека страдать. Но когда травмирующее прошлое Кайри угрожает погresti под собой её разоренный оазис, единственным человеком, который в силах помочь ей избавиться от причиняющих боль призраков, может оказаться лишь ее злейший враг.

История не всегда поддается разложению. Время умеет растапливать холодные могилы и являть на поверхность секреты, сияющие так же, как выбеленные на солнце кости скелета. Смогут ли Джек и Кайри отложить свою битву и выжить, пока на них охотятся? Или сначала убьют друг друга?

Перевод: Татьяна Никонова

Сверка: Amelie_Holman

Бета-коррект: Султана

Редактор: Amelie_Holman

Оформление: Skalapendra

Перевод совместный с группой Towwers | переводы книг — vk.com/towwersauthors

Пожалуйста, имейте в виду, что «Скелет» — это мрачный роман с тревожными сценами и темами.

Глава 14

If I Hated You — Fletcher

Second Nature — Stalking Gia

Глава 15

Turn the Corner — Neil Pollard & Louise Dowd

Girl Of My Dreams — FLETCHER

Glow — RHODES

Глава 16

Down Low — Alex Winston
Back In My Body — Maggie Rogers
Hard for a Man — Say Lou Lou

Глава 17

Hypnotic — Zella Day
Okay — Chase Atlantic
2 On (feat. ScHoolboy Q) — Tinashe

Глава 18

Losing Our Control — The Naked And Famous
Look to the Dawn — Yoe Mase
Heaven Sent — Mr. Little Jeans

Глава 19

Arcade (feat. FLETCHER) — Duncan Laurence
Oh Woman Oh Man — London Grammar
Losing Hand — A Silent Film

Глава 20

Anastasia — A Silent Film
The Enemy — Andrew Belle
Half a Man — Dean Lewis

Глава 21

All We Didn't Say — Louise Dowd & Toni Halliday
Love Me Wrong — Allie X & Troye Sivan
Gemini Feed — BANKS

Глава 22

My Heart Has Teeth (feat. Skylar Grey) — deadmau5
I Wanna Fight and You Know It — MISSIO
The Inversion — Joywave

Глава 23

Fuel to Fire — Agnes Obel
Bottom of the Deep Blue Sea — MISSIO

Глава 24

Where Snowbirds Have Flown — A Silent Film
Quietly Yours — Birdy

Эпилог

Down — Andrew Belle
Breathless — Caroline Polachek

When You Were Mine (feat. Tegan & Sara) — Night Terrors of 1927

Глава 1

Paper Love — Allie X

I'm not a woman, I'm a god — Halsey

Do You? — TroyBoi

Глава 2

Dreamers — K.Flax

Better Off — Elijah Woods x Jamie Fine

Глава 3

Living Hell — Bella Poarch

Devil I Know — Allie X

Глава 4

Paranoid — Lauv

Stonycold — machineheart

Invisible — Lovelife

Глава 5

This Town — ELIA EX

Anything You Want — HYDDE & MOONZz

Глава 6

Afterlife — XYLØ

Not So Bad In LA — Allie X

Глава 7

Rattle the Cage — ELIA EX

Honey and Milk — Andrew Belle

Evergreen — A Silent Film

Глава 8

I Don't Even Care About You — MISSIO

Angel — Massive Attack

Глава 9

America — XYLØ

Drowning — DWNTWN

Глава 10

Gimme — Banks

Save Yourself (feat. Gloria Kim) — Vanic

Глава 11

NFWMB — Hozier

Dark — Luke Sital-Singh

True Love Is Violent — Allie X

Глава 12

Throw a Fit — Tinashe

Shimmy (feat. Blackillac) — MISSIO

Genghis Khan — Miike Snow

Глава 13

Riverside — Agnes Obel

Hurt Nobody — Andrew Belle

Ana — Say Lou Lou

Всем мечтавшим о том, чтобы ради них сожгли весь мир. Всем, кто любит злодеев. И кто фанатеет от них в сказках...

Мы надеемся, что Джек и Кайри зажгут ваши прекрасные черные сердца.

~

«У каждой сказки есть кровавое прошлое. У каждого были зубы и когти.»

— *Элис Хоффман*

«Посмотри на неё — я бы умер за неё. Я бы убил за неё. В любом случае — какое блаженство!»

— *Гомес, Семейка Адамс*

Глава 1

Небесный огонь

КАЙРИ

У врат в вечность Джек Соренсен будет умолять меня послать его к дьяволу. Я нарисую наш путь в ад его кровью. Его мечтами. Его стремлениями. Его неудачами, каждая из которых случалась по моей воле. Я оставлю за нами след его разрушений, который будет сиять вечно. И буду наслаждаться каждой гребаной секундой его мучительного путешествия...

...как только закончится моя вступительная речь на церемонии вручения премии «Филантропия Аллистера Brentвуда».

Оглядываю толпу. Отсутствие доктора Соренсена станет тонким шрамом на моей памяти об этом дне, вырезанным с точностью скальпеля, как он и планировал. Тем не менее, моя улыбка не потускнела. Я с энтузиазмом аплодирую другим победителям. Когда Джой Лин приносит шампанское, мы чокаемся бокалами и произносим тост друг за друга. Я бурлю внутри также, как пузырьки, ползущие по стеклу. Но скользнув по горлу, они лопаются в пылу моей ярости.

— Джек за кулисами? Я не видела его весь вечер. Он точно здесь? — спрашивает Джой, поспешно оглядывая присутствующих с черными галстуками и вымученными улыбками, в

конце концов останавливается на моем тяжелом взгляде. Я провожу рукой по каштановым волнистым волосам, ниспадающим каскадом на плечо, и в замешательстве пожимаю плечами.

— Ничего страшного. Уверена, доктор Кэннон его заменит, — отвечаю я, позволяя себе скрипнуть зубами только тогда, когда Джой с гримасой отводит взгляд.

Конечно, его здесь, блять, нет.

Когда ведущий учреждает премию за филантропию в области образования, он объявляет имя доктора Кэннона, который произнесет вступительную речь вместо доктора Соренсена.

Великий Джек Соренсен, чьи исследования не были бы профинансированы без моих усилий по сбору более двух миллионов долларов для его полевой школы³. Чьи студенты получили стипендии из созданного мной фонда. Чьи почести были положены на фундамент, который я построила. Без меня Джек Соренсен был бы просто еще одним блестящим ученым, чья работа сияет, как далекая звезда на небе, симпатичная, но не приводящая в восторг, всегда в борьбе за то, чтобы освободиться от черного покрывала посредственности. Благодаря мне Джек Соренсен сияет, как полная луна.

Я — солнце, чей свет отражается на его холодной маске.

И я — небесный огонь, который его уничтожит.

— ...и с тех пор, как три года назад доктор Рот присоединилась к преподавательскому составу Университета Уэст-Пейн, она посвятила всё свободное время развитию школы полевых исследований Колледжа судебной медицины имени Уильяма Басса, что позволило университету приобрести почти пятьдесят акров площади для раскопок с нашей недавно открытой специализированной лабораторией, — говорит доктор Кэннон, когда на экране появляются изображения студентов в нетронутой лаборатории, отвлекая мое внимание от навязчивых мыслей об убийстве с помощью спичек и бензина. — Она сыграла решающую роль в программе донорства органов, а также важную роль в организации академической конференции мирового уровня, которая ежегодно привлекает лучших криминалистов в Университет Уэст-Пейн, и основала стипендиальную программу, которая ежегодно поддерживает обучение трех достойных аспирантов, — в свете прожекторов доктор Кэннон находит меня и улыбается с неподдельной теплотой. — Для меня большая честь вручить доктору Рот премию Brentвуда за филантропию в сфере образования.

Толпа хлопает, и я поднимаюсь со своего места рядом с Джой. Моя улыбка становится шире, слова поздравлений направляют меня к сцене. Я подбираю подол своего платья длиной до пола, поднимаюсь по ступенькам и подхожу к подиуму, чтобы пожать руку доктору Кэннону. Его потная, горячая ладонь сжимает мою, и я держу награду из узорчатого стекла на подставке из красного дерева, пока фотограф мероприятия делает снимок. Когда доктор Кэннон, наконец, отпускает меня и отступает назад, я оглядываю помещение.

Мое внимание привлекает высокая фигура в тени рядом с дверями. Человек с бокалом в руке непринужденно прислонился к стене.

Гребаный Джек Соренсен.

Я заставляю себя отвести взгляд и улыбаюсь аудитории.

— Большое вам спасибо за замечательное представление, доктор Кэннон. А фонду Brentвуда я глубоко признательна за возможность не только принять эту награду, но и беззастенчиво подключиться к программе криминалистики нашего университета. Я вижу вас, миссис Спенсер. Не думайте, что я не подойду к вашему столику до конца вечера, — шучу я, и толпа смеется, когда пожилая женщина машет рукой, на ее пальцах сверкают

россыпи бриллиантов. — Но, если говорить серьезно, я должна выразить свою благодарность таким щедрым спонсорам, как миссис Спенсер. Поступая в Университет Уэст-Пейн, я уже представляла, кем мы можем стать: одним из ведущих научно-исследовательских центров судебной экспертизы в стране. Ваша поддержка позволила нам достичь и поддерживать этот статус. Наши студенты — лучшие в следующем поколении судмедэксперты и следователи-криминалисты, и они учатся и оттачивают свои навыки в академической среде мирового класса. Наш факультет является лидером в области криминалистических исследований, внося значительный вклад в развитие судебной археологии, энтомологии и ботаники. Эти достижения были бы невозможны без вашей щедрости. Я польщена таким признанием и хотела бы поблагодарить своих коллег, которые играют важную роль в нашем не прекращающемся успехе.

Я продолжаю перечислять все имена, которые запомнила. Хью Кэннон. Джой Лин. Амаль, Кристина, Люк. Мадлен Готье, хотя от нее пользы столько же, сколько от стоячих сосков. Брэд Томпсон, несмотря на то что он часто тупит, а иногда ведет себя как полный придурок. Майк Митчнер, главный сторож лабораторий, даже ему достается по заслугам.

Единственное имя, которое я не произношу, — это Джек Соренсен.

Он должен быть на первом месте в моем списке. Имя, которое привлекает много внимания к нашей академической программе. Старший преподаватель нашего факультета судебной антропологии, чьи исследования в области разложения человека вывели нас на первый план.

Но я оставляю его в стороне.

Вижу Джека в тени, представляя себе каждую черточку его лица, его холодные серые глаза, подернутые тьмой. Смотрю на его фигуру с очаровательной улыбкой.

— Теперь, когда я назвала буквально всех, кроме моей собаки и троюродного брата, хочу напоследок сказать спасибо... — говорю я под смех аудитории. Мои глаза не отрываются от призрака в дверях, когда я поднимаю награду, затем перевожу взгляд на столик в середине первого ряда. — Семье Brentwood, ведь они продолжают наследие Аллистера, будучи такими щедрыми и преданными, организовав сие прекрасное мероприятие. Для меня это большая честь. Спасибо вам.

Публика хлопает в ладоши. Вспышки фотокамер. Я улыбаюсь. Машу рукой. Спускаюсь по ступенькам, выслушиваю еще несколько поздравлений и возвращаюсь к своему столику.

Джой протягивает мне бокал с шампанским, но держит его за ножку, не отпуская.

— Ты кое-кого забыла, — говорит она.

Я забираю охлажденный бокал из ее пальцев.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, Джой. Твое здоровье, — я чокаюсь своим бокалом с ее и отворачиваюсь на звук ее вдоха.

— Поздравляю, Кайри, — говорит доктор Кэннон, садясь справа от меня и поднимая мою награду, чтобы рассмотреть надпись, выгравированную на стекле. — Еще одна награда, которую можно добавить к твоей впечатляющей коллекции. Будешь использовать ее как подставку для книг или пресс-папье?

— Ни то, ни другое. Я буду ежедневно ее полировать и, возможно, даже поставлю в самом центре своего стола, — *где она, несомненно, будет раздражать Джека каждый раз, когда он проходит мимо моего кабинета.*

— Надеюсь, тебе понравилось мое выступление. Приношу извинения за Джека, должно быть, произошел какой-то конфликт, раз он не смог прийти.

— Выступление было замечательным, Хью. Спасибо, — говорю я, похлопывая его по обветренной руке и нацепляя слащавую улыбку. — На самом деле, кажется, я видела, как пришел доктор Соренсен, когда стояла на сцене. Как думаете, у него найдется время поговорить с миссис Спенсер? Она вот-вот должна сделать свое ежегодное пожертвование, и вы знаете, как сильно она любит с ним болтать.

Ониксовый взгляд доктора Кэннона скользит по комнате, он выслеживает свою добычу, пока я не указываю на двери, где все еще ощущается присутствие Джека, злобного призрака, бродящего в тенях.

— Ах да, — говорит он, отодвигая стул и вставая, кубики льда звякают о стакан с виски. — Отличная идея, доктор Рот. Приятного вечера.

Я слежу за сторбленными плечами доктора Кэннона, пока он лавирует между столиками и гостями, но на самом деле мой взгляд прикован к фигуре Джека. Мы оба знаем, что он не сможет сбежать от нашего босса теперь, когда его заметили, и общеизвестно, что он презирает подхалимство перед старухой из-за ее богатства.

На моих губах расцветает злобная улыбка. Я знаю, что он видит меня. Я чувствую холодный поцелуй его глаз на своей коже.

— Привет, Кайри. Отличная речь. Поздравляю, — произносит голос, заполняя пустоту, образовавшуюся после ухода Хью. Рука Брэда опускается на мое обнаженное плечо, когда он садится справа от меня. — Кстати, мне нравится твое платье. Держу пари, Дональд Уитмор был готов бросить на сцену мешки с деньгами.

Я едва удерживаюсь, чтобы не закатить глаза, когда Брэд подмигивает.

— Спасибо, Брэдли. Хорошо проводишь вечер? — я слежу за бокалом с пивом, из которого он делает большой глоток, прежде чем замечаю выражение его глаз, когда он смотрит через комнату. В его взгляде какое-то подозрение или озабоченность. Может, даже оттенок страха.

Я следую за его взглядом, направленным прямо на Джека Соренсена.

Джек идет за доктором Кэнноном по извилистой дорожке между столиками к миссис Спенсер. Он не просто ходит, он крадется, как пантера на охоте в высокой траве, его движения плавные, но мощные и целеустремленные. Смертельно красивый, с короткими темными волосами, волевым подбородком и плавной грацией под строгим черным костюмом. Я возвращаю свое внимание к нашему столику, пока он не заметил, и, несмотря ни на что, мне почти больно отводить взгляд.

— Да, — наконец произносит Брэд с натянутой улыбкой. Его слова звучат совсем неубедительно. Когда он не видит мой интерес к его реакции, то старается немного усерднее. — Да, а как ты? Развлекаешься?

Мой взгляд скользит к Джеку, он стоит спиной, когда они с доктором Кэнноном останавливаются у столика миссис Спенсер.

— Ты знаешь меня, Брэд, — отвечаю я, наслаждаясь каждым мгновением напряжения, пробегающего по плечам Джека. — Если нет веселья, я создаю его сама, — допиваю остатки в своем бокале.

Я погружаюсь в атмосферу вечера, полного разговоров. Выпитое шампанское струится по моим венам. Это совсем немного прочищает гноящуюся рану, оставляя после себя необработанные края. Но остается кое-что еще. Крошечный шип. Колючка, которая проникла под кожу, давая знать о своем присутствии каждый раз, когда ее тычут... каждый раз, когда я замечаю Брэда.

То же самое выражение трепета, что и раньше, кажется, застывает в его взгляде. Его пальцы нервно теребят бокал. Он изо всех сил старается непринужденно разговаривать, хотя обычно никогда не затыкает рот. Брэд обожает такие мероприятия. Его непринужденная улыбка и суровый профессорский вид компенсируют академическую бездарность и придурковатые комментарии. Он часто ищет кого трахнуть, и когда мне скучно, я делаю ему одолжение. Но сегодня вечером он просто... сам не свой.

— Все в порядке, Брэд? — спрашиваю я, мой голос достаточно тих, чтобы услышал только он. Его взгляд отрывается от чего-то в другом конце комнаты, но я мысленно слежу за траекторией его интереса. Я знаю, что он смотрит на столик миссис Спенсер, где Джек все еще сидит, повернувшись к нам спиной.

— Да, — отвечает Брэд. Он делает паузу на вдохе, как будто хочет сказать что-то еще, но вместо этого подносит свой бокал к губам и делает большой глоток.

— Ты уверен, что тебя ничего не беспокоит?

— Я... — он замолкает, допивая остатки пива, его взгляд снова устремляется к столику миссис Спенсер. Он смотрит на свои часы.

Он хочет уйти.

Как олень, продирающийся сквозь лес, пытаюсь убежать от волка. Он что-то скрывает. И мне нужно знать, что именно.

— Я думаю, с меня хватит этого торжества. Хочешь убраться отсюда? — спрашиваю я, опуская руку Брэду на колено под столом. Его зрачки расширяются, и впервые за вечер я чувствую, что его внимание действительно приковано ко мне, он слегка кивает. — Пойду первой и закажу Убер. Дай мне десять минут, встретимся снаружи.

Я одариваю Брэда ослепительной улыбкой и встаю, попрощавшись с некоторыми гостями по дороге к выходу. Когда я бросаю взгляд в сторону столика миссис Спенсер, Джека уже нет.

Снаружи ранняя ноябрьская ночь прохладна и ясна, изо рта виднеется пар в свете фонаря, пока я жду на обочине, накинув на плечи тонкую куртку. К счастью, Брэд не задерживается внутри и присоединяется ко мне через десять минут. Открывает для меня дверь Убера, прежде чем сесть с другой стороны. Через двадцать минут мы подъезжаем к дому Брэда, особняку 1920-х годов постройки, всего в нескольких кварталах от моего дома.

Я не теряю времени даром, добиваясь того, чего хочу.

— Что тебя беспокоит, Брэдли? — спрашиваю я, отрываясь от поцелуя, чтобы осторожно опустить его на кровать, расстегивая молнию на его брюках и стягивая их вместе с трусами. Я хватаю его за эрегированный член, и он стонет, когда я скользя ладонью вниз по стволу. — Ты казался рассеянным сегодня.

Брэд шипит, когда я провожу ногтями по его яйцам.

— Извини, — говорит он, его голос теряется в стоне, когда я наклоняюсь, чтобы облизать головку его члена, втягивая ее в рот. Провожу языком по вершине, не сводя глаз с его лица, когда он откидывает голову назад. — Господи, Кайри.

Я беру в рот еще глубже, напряжение этого вечера спадает с его мышц. Он наслаждается моими прикосновениями, и я щедро награждаю его облизываниями, поглаживаниями и ласками. Дыхание Брэда становится прерывистым, пульс учащается под кончиками моих пальцев, когда я кладу их на внутреннюю поверхность его бедер. Он сосредотачивается на мне, а я выпускаю его изо рта, сжимаю скользкий член и тянусь за презервативом в тумбочке.

— Теперь лучше, милый? — спрашиваю я, надевая презерватив, и опускаюсь на его член, потираясь клитором о низ его живота, пока Брэд стонет. — Скажи, что тебя беспокоит. Я помогу тебе забыть.

Я царапаю ногтями грудь Брэда и подбираю ритм, пытаюсь утолить свою потребность, которую никто никогда полностью не удовлетворял. Ладони Брэда находят мою грудь, мозолистыми ласками блуждая по моей коже.

— Информация в базе, — говорит Брэд сквозь стиснутые зубы, когда я вознаграждаю его более глубокими толчками, раздвигая ноги шире. — Мейсон обнаружил несоответствия.

Мое сердце переключается на другую передачу, и я изо всех сил стараюсь сохранить свой ритм неизменным.

— Мейсон? Из магистратуры?

Я слышу шорох в темноте, это Брэд кивает, лежа головой на подушке.

— Первый случай с телом был несколько месяцев назад. Информация в записях не совпадала с данными о теле. Мейсон при исследовании не нашел подъязычную кость, а все остальное было цело.

Нежный смех срывается с губ. Я наклоняюсь поцеловать Брэда в шею.

— Ты же знаешь, Брэдли, это еще ничего не доказывает, — шепчу я ему на ухо. — Возможно, кто-то из других аспирантов перепутал записи, или Мадлен неправильно ввела данные при регистрации. Ты же знаешь, какая она.

Руки Брэда блуждают по моей спине.

— Я так и сказал.

Что-то задерживается в его словах, витает в воздухе между нами. Я приподнимаюсь и вглядываюсь в тени на его лице.

— Но?

— Несколько дней назад Мейсон увидел в документах запись о феномене розовых зубов⁴ на теле другого мужчины. А он знал этого человека. Мейсон никому не говорил, на случай если мы помешаем ему работать с телом. Это последний анализ, который ему нужен для диссертации. Это был друг его дяди. Он умер во время операции.

Во время операций не может быть асфиксии, из-за чего зубы становятся розовыми. А я хорошо знаю одного человека, который любит игры с удушьем. Ох, какой непослушный, доктор Соренсен.

— А его подъязычная кость была...?

— Нетронута.

Я задумчиво мурлычу, в моей голове прокручиваются тысячи сценариев. Знакомая потребность зарождается внизу живота, и я сильнее насаживаюсь на член Брэда, удовольствие нарастает с каждым толчком. Я бормочу слова похвалы и стону имя Брэда, пока не кончаю, и он двигает бедрами подо мной, требуя собственного освобождения. Все заканчивается слишком быстро, чтобы почувствовать нечто большее, чем затухающий прилив эндорфинов, и мое сердцебиение уже приходит в нормальный ритм, когда я слезаю с Брэда, чтобы лечь рядом.

— Джек подписывал взносы на эти тела, — шепчет Брэд, задумчиво рисуя узоры на моей руке. — Нам нужно разобраться в деталях, посмотреть, нет ли чего-то неправильного в записях. Может, отнести самые свежие останки судмедэксперту и сверить личность с записями стоматолога.

— Согласна, — отвечаю я, кивая напротив его груди. — Нам нужно быть осторожными.

Если Джек что-то замышляет, нельзя спугнуть его или поставить Мейсона в трудное положение, — я отталкиваюсь от Брэда прежде, чем он успевает крепко обнять меня, затем встаю с кровати. — Схожу в туалет, хочешь чего-нибудь, пока я не легла?

— Нет, спасибо, детка.

Я поворачиваюсь и удаляюсь в темноту, направляясь в ванную, потом иду на кухню. Я хорошо знакома с кухней Брэда, готовлю выпивку, прихватив виски со льдом в спальню. Мы больше не говорим о расхождениях в записях, и я стараюсь переключиться на другие темы, пока мы потягиваем наши напитки. Но мои мысли возвращаются к кампусу. На территорию исследований. И к Джеку Соренсену.

Смотрю в потолок, пока Брэд засыпает. Легкое успокоительное, которое я капнула ему в виски, замедляет его дыхание. Когда он начинает храпеть, я встаю, бесшумно роюсь в его шкафу, чтобы достать его спортивные штаны, толстовку с капюшоном и кеды. В последний раз проверяю его, прежде чем пробежаться трусцой по коридору. Переодеваюсь в прачечной. Выхожу через заднюю дверь и убегая в ночь, направляясь к своему дому, моя улыбка скрыта тенью.

Иногда вселенная дает именно то, что вам нужно. Но я не из тех девушек, которые просто берут то, что она предлагает.

Я этим пользуюсь.

Глава 2

Слежка

ДЖЕК

Приглушенные звуки торжества растворяются на живописном фоне здания Брентвуд за густой завесой свежего осеннего воздуха. Я с наслаждением набираю полные легкие воздуха, чтобы избавиться от духоты, исходящей от слишком тесно прижатых друг к другу тел, и подхожу к краю ступенек как раз вовремя, чтобы заметить, как белая «Тойота Королла» отъезжает от бордюра.

Раздражение скапливается у меня под ребрами тугим спазмом. До чесотки костей.

Не люблю терять контроль.

На сегодняшний вечер у меня была только одна цель, и она не включала в себя преследование доктора Рот.

На самом деле, ей удалось расстроить еще кое-какие планы на этот вечер.

С этим напоминанием я достаю телефон из внутреннего кармана блейзера, чтобы засечь время. Прямо сейчас я должен сидеть в баре «Black Rock Distillery», так любимом студентами колледжа. Колби Кэмерон там, как и каждый четверг. У него есть распорядок.

Я никогда не пропускаю свои миссии.

Крепко сжимая телефон рукой в перчатке, я направляюсь к парковке, разрываясь между желанием придерживаться своего распорядка и следить за коллегой.

Предосторожность должна быть на первом месте.

Особенно, когда одной из этих коллег является общительная, откровенная доктор Рот.

У нее серьезные проблемы с молчанием.

Эта женщина похожа на сгусток бешеной энергии; она никогда не успокаивается, и я не могу ее приручить.

Когда я впервые столкнулся с этим странным, раздражающим существом, у меня возникло непреодолимое желание придушить ее, зажать болтовню в этом тонком горле. А

затем положить ее в морозилку, просто чтобы посмотреть на нее в спокойном состоянии.

Признаюсь, мне даже любопытно, как бы выглядели ее черты лица — отстраненные, неподвижные, с густыми ресницами, неподвижно лежащими на высоких скулах. И бледнеющие пухлые ягодные губы.

Одна из причин, по которой я подавил это желание, заключалась в том, что я не гажу там, где ем.

Каким бы грубым ни было клише, это не подлежащее обсуждению правило надежно скрывало меня всю жизнь.

Другая причина в том, что, подобно характерным для нее духам, объявляющим о ее присутствии еще до того, как она входит в комнату, неординарная личность доктор Кайри Рот привлекает всеобщее внимание.

Нужно быть благодарным за ослепляющий свет, в тени которого ты живешь. Независимо от того, насколько сильно режет глаза, когда смотришь на яркий источник.

Натиск мучительных мыслей еще больше отнимает у меня время, пока я добираться до своего «БМВ» и сажусь за руль. Снимаю черные перчатки и завожу двигатель. Из кондиционера на лицо веет арктическим холодом. Я не меняю настройки температуры.

По мере удаления от центра оживленные магистрали сужаются к пригородным улочкам, я на расстоянии следую за белой машиной. Моя челюсть сжимается, когда я понимаю, куда едут двое моих коллег.

В дом доктора Брэдли Томпсона.

Прежде чем машина впереди тормозит, я сворачиваю на обочину и паркуюсь за ухоженным кустарником. Заглушив двигатель, наблюдаю, как оба выходят из машины и направляются к входной двери скромного дома Брэда.

Все надежды на то, что они просто ехали вместе, рухнули, и я откидываюсь на спинку сиденья, устраиваюсь поудобнее и жду. Близкие отношения между доктором Томпсоном и доктором Рот не сулят ничего хорошего. У людей есть раздражающая склонность делиться интимными подробностями.

Нежелательный образ Кайри проскальзывает перед моим взором, и я тянусь к своей кожаной сумке, лежащей на коврик, достаю блокнот в спиральном переплете. Перехожу к своему самому последнему наброску.

Мои пальцы благоговейно прослеживают контрастную игру света и теней вдоль анатомии ноги. Твердым графитовым карандашом я очерчиваю мышечную структуру, затем более мягким карандашом прорисовываю кости. Эта техника более деликатная, там, где свет не может проникнуть внутрь тела, будут более темные тона.

Потом перехожу на то, что скрывается под плотью, венами и сухожилиями.

Линии на кости бедра гладкие и изящные, без вмятин из-за юного возраста. Изобразить плоть, отделенную от кости, — все равно, что разрывать оберточную бумагу, чтобы узнать, что внутри. Одна из любимых частей — сравнивать точность моей графики с реальными костями.

Но поскольку еще не пришло время вскрывать Колби Кэмерона, я закрываю блокнот и смотрю на свой «Ролекс», прикидывая, сколько времени Брэд и Кайри провели внутри. Сначала я должен разобраться с любопытной коллегой.

Навязчивая мысль о потной, разгоряченной коже, скользкой друг по другу, заполняет мою голову. Я почти чувствую запах секса, доносящийся из дома Брэда, и мои ноздри раздуваются от отвращения при мысли о том, что они вместе.

После двух часов наблюдения за входной дверью, доктор Рот все еще не появилась. Спертый воздух внутри машины прижимается к моей коже, как влажное полотенце, мокрое и удушающее. Я убираю липкие ладони с руля и открываю дверь, радуясь порыву свежего воздуха.

Некоторое время назад свет в доме погас. Рискую предположить, что у Брэда не так много выносливости, и они сейчас спят. По неосторожности входная дверь была оставлена незапертой. Я надеваю перчатки и вхожу внутрь, быстро осматриваю жилое пространство.

Я убедился, что здесь нет камер или сигнализации, когда в первый раз обыскивал дом Брэда. Несмотря на всю его зарождающуюся паранойю, я полагал, что он, по крайней мере, заведет собаку. Спальня находится справа от узкого коридора. Я крадусь по деревянному полу из твердых пород к приоткрытой двери и толчком открываю ее еще шире.

Брэд спит на левой стороне кровати, ближайшей к двери. Доктор Рот пропала. У меня волосы встают дыбом, и я быстро оглядываю затемненное помещение. При помощи лунного света, падающего сквозь решетчатые жалюзи, осматриваю углы, прислушиваюсь к любому движению в ванной комнате.

Тишина в доме успокаивает нервы, я вхожу в комнату и смотрю на Брэда сверху вниз.

Белая простыня скомкана у него на животе. Синяя фольга валяется на прикроватном столике рядом с двумя стаканами алкоголя.

Все еще чувствуется аромат ее духов — горьковатые ноты цветка дягиля и сладкой ванили. Столкновение запахов витает в застоявшемся воздухе, воспаляя меня изнутри.

Сжав кулаки, я наблюдаю за тем, как поднимается и опускается бледная грудь Брэда, сдерживая порыв придушить его пропитанной потом подушкой.

Что касается Брэда, то в моем отделении он бесполезен. Не будет большой потери, если он просто умрет во сне. Но он счастливчик, потому что в его костной структуре нет ничего интересного. Я трачу на него время, так что лучше потороплюсь.

Снова бросаю взгляд на обертку от презерватива, и у меня внизу спины образуется тугой узел. Если бы мне не нужна была информация от этого придурка, я бы нарушил собственное правило и нагадил прямо на своей территории, а затем измазал этим лицо Брэда.

Эти образы оставляют неприятный привкус у меня во рту, и я решаю уйти. Мой первоначальный план состоял в том, чтобы напоить Брэда на приеме, накачать наркотой, если понадобится, и получить информацию. Затем убрать его навсегда из Уэст-Пейна, что облегчит мою ношу.

Время еще есть.

Проходя по дому, я замечаю заднюю дверь, понимая, что доктор Рот, должно быть, вышла через нее. Любопытство направляет мои шаги мимо прачечной, где я вижу сваленную на полу одежду. Приподнимаю ткань рукой в перчатке, узнаю платье, в котором Кайри была на сегодняшнем мероприятии.

Ее аромат окутывает меня, рука сжимает мерцающий материал.

Я никогда не притворялся, что понимаю человеческую природу, но все, что касается доктора Рот, приводит меня в бешенство и сбивает с толку. Я даже несколько раз представлял, как привязываю ее к столу и препарирую.

Я кладу платье обратно на то же место, прежде чем выйти из дома.

Поездка до университета занимает чуть больше двадцати минут. Я использую свою карточку-ключ, чтобы получить доступ в исследовательские лаборатории, где буду зарегистрирован с отметкой времени. Сначала сажусь за свое рабочее место и открываю

файл с последним сохраненным черновиком, чтобы потом, если что, отследили, будто я занимался делом. Сегодня я присел на уши доктору Кэннону, дважды заявил, что мой исследовательский проект по поиску мест захоронений необходимо завершить к этой неделе, повторив, как мне не терпится покинуть торжественное мероприятие.

Когда я отталкиваюсь от стола и направляюсь в кабинет Брэда, отбрасываю все мысли о докторе Рот, исчезающей в ночи без платья, и сосредотачиваюсь на просмотре записей Брэда.

Он так чертовски полезен, так хорошо упорядочивает заметки о телах. Не может вспомнить и вернуть мой протонный магнитометр, но поручает своему аспиранту перепроверить записи о донорах на предмет точности.

В результате стало известно о недостающей подъязычной кости недавнего донора.

Такая очевидная оплошность, наверное, ошибка.

Я осторожен. У меня есть система. Сначала запись, и только потом кража. На этом все должно было закончиться. Но я увидел кое-что в глазах Брэда, когда он впервые упомянул мне об этом, — замешательство, за которым последовала искра страха.

Потому что доктор Джек Соренсен не совершает ошибок.

Я запомнил этот взгляд. Этого выражения я обычно жажду. Это то, что воспламеняет мою ледяную кровь и учащает сердцебиение, когда я смотрю в глаза своим жертвам, пока они выпускают последний вздох.

За ту долю секунды, как это промелькнуло на лице Брэда, я распознал его страх.

Он понял.

И он боялся меня.

А это значит, что найти остальные кусочки головоломки, чтобы сложить воедино, почему я так предан своим исследованиям по разложению тел в течение последних шести лет в университете для него только вопрос времени.

По замыслу, я не остаюсь на одном месте дольше нескольких лет. Однако, когда Уэст-Пейн выделил больше двадцати гектаров земли для университетской программы «Ферма тел⁵», сделав ее третьей по величине в стране, стало трудно найти лучшее, более идеальное место.

Не найдя ничего об отчетах в записях Брэда, я смотрю на запертый ящик справа от себя. Прежде чем у меня возникает искушение взломать замок, я отступаю от стола и выключаю компьютер.

Время еще есть.

Я не позволю сбить себя с толку такому ничем не примечательному человеку, как Брэд.

В черной ночи на небе висит полумесяц, указывая мне путь к ферме тел. Прогулка по пятнадцати акрам лесистой местности помогает прояснить мысли. Я прохожу по секторам фермы, где в различных условиях были оставлены разлагаться тела.

За последние шесть лет, проведенных здесь, я ни разу не допустил ошибки.

Меня никогда не допрашивали.

Приверженность рутине и дисциплина были ключевыми факторами, чтобы не попадаться на радары. Я вспоминаю тот день, когда мой распорядок дня впервые был прерван веселым, звенящим смехом.

Глупо винить доктора Рот в этом... расстройстве. Но я бы и не винил, если бы она специально не пыталась уничтожить меня. Однако факт остается фактом: до тех пор, пока она не поступила в мой университет, я никогда не допускал ошибок.

До моих ушей доносится характерный звук металла, шаркающего по земле, и я останавливаюсь.

Напрягаюсь, прислушиваясь, как тихий стон эхом отдается от редко расположенных сосен. Я двигаюсь в направлении шума и вскоре замечаю след на земле. Глубокие следы тянутся вдоль длинного участка дорожки, ведущей к ручью.

Мои шаги замедляются, и я останавливаюсь перед поляной, когда вижу причину шума.

Доктор Кайри Рот копает возле берега, каждый раз издавая стон, когда ставит ботинок на край лопаты и зачерпывает мокрую грязь. Она на мгновение замолкает, чтобы сделать глубокий вдох, и я тоже рефлекторно перестаю дышать.

Когда она продолжает копать, я медленно выдыхаю и осматриваю местность, мой взгляд падает на большой походный рюкзак.

Я должен уйти. Прямо сейчас. Но моему инстинкту повернуться и уйти мешает любопытство, охватившее меня при виде того, как она копает землю. Ее темные волосы собраны в беспорядочный пучок, бриллиантовые серьги сверкают в лунном свете, макияж все еще на месте — но она покрыта грязью.

Так вот почему она оставила свое платье у Брэда? Чтобы улизнуть и...

Что, черт возьми, она делает?

Ее тяжелое дыхание вырывается в воздух клубами серебристого тумана, и у меня теснит в груди от этого соблазнительного зрелища. Боже, я почти улыбаюсь. Эмоции такие чуждые, что даже закрадывается частичка беспокойства. Было нетрудно воспользоваться этой возможностью. Импульсивно, да, но, ох, чертовски соблазнительно.

Эта лопата могла бы оказаться у меня в руке за считанные секунды. В ближайшие пять минут доктор Рот может лежать в той самой яме, которую и роет.

С острым сожалением я решаю вместо этого удовлетворить свое любопытство.

Опускаю руку в карман и сжимаю лежащий там предмет, прежде чем вытащить его и откинуть серебряную крышку. Чиркаю кремневым колесиком зажигалки, и на фоне темной ночи вспыхивает тонкий язычок пламени.

Услышав этот звук, Кайри перестает копать.

Глава 3

Какие три слова

КАЙРИ

— Кажется, я опоздал на еще одну вечеринку.

Я продолжаю махать лопатой и улыбаюсь в темноту.

— Уверена, что хронические опоздания — один из многих недостатков вашего характера, доктор Соренсен, на самом деле вы пришли точно вовремя, — я смотрю на него через плечо, его смертоносная фигура освещена лунным светом и нитью пламени, он стоит на крутом берегу ручья позади меня. Щелчок гасит огонь, когда он закрывает крышку зажигалки и кладет ее в карман. — На самом деле, — говорю я, возвращаясь к разгребанию густого ила, вода утяжеляет работу, — ты же давно здесь стоишь.

Интрига сгущает тишину между нами.

Я жду, что Джек спросит, что я имею в виду, но он этого не делает. Позади меня слышен только беззвучный шелест листьев, и я знаю, что он подходит ближе.

— *Конкурирующие разочарованные магнаты*, Джек, — говорю я, не оборачиваясь.

Движение позади меня прекращается.

Тишина.

— Что?

— *Конкурирующие разочарованные магнаты.*

Снова тишина.

Я выпрямляюсь и поднимаю лопату, указывая вниз по течению, и комочки ила с плеском падают в темную воду.

— *Найденный пропавший тост*, — я поворачиваюсь, чтобы указать на поля за дальним берегом, на высокую траву, поглощенную темнотой ночи. — И мое любимое — *пропавшая без вести коала*. «Какие три слова», Джек.

Я оглядываюсь через плечо. Он гораздо ближе, чем я ожидала, уже на узкой пойме реки, всего в нескольких футах от меня, в тусклом свете видно как напряжены его плечи. Он смотрит на черный походный рюкзак, лежащий позади меня, прежде чем встретиться со мной взглядом с расчетливой угрозой. Замешательство и любопытство — единственное, что помешало ему подкрасться ближе.

— Это что, головоломка? — спрашивает он.

Я лучезарно улыбаюсь ему в ответ. Я ожидала, что он одарит меня высокомерной, насмешливой ухмылкой и спросит, не сошла ли я с ума, но нет. Он подыгрывает мне, пытаюсь разобраться во всем.

— Это единое целое, Джек. Ну конечно, — я вгоняю острый конец лопаты в ил и опираюсь на рукоятку, в моих ботинках хлюпает, вода из ручья стекает по резине, обтягивающей мои лодыжки. — Ты что, никогда не слышал о «какие три слова»?

Джек не отвечает. Так не пойдет.

Я тяжело вздыхаю и закатываю глаза.

— Да ладно, не прикальвайся надо мной сейчас.

— Не слышал, — отвечает Джек глубоким и строгим голосом.

Я награждаю его лучезарной улыбкой, которая ничуть не притупляет освещенную луной злобу, сверкающую в его глазах.

— Это система геокодирования. Каждому трехметровому участку земли присвоен свой собственный уникальный код из трех слов. Это, — говорю я, указывая рукой на свои ноги, — *Конкурирующие разочарованные магнаты*.

Джек наклоняет голову. Прищуривается.

Я освобождаю руку от перчатки и достаю из кармана свой одноразовый телефон, вводя пароль, чтобы открыть главный экран и запустить приложение. Нажимаю на точку моего текущего местоположения и поворачиваю к нему экран.

— Видишь? Вот здесь *конкурирующие разочарованные магнаты*. *Найденный пропавший тост* — это местонахождение тела, от которого ты избавился еще в марте. *Пропавшая без вести коала* — это место, где, по мнению Мейсона, лежит его знакомый. Есть и другие, все они прямо здесь, благодаря скрупулезным навыкам Мейсона по вводу данных, — говорю я, постукивая себя по виску свободной рукой, когда убираю телефон в карман.

Пространство между нами, кажется, потрескивает, как статические разряды. Воздух неподвижен и холоден. Серебристый туман вырывается из моих приоткрытых губ в свете звезд, но я не вижу выдохов Джека. Может, он затаил дыхание, а может, он рожден ночью и холодом. И то, и другое могло быть правдой.

Мы не сводим друг с друга пристального взгляда, пока я не улыбаюсь и не натягиваю перчатку обратно, одновременно показывая ему ладонь.

— И прежде чем ты подкрадешься еще ближе, знай, если со мной что-нибудь случится,

что угодно, за тобой придут первым. Каждое место. Каждое тело. Каждая фотография. Каждую крупницу улики, которую я добыла. Все это попадет прямиком в ФБР. Мое благополучие в твоих интересах.

Я почти слышу, как напрягаются мышцы Джека, как скрипят его сухожилия. Я уверена, что он готов отбросить осторожность и атаковать. Но он этого не делает. Он стоит неподвижно в луче лунного света, его глаза не отрываются от моих, словно слившись воедино.

— Кто в мешке, Кайри? — спрашивает Джек, и в его голосе звучит угроза, обернутая в бархат.

Я борюсь с желанием захлопать в ладоши и взвизгнуть, вместо этого вгоняя лопату в ил. Теперь я разрыхлила достаточно глубокий и широкий участок, чтобы перейти к следующему шагу процесса, поэтому я выбираюсь из засасывающей грязи и направляюсь к рюкзаку.

— Знаешь, Джек, это, наверное, самое долгое общение, которое у нас было за весь месяц, и в кои-то веки я отлично провожу время, — говорю я, с ненужной медлительностью вынимая застёжки пряжки на сумке, не сводя глаз с доктора Соренсена. Ведь несмотря на то, что я одновременно возбудила его любопытство и пригрозила ему самыми страшными последствиями, я не доверяю этому ублюдку. Ни капельки.

— *Кто в мешке*, — повторяет он. Возможно, в глубине его слов скрывается крошечный укол отчаяния.

— Ты беспокоишься, что я забрала кого-то важного для тебя? — я надуваю губы, мои пальцы замирают на второй застёжке.

— Кайри...

— У тебя нет чувства юмора, Джек, — сокрушаюсь я, драматично качая головой. Я расстегиваю зажим и шнурок, убирая слои пакетов. Прядь волос шуршит о мои перчатки, хватаюсь пальцами за них, а затем тяну и вытаскиваю отрубленную голову. Безжизненное лицо и полуприкрытые стеклянные глаза смотрят то на одного, то на другого. — Мейсон Дюмонт.

К его чести, Джек довольно хорошо справляется с притворством, что он не удивлен. Но это так. И он разозлился. Я слышу это по тому, как скрипят его кожаные перчатки, когда он сжимает кулаки.

— Ты убила Мейсона Дюмонта, — медленно произносит он, это не вопрос, а утверждение.

— Нет. *Ты* убил Мейсона Дюмонта, — я возвращаюсь к воде и опускаю голову Мейсона в ил, его студенисто-голубые глаза смотрят на звезды. Поднимаю одну ногу, чтобы ударить его по лицу, и вдавливаю голову поглубже в грязь. — Твои ботинки мне немного велики. Пришлось надеть каких-то шесть пар носков, но они все равно спадают.

Взгляд Джека опускается к болотным ботинкам, и потом он пронзает меня диким взглядом. Я улыбаюсь и откидываю края куртки, которую ukrала из его лаборатории два года назад, чтобы упереть кулаки в бедра, показывая утяжеленный жилет и ремень.

— Ты сколько вешишь... килограмм восемьдесят пять? Я так подумала, — говорю я, возвращаясь к сумке и вытаскивая из нее обрубку Мейсона, клочья разорванной рубашки развеваются, когда я слегка машу Джеку обеими безвольными руками, несу их к ручью и опускаю в грязь. — Не волнуйся, все будет в стиле «Важного серийного убийцы», чтобы прилежные детективы Вествью⁶ знали, что это был ты, если решишь сделать какую-нибудь глупость. *Я настолько крутой, что даже не могу сказать гребаное спасибо единственному*

человеку, который дал мне все, что я когда-либо мог пожелать, например, деньги на исследования, оборудование и эту здоровенную ферму для изобилия трупов. Нет, нет, нет. А теперь берегитесь, лесные твари, приближается крутой серийный убийца.

— Господи Иисусе, Кайри, — шипит он. — Это все потому, что я не целовал тебя в зад в знак благодарности?

Я не отвечаю, большими шагами возвращаюсь к сумке и хватаю отрезанное бедро, с плеском бросая его в воду. Когда вытаскиваю другое из сумки, задумчиво хмурюсь на темное и пустое нутро рюкзака.

— Ой, кажется, ты забыл кое-что важное, Джек, — говорю я, поднимаясь. Впервые после торжества мой взгляд такой же убийственный, как и у него.

Наступает долгая тишина, пока я несу последний отрезанный кусок плоти в водянистую могилу, кровь капает на влажную траву. Когда я опускаю его в воду, наступаю на ветки, загоня их поглубже в грязь, зная, что подошвы ботинок Джека оставят следы на остывающей плоти.

— *Пижаж*⁷, Джек. Я всегда хотела попробовать это в «Les Pastras»⁸. Топтать виноград в Провансе в августе? Пожалуйста, я только за. Мне нужен отпуск после того, как я пыталась обеспечить твою неблагодарную задницу все эти три года.

— Так вот в чем дело. Я не упал к твоим ногам, как все остальные, и ты решила подставить меня, — Джек делает паузу, как будто ожидает, что я отвечу. Когда я молчу, он издает мрачный и невеселый смешок. — Женская месть не знает границ. Не думал, что вы настолько заурядны, доктор Рот.

— Тогда, полагаю, я не оправдала все ваши ожидания, доктор Соренсен? — отвечаю я сияющей улыбкой.

Погрузив конечности Мейсона в грязь, я хватаю лопату и начинаю разбирать кучу земли, которую отложила, чтобы закрыть их. Джек наблюдает за мной, вычисляя, взвешивая, возможно, упираясь своим большим мозгом в каждую стену в лабиринте, который я создаю между нами. Но не двигается. Не подходит ближе. Даже когда я слегка наклоняюсь в неудобных болотных сапогах, и мне приходится ловить равновесие, с писком погружая лопату в останки тела. Когда я оборачиваюсь, он стоит там, где и был, и я знаю, моя уверенность, что он будет послушным, нервирует его так же сильно, как и все остальное, что он видел или слышал сегодня вечером.

Закончив, я использую лопату как трость, чтобы выкарабкаться из густой, тяжелой грязи, а затем бросаю ее рядом с сумкой.

— Чего ты хочешь? — спрашивает Джек.

Я могла бы закрыть глаза и нежиться в сладкой потребности, которая разливается у меня в груди, представляя тысячи вариантов того, как можно ответить. Богатство его голоса окутывает меня. Плавность каждого его слова имеет острую и скрытую грань, по которой я хочу провести пальцем, чтобы посмотреть, пойдет ли кровь.

Мы стоим и смотрим друг на друга, ручей журчит позади. Где-то далеко кричит сова. Безветренная ночь доносит этот звук.

Я придвигаюсь ближе к Джеку, не сводя с него глаз, хотя чувствую, как он напрягся. Остановливаясь на расстоянии вытянутой руки, засовываю руки в карманы куртки в знак доверия. В тусклом свете вижу, как он приподнимает темную бровь в беззвучном вопросе. «Чего ты хочешь?» — беззвучно повторяет он.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о нашей первой встрече, — говорю я.

Брови Джека слегка сдвинулись, он начал быстро моргать, будто замыкаясь. Он переводит взгляд на темную воду и снова возвращается ко мне, его пухлые губы сжаты в прямую линию. При свете я бы смогла увидеть изменения в этих серых глазах, которые подбирают цвета окружающего мира, как камуфляж.

Он отводит взгляд, выражение его лица снова разглаживается, но становится отстраненным.

— Духи «Анжелик Нуар». Это первое, что я помню.

— Не думала, что ты у нас парфюмер, — говорю я с улыбкой.

Джек бросает взгляд на меня, прежде чем снова перевести его на ручей.

— Я повернулся и увидел тебя у двери в старую лабораторию вместе с доктором Кэнноном. На тебе было темно-фиолетовое платье. Волосы взъерошены. Духи заполнили всю комнату.

Моя улыбка увядает, когда глаза Джека находят мои и не отпускают. Я киваю, чтобы он продолжал, и он подходит на шаг ближе. Я позволяю.

— Ты вошла в комнату с протянутой рукой. Доктор Кэннон представил тебя как доктора Рот, но я уже знал, кто ты такая, — говорит Джек. Мое сердце учащенно бьется в груди. Давно забытая надежда шевелится под грудиной, и я вопросительно склоняю голову набок. — Тем утром он отправил сообщение в департамент с твоей фотографией. На фото совсем другая. Вживую ты стояла передо мной с греховной улыбкой.

Мое сердце бьется так, словно его пришили к маятнику. Я хочу отстраниться от Джека, но не делаю этого.

— Я спросил, произносится ли твое имя *кайр-и-йей*, как в молитве: Кайрией элисон. Не думал, что твоя улыбка может стать ярче, но когда я сказал это, так оно и было. «*Можно Кай-ри*», ответила ты. «*Родители хотели, чтобы у меня было имя Христа, но оно мне не подходит*». Теперь понятно, почему.

Я стараюсь не кивать, но слабый кивок головы выходит у меня из-под контроля. Что-то комкается в горле. Я помню этот момент нашей встречи так отчетливо, что мне кажется, будто я наблюдаю за ним через отполированный хрустальный шар. На какой-то мимолетный миг мне показалось, что все сходится, что наш первый разговор прошел именно так, как я надеялась. Распознавание сходства. Связь с таким же человеком, как я. То, как Джек рассказывает эту историю, создает ощущение, что эта связь была реальной, как будто она существовала и для него тоже.

Но это ложь.

Джек сейчас просто пытается перекинуть мост через пропасть между нами в надежде, что я сжалюсь над ним. Все, что произойдет после этого разговора, похоронит эту возможность под толстым слоем времени.

И он это знает. Вот почему Джек сейчас молчит.

Его глаза блестят в лунном свете, когда он изучает мое лицо, опускаясь к моим губам. Они задерживаются там, скользят мне на шею на мгновение, которое кажется слишком расчетливым для интима, слишком холодным и жестоким. Именно таким он был с того поворотного момента. Подвергал сомнению мой опыт, мои заслуги, мое достоинство на каждом шагу. Независимо от того, как усердно я работала и насколько мои усилия приносили ему пользу, он всегда был рядом, чтобы высмотреть ошибку своими серо-стальными глазами и затем расправиться со мной.

— Милая история, если рассказывать в таком ключе, — говорю я, мой голос едва

громче шепота. Я подхожу на шаг ближе, и его пристальный взгляд возвращается к моему. Его лицо — идеальный баланс серебристого света и глубоких теней, такое завораживающе, щемяще красивое. Но он — чудовище. Он зверь под ангельским фасадом.

И, похоже, все еще не может смириться с тем, что он здесь не единственный главный хищник.

— Единственная проблема в том, Джек... что ты ошибаешься, — говорю я, выделяя последнее слово.

Я ударяю Джека электрошокером в грудь. Он издает сдавленный, хриплый стон и падает в грязь. Его тело бьется в конвульсиях, когда я другой рукой снимаю колпачок со шприца. Отключаю шок, вгоняю иглу ему в яремную вену и ввожу предварительно подготовленную дозу мидазолама под восхитительный звук его протестующего стога.

Я опускаю Джека в исходное положение и всего мгновение наблюдаю, как его дыхание становится глубже. Его глаза не отрываются от моих, даже когда их острота тускнеет под действием успокоительного.

Я ждала этого момента, этого взгляда, когда Джек осознает, что все время неправильно меня понимал. Я хотела этого с тех пор, как он отругал меня за печально известный инцидент с криофризером в лаборатории, когда он обвинил меня в уничтожении образцов его тканей из-за «явной неумелости». Это был первый раз, когда я по-настоящему смирилась с тем, что мне, возможно, придется усыпить своего маленького зверя.

Сейчас неумелый ты, ублюдок.

Как раз перед тем, как он теряет сознание, я наклоняюсь ближе. Нежно целую его в щеку. А потом прижимаюсь губами к его уху, даря ему подарок, о котором он, возможно, не вспомнит, когда проснется.

— Ты ошибаешься, Джек, — повторяю я шепотом, призраком следуя за ним в сон без сновидений. — Это была не первая наша встреча.

Когда я отстраняюсь, он уже без сознания.

Встаю, чтобы постоять над своим спящим заклятым врагом, а затем оставляю его в темноте...

... в его любимом месте.

Глава 4

Основа

ДЖЕК

На моем теле скапливается хрустящий, прозрачный слой свежего снега. Дыхание участилось, легкие большие не чувствуют острого укуса зимы. Руки и ноги онемели, кожа замерзла, а нервы притупились, не в состоянии посылать болевые сигналы в мозг.

Я лежу здесь морозной ночью, непрерывная тишина опускается на лес густыми снежинками.

Усталость оседает глубоко в моих костях вместе с промерзшей землей, утягивая меня за пределы сознания. Так заманчиво отпустить все, просто продолжать поддаваться. Я никогда не чувствовал себя более умиротворенным, чем сейчас, завернутый в ледяное одеяло, защищенный от мира страданий.

Звук хрустящего снега под тяжелыми шагами разрывает пустую тишину, и я совсем перестаю дышать.

Шаги приближаются, пока я не чувствую, как снег скользит по моей щеке.

— Где ты, маленький засранец?

Скрипучий голос невнятно произносит каждое слово. Я не чувствую ничего, кроме холода, но воспоминание о его гнилостном дыхании овеивает мое лицо.

Я слышу отчетливый звон его зажигалки «Зиппо». Затем удар.

Рефлекторно пытаюсь обхватить онемевшими пальцами твердый предмет, погребенный под снегом.

— Когда я найду тебя...

Это последние приглушенные слова, которые достигают моих ушей перед тем, как время искривляется.

Искаженные изображения мелькают стоп-кадрами, пока я пытаюсь очнуться. Полоса ярко-красного цвета прорезает белый пол. Пустые глаза в черной ночи и остальные образы начинают таять в глубинах моего разума.

Когда сознание овладевает мной, веки приоткрываются, я понимаю, что меня чем-то накачали.

Чувствую, как успокоительное разливается в моей крови, смутное замешательство наполняет голову. У меня пульсирует в висках, пытаюсь разглядеть залитые лунным светом ветви деревьев наверху. Я подношу руку к шее, ощупывая чувствительный участок кожи в том месте, куда Кайри вонзила иглу.

Ноющая боль в груди отвлекает внимание.

Она, блять, ударила меня электрошокером.

Но если бы хотела моей смерти, то похоронила бы на берегу реки.

Я переворачиваюсь и заставляю себя подняться, зрение еще больше проясняется, осматриваю серое окружение.

— Черт возьми.

У меня все еще есть телефон, я достаю его, чтобы проверить время. Я был без сознания, наверное, часа два. Диазепам или, возможно, мидазолам. Быстродействующее седативное средство, которое также довольно быстро выводится из организма.

«Это была не первая наша встреча».

Горький тон ее голоса — насмешка над моей пульсирующей головной болью.

Я оглядываюсь в поисках расчлененного тела, которое Кайри извлекла из сумки и бросила у ручья. Ручей течет медленно, берег пуст.

Эта дамочка не хочет моей смерти, но хочет чего-то другого.

Прямо передо мной в землю воткнута лопата.

Сейчас ясно: она хочет, чтобы я копал глубже.

***

Аромат кофе «Копа» разносится по отделу, пока я стою над столом из нержавеющей стали в лаборатории. Впервые я испытываю искушение налить себе чашку, остро нуждаясь в стимуляции, которую не может обеспечить даже моя новая потенциальная жертва.

Передо мной очищенные останки недавнего донора. Три больших монитора расположены вдоль задней стены, мой стол прямо под ними. Один монитор проецирует данные о разложении, которые я собрал для исследовательского гранта — полевой поездки, над которой я самоотверженно и методично работал весь прошлый год.

Все это резко застопорилось, поскольку прошлая ночь крутится в моей голове

угрожающим циклом повтора.

Пока я проводил оставшиеся часы раннего утра, выкапывая и собирая отрубленные части тела аспиранта, я вспоминал каждое взаимодействие, которое у меня было с доктором Рот за последние три года. Что, я не сомневаюсь, и было ее истинным намерением.

К тому времени, когда я перевез Мейсона Дюмонта на новое место захоронения, я понял, что Кайри на самом деле не хотела, чтобы меня застукали с изуродованным телом, независимо от улики, которые она подбросила на место преступления.

Она оставила в ручье только половину тела.

Другую половину забрала с собой.

Ее угроза была ясна; если я пойду за ней, если попытаюсь заставить ее замолчать навсегда, у нее есть запасной вариант моего разоблачения. Немного драматично — если не сказать неуместно — после того, как я увидел ее в действии.

Соблюдать осторожность всегда было моим первым правилом.

Кайри будет жить. Пока что.

Хотя бы по той простой причине, что она возбудила мое любопытство целым рядом вещей, которые сама раскрыла. Я никогда не сталкивался с проблемой, которую не смог бы преодолеть и устранить.

И доктор Кайри Рот предложила заманчивую задачу.

Когда утреннее солнце начинает пробиваться сквозь решетчатые жалюзи лаборатории, я вновь сосредотачиваю свое внимание на частичных останках скелета, состоящих из черепа, позвонков и грудины. В основном блоке насчитывается восемьдесят осевых костей. Но есть одна кость, которая меня особенно восхищает, та, которой я посвятил большую часть своей исследовательской карьеры.

Рукой в перчатке я беру подъязычную кость. Расположенная под нижней челюстью кость в форме подковы уникальна, поскольку это единственная кость на скелете, которая не соединена ни с какими другими. Удерживается на месте лишь связками и мышцами.

Сказать, что у меня есть схожесть с этой свободно плавающей, одиночной костью, очевидно; для существования фундамента не требуется никакой поддержки.

При идентификации останков антропологи и судебно-медицинские эксперты по умолчанию обращают внимание на череп и лобковые кости, чтобы определить возраст, расу и пол. Однако в том случае, если такие кости отсутствуют или повреждены, подъязычная кость может выявить все вышеперечисленное и многое другое. Нужно просто хорошо разбираться в тончайших нюансах.

Мои исследования по сращению подъязычной кости и плотности костной ткани для судебно-медицинских целей произведут революцию в процессе идентификации останков.

От меня не ускользнула мрачная ирония моих внеклассных увлечений и профессиональных интересов.

Доктор Кэннон проходит мимо двери лаборатории, затем отступает назад, чтобы заглянуть внутрь.

— Доброе утро, Джек, — он бросает взгляд на часы, темно-коричневая кожа вокруг его глаз сморщивается в замешательстве. — Ты рано. Я думал, все будут спать после вчерашнего торжества.

Моя улыбка — тонкая линия.

— Я пришел пораньше, чтобы обследовать донора, — я и не уходил.

К счастью, у меня в офисе есть несколько смен одежды, и хотя я не рекомендую этого

делать, душевые в кампусе полезны, когда нужно смыть с себя запах пота и смерти.

— Хорошее дело, — говорит он, кивая и снова оглядываясь по сторонам, словно пытаюсь завязать разговор. — Еще раз спасибо за вежливость по отношению к миссис Спенсер. Я знаю, очаровывать спонсоров — не самое твое любимое занятие, но она была одной из наших самых важных...

— Не за что, — говорю я, возвращая внимание к очищенным костям на столе. Я беру датчик Болея в качестве намека на окончание разговора. Хью Кэннону не нужно заполнять тишину.

— Тогда ладно. Хорошего дня, Джек.

Я поднимаю взгляд, когда он направляется по коридору, и опускаю инструмент. Я уже измерил зубы и прочитал данные, отображаемые на мониторе. Не хочу отвлекаться, когда придет доктор Рот, вот почему я откладываю подъязычную кость в сторону для последующего осмотра.

Тот факт, что истерика Кайри стоит мне ценного исследовательского времени, доказывает то, о чем я думал с самого первого дня: она не заслуживает своего положения.

Она, очевидно, наблюдательна и достаточно умна, раз вычислила мою деятельность. Проследив за ней прошлой ночью, я был бы склонен поверить, что она просто соблазнила Брэда, чтобы узнать о его теориях обо мне.

Но видя, как она держит отрубленную руку, втоптывая мою теорию в грязную почву...

Она убийца.

Хладнокровная хищница.

Она заметила меня раньше, чем я узнал о ней — и именно это заставляет меня крепче сжимать рукоятку датчика. Я с усилием откладываю инструмент в сторону, затем прижимаю ладони к столу. Холодное прикосновение стали просачивается сквозь латекс, чтобы погасить маленький язычок пламени.

Я полагался на свои предвзятые понятия, и это моя роковая ошибка.

Всегда подтверждайте свои выводы.

Что могло случиться с такой девушкой, как Кайри, что превратило ее в убийцу? Женщины-серийные убийцы — редкая порода, даже более редкая, чем напарники.

У нее не было явных признаков психопатичности, так что, скорее всего, она такой не родилась. Какой-то провоцирующий инцидент в ее жизни спровоцировал это превращение.

Раскрытие этой ключевой информации о ней станет тем кусочком головоломки, который мне нужно использовать против нее, чтобы убрать ее из своей жизни.

Как правило, когда убийцы обнаруживают, что охотятся на одной территории, один из них решает уйти, опасаясь быть обнаруженным. Два главных хищника не могут занимать одно охотничье угодье.

Как биолог, специализирующийся на изучении дикой природы, Кайри понимает это лучше, чем кто-либо другой.

Наша биологическая структура отвергает менталитет стада. Если тот или иной отказывается сдавать территорию, остается единственный вариант — ликвидация.

Выживание любыми необходимыми средствами.

Не знаю, когда она обнаружила меня, но ведь решила остаться.

Это ее единственный фатальный недостаток.

Она думает, что умнее меня и сможет манипулировать так же, как манипулирует всеми вокруг. Она понятия не имеет, с чем столкнулась.

Она дала мне подсказку, когда сказала, что мы встречались раньше.

Чего бы ни хотела от меня Кайри, все начинается с того момента.

Следующие полчаса я наблюдаю за горсткой студентов, которые просачиваются на кафедру. При виде Кайри во мне поднимается волна возбуждения, и я мысленно подавляю это раздражающее ощущение. Рефлекторно я дотрагиваюсь до своего кармана в поисках предмета, который всегда был там, понимая, что его там нет.

Стиснув челюсти, я без всякой необходимости начинаю заново измерять обесцвеченные резцы, пока мое периферийное зрение отслеживает ее движения. На ней черная юбка-карандаш и блузка цвета шампанского. Ее рыжевато-каштановые волосы собраны в стильную прическу, макияж на месте, она выглядит хорошо отдохнувшей, как будто ночью не хоронила тело.

Она несет свою награду — ту самую, которую я должен был вручить ей вчера вечером. Лучезарно улыбается и принимает поздравления от нескольких коллег, прежде чем поставить трофей на полку вдоль стены своего офиса.

Когда она, наконец, замечает букет цветов на своем столе, ее взгляд сразу же устремляется к кабинету Брэда через коридор.

Нет, они не от хилого любовника.

Она любит редкими гималайскими голубыми маками, пока ищет открытку, затем ее сияющая улыбка спадает, когда она замечает ленту, обвязанную вокруг стеблей.

Ее пристальный взгляд встречается с моим.

Невозможно описать тот прилив адреналина, который проносится по моим венам. По замыслу, я стараюсь отделять свою личную жизнь от работы, по крайней мере, когда нахожусь в пределах лабораторного пространства. Это приводит к череде монотонных дней, пока я снова не смогу достичь кайфа, и сейчас не могу отрицать, что блаженство чертовски близко.

Ее пристальный взгляд фокусируется на мне, и я сдерживаюсь, чтобы не растянуть губы в довольной улыбке.

Наблюдаю, как она аккуратно развязывает ленту, сворачивает ее в тугой клубок и засовывает в карман юбки.

Я снимаю одноразовые перчатки и бросаю их в корзину для опасных отходов по пути к ее кабинету. Остановившись в дверном проеме и прислоняюсь к косяку.

— Хорошо спалось, Джек? — спрашивает Кайри, вызывая ответную боль в ушибленной электрошокером плоти моей груди.

— Как будто меня ударили током и накачали мидазоломом, — говорю я, отвечая на ее язвительное замечание.

Она хлопает на меня своими густыми ресницами.

— Кажется, это первый раз, когда я нахожусь в твоём офисе, — я рассматриваю награды на книжной полке, фотографии в рамках. Не знаю, принадлежат ли они семье или друзьям, но они выглядят постановочными. Как будто она прифотошопила себя.

Она умело натягивает улыбку, ее пухлые розовые губы привлекают мое внимание.

— Технически, Джек, ты не в моем офисе.

Я принимаю вызов и смело захожу внутрь, чувствуя, как воздух маленькой комнаты наполняется энергией, когда каждый из нас пытается доминировать в пространстве.

— Твоя мать? — спрашиваю я, кивая в сторону зернистой фотографии в центре полки.

Тень беспокойства пробегает по ее лицу, губы слегка поджимаются, прежде чем она

придает своим чертам приятный вид.

— Ты здесь не для светской беседы, — говорит она. — Ты ненавидишь это. Да вообще никаких разговоров не выносишь.

Я позволяю своему рту изогнуться в кривой ухмылке. Ей нравится хвастаться тем, как хорошо она меня знает. Я мог бы прямо подойти и спросить ее, какой была наша самая первая встреча, но не сомневаюсь, что это только еще больше распалит ее. Она скрепя зубы работала бок о бок со мной в течение трех лет; сейчас она не так легко даст мне ответ.

— Понравился подарок? — спрашиваю я, опуская взгляд на бледно-голубые цветы.

— Я восхищена. Они прекрасны.

— Это редкий вид, — говорю я, придвигаясь на дюйм ближе к ее столу. — Я выращиваю их сам, вместе с другими особыми видами.

— Возбуждает, — невозмутимо отвечает она. Затем наклоняет голову, изучая лепестки цветов более внимательно. Цветовые сочетания варьируются от яркого до мягкого бледно-голубого. Должен добавить, что это нелегкий подвиг, поскольку мне пришлось разводить маки в течение трех лет, чтобы получить желаемый цвет.

Когда ее пристальный взгляд поднимается, чтобы встретиться с моим, я вижу оттенки в ее радужках, массив из самого темно-синего около зрачка, переходящий в бледные оттенки серо-голубого возле темного кольца с краю.

Кайри отодвигает букет в сторону.

— А тебе понравился мой подарок? — она приподнимает бедро и похлопывает себя по карману, намекая на полоску рубашки, которую я оторвал от туловища после того, как откопал.

Технически, я выкопал половину тела.

Я провожу рукой по своему кашемировому галстуку, стараясь взять себя в руки, подавляя вспышку гнева, вызванную ее насмешками. Опираюсь ладонью о край стола, опуская лицо, чтобы оказаться на одном уровне с ней.

— Ваш подарок показался мне неполным, доктор Рот. Где все остальное? — требую я.

Это делает ее улыбку еще более яркой и властной.

— Какой ты любопытный, а?

Образ моих рук на ее горле возникает так яростно, что мне приходится оттолкнуться от стола, чтобы убрать ее из зоны досягаемости. Я закрываю стеклянную дверь, отгоняя все отвлекающие факторы и запечатывая нас внутри.

— Это не игра, Кайри, — говорю я, мой тон понижается до убийственных децибел, когда я смотрю на нее. — Ты ведешь себя как ребенок, устраиваешь истерику из-за того, что я не помню нашу первую встречу?

Ее рот сжимается в вынужденную гримасу.

— О-оу. Держу пари, ты не относишься так пренебрежительно к другим своим встречам на одну ночь.

Я медленно киваю. Точно знаю, что не трахал эту девушку и потом не игнорировал. Я так не делаю.

Подходя ближе, я засовываю руки в карманы, чтобы не поддаваться искушению задушить ее.

— Ты не брошенная любовница, Кайри, но такая сентиментальная, — говорю я, зарабатывая насмешливый хмурый взгляд с ее стороны. Из нашего прошлого общения я понял, что ей не нравятся мои выговоры. — Ты позволяешь эмоциям управлять твоими

действиями. Ты все делала импульсивно, как чертова дилетантка, когда убила того аспиранта. Прямо здесь, в университете, где работаешь.

Как только слова вырываются наружу, я не могу забрать их обратно. Они бомбят воздух между нами, как взрывающаяся звезда, и ничто не мешает нам обоим упасть в бездну.

— Будут последствия, — говорю я, понизив голос.

Поскольку торжество состоялось вчера вечером, как и предполагал Кэннон, несколько человек могут не прийти сегодня. Отсутствие одного студента не вызовет особого внимания. Но через два дня начнутся вопросы. Звонки. Друзья будут гадать. Семья позвонит в университет.

— Ты забавный, Джек, — она обходит свой стол и присаживается бедром на край, скрестив руки на груди. — Никто на самом деле не понимает, насколько ты смешной. Но я знаю. Потому что либо у тебя просто очень сухой юмор, либо ты гребаный лицемер, — она переводит взгляд на лабораторию и мое рабочее место в другом конце коридора, прежде чем бросить на меня уничтожающий взгляд. — Пропавшая. Без вести. Коала.

Геокодированное местоположение одной из моих жертв. Похороненные глубоко в местах разложения. Об этом она болтала прошлой ночью, о местонахождении тел, от которых я избавился на ферме трупов.

Я молчу, позволяя напряжению между нами усиливаться.

Как я и предполагал, она заговорила первой; она не выносит даже минутного молчания.

— Как эти последствия могут меня коснуться? — спрашивает она.

Хмурю лоб.

— А ты не махала мне отрубленной рукой?

Она пренебрежительно пожимает плечами.

— Просто об этом нет никаких доказательств. Из нас двоих, полагаю, что я единственная, у кого есть алиби на прошлую ночь, — она наклоняет голову, чтобы оглядеть меня, и кокетливо машет Брэду пальцами.

Сжимаю челюсть.

— Так что... — она растягивает слова. — Будут последствия. У тебя, Джек, — ее губы растягиваются в самодовольной улыбке.

Ей это нравится.

Какова бы ни была цель этой девушки, она определенно жаждет заставить меня страдать.

Я мог бы остановить это прямо сейчас. Просто проследить за ней до дома сегодня. Подождать, пока она заснет в своей постели. Закрывать ей рот рукой и вырубить. Мне бы не понадобилось успокоительное. Или электрошокер. Я могу связать доктора Рот в личной холодильной камере менее чем за двадцать четыре часа, где выпытаю из нее ответы, а затем избавлюсь от досадной проблемы.

Жизнь вернулась бы в нормальное русло.

Я мог бы даже повесить это на Брэда. Избавиться от двух проблем одновременно.

Но чем дольше я смотрю на доктора Кайри Рот, улавливая понимающий блеск в ее бледно-голубых глазах, тем более любопытным я становлюсь.

Хотя любопытство и губит кошку, в исследовательских центрах прорывные открытия совершаются тоже благодаря любопытству.

Я всегда грешу в сторону осторожности. Если она достаточно агрессивна, чтобы убить одного назойливого аспиранта, она может быть достаточно агрессивно предана делу, чтобы

хранить свои секреты. Или Кайри просто сумасшедшая — у сумасшедших есть склонность все усложнять.

Правда в том, что мне нужно больше информации. Мне нужно время, чтобы покопаться в ее прошлом и найти ответы. Я не выполняю план если у меня не согласованы все детали и все не расставлено по местам. До сих пор мы играли по ее правилам. В ее власти.

Пришло время перевернуть игровое поле.

И если нас постигнет неудача, всегда есть план Б.

Ее отполированные кости хорошо смотрелись бы на моей каминной полке с трофеями.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я прямо.

Она соблазнительно облизывает губы.

— Честно говоря, не думаю, что ты заслужил от меня такой ответ, Джек. Прекрати унижаться.

Улыбка расплзается по моему лицу. Я делаю один шаг вперед, чтобы сблизить нас.

— Как насчет встречного предложения?

Она выгибает изящную бровь.

— Я слушаю.

— Я скажу тебе, чего хочу, — говорю я, намеренно позволяя своему взгляду блуждать по ее телу. Если не ошибаюсь, ее реакция доказывает, что я на нее влияю; впадинка вдоль стройной линии ее горла; легкая дрожь, пробегающая по ее телу. — Я хочу, чтобы ты убралась к чертовой матери из моего отдела. Из моего университета. Моего города. С моей территории.

Она быстро приходит в себя, кокетливый фасад исчезает под суровым выражением ее лица.

— Этого не произойдет. Я упорно трудилась, чтобы...

— Тебя наняли в качестве одолжения, — оборвал я ее. — Я видел направление от твоего профессора к доктору Кэннону. Признаю, что ты очень, очень усердно поднималась по социальной лестнице, но заработала это не сама.

Имея меньший опыт работы, чем у всех остальных претендентов вместе взятых, я до сих пор не понимаю, как Хью нанял такого «зеленого» биолога дикой природы. Ничего не изменилось с тех пор, как доктор Кайри Рот переступила порог моего университета.

Если бы взглядом было можно сдирать кожу, моя превратилась бы в кучу обрывков вокруг ног. Удовлетворение разливается по моим венам.

— Я понятия не имела, какой вы женоненавистник, доктор Соренсен.

— Называй это как хочешь, но у меня заслуги идут дальше рекомендаций, — я пожимаю плечами, позволяя ей поверить, что именно поэтому я никогда не хвалил ее так явно и отчаянно, как она желала. — Возможно, если бы ты сначала накопила необходимый многолетний опыт, у нас были бы совершенно другие профессиональные отношения, доктор Рот. Вместо этого ты вторглась на мою территорию, не обладая достаточными навыками, и бросила вызов.

Она прищуривается.

— Мы больше не говорим о карьерном росте, да?

— Я говорю о том, и другом.

Правда в том, что — как бы мелочно это ни звучало — я был здесь первым. Если она хочет быть примитивной в этом вопросе, то я пометил свою территорию задолго до того, как ее симпатичная попка притащилась в Уэст-Пейн.

Я сталкивался только с одним другим хищником на своей территории. Десять лет назад это конкретное соперничество закончилось тем, что он умер, его тело сгорело — кости и все остальное, — а я покинул свои охотничьи угодья.

И все же я — главный хищник, который занял пьедестал.

История здесь имеет приоритет.

Кайри прикусывает уголок губы, а затем:

— Понятия не имеешь, насколько ты полон дерьма, — говорит она, и ее тон становится суровым.

— Мне наплевать на чужое мнение, — говорю я и, прежде чем она успевает возразить, добавляю: — Тут может остаться только один, Кайри.

То, что я назвал ее по имени, удивляет ее, и она издает сардонический смешок.

— Зашли двое мужчин. Вышел один⁹, — ее бровь снова приподнимается в вызове. — Не очень политкорректно. Возможно, следует обновить правила Тандердома¹⁰ до более гендерно нейтральной формулировки.

Я провожу языком по гладкой поверхности своих зубов, затем бросаю взгляд на Брэда через стеклянную стену, мрачная мысль давит на мою решимость. У меня был другой план устранения дилеммы Брэда, но, возможно, он все еще может послужить какой-то цели.

Кто-то должен пострадать. С таким же успехом это мог быть и он.

К тому же, мне правда не нравится этот ублюдок.

— Доктор Брэдли Томпсон — наша проблема, — говорю я.

— Он? — Кайри качает головой, обходя стол. Она берет папку из плотной бумаги и перелистывает страницы, изображая интерес. — На самом деле я не считаю Брэда проблемой, Джек. Может, попробуешь отсосать ему и задобришь его? Ему это нравится. Возможно, он даже откажется участвовать с тобой в исследовательской поездке в Мадрид.

— Ты действительно настолько наивна в отношении того, что сделала.

Это полностью завладевает ее вниманием. Она кладет папку на стол.

— Когда Брэд узнает, что студент, обнаруживший несоответствие, пропал без вести...

— Он укажет на тебя пальцем, — выпаливает она в ответ.

— А потом я включу это для полиции, — я лезу во внутренний карман своего блейзера и достаю телефон. Держу его между нами и нажимаю кнопку воспроизведения на экране.

— *Так вот в чем дело. Я не упал к твоим ногам, как все остальные, и ты решила подставить меня.*

Затем ее голос наполняет кабинет:

— *Тогда, полагаю, я не оправдала все ваши ожидания, доктор Соренсен?*

Я нажимаю «Стоп» на записи.

— Это совсем немного из твоего очень информативного монолога. Ты любишь поболтать, Кайри, — я одариваю ее самодовольной улыбкой. — Если я пойду ко дну... ну, остальное ты знаешь.

— Боже. Так очевидно, — говорит она.

— И все же эффективно, — я убираю телефон в карман, и ее улыбка растягивается, как будто у нее есть еще один секрет, который только и ждет, чтобы сорваться с ее губ.

— Хорошо, Джек, — наконец соглашается она. — Миссия «Ферма тел в Тандердоме» началась, — она широко разводит руки. — Какова цель?

Мой взгляд скользит к кабинету через коридор, где доктор Брэд Томпсон плохо справляется с задачей исподтишка наблюдать за нами с выражением страдания на бледном

лице.

— Брэд должен исчезнуть, — говорю я.

— Это слишком просто.

Как бы сильно мне ни хотелось выпотрошить его и оставить его внутренности и органы на съедение птицам, убивать Брэда прямо сейчас неразумно.

— Брэду нужно исчезнуть, — уточняю я. — По собственной воле. Он либо должен быть так напуган, либо так раздражен, — я пристально смотрю на нее, подразумевая, что это ее компетенция, — своим положением здесь, что он добровольно уйдет, забыв обо всем несоответствии.

Кайри соглашается не сразу, и я почти уважаю это. Она на мгновение задумывается, прежде чем сказать:

— И полагаю, тот, кто заставит Брэда уйти, победит. Проигравший совершит свое позорное шествие прямо за пределы кампуса.

— Или проигравшая... но да, идея такова. Я сотру запись с телефона, а ты скажешь, где вторая половина останков.

Ее губы изгибаются в лукавой улыбке, когда она протягивает руку.

— Отлично. Договорились, Джек. Пусть победит сильнейший.

Между нами тянется нерешительный миг, когда я смотрю на ее руку, впитывая изящество ее пястей и тонких фаланг. Мой взгляд скользит вверх по ее лучевой кости, и когда я беру ее руку в свою, мое дыхание рефлекторно замирает, пока провожу пальцами по нежным косточкам ее запястья.

Яжимаю ей руку в знак согласия, и когда она собирается отстраниться, я притягиваю ее к себе.

— Ты забрала кое-что мое, — шепчу я ей на ухо.

Ее дыхание прерывается, выдавая малейшую дрожь ее тела, прежде чем она говорит:

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

После еще одного тяжелого удара сердца я отпускаю ее руку и отступаю назад. Не отрываю от нее взгляда, пока не оказываюсь у двери, затем поворачиваюсь к ней спиной.

Я слышу характерный щелчок моей зажигалки. Остановившись в дверях, я оглядываюсь и вижу, как Кайри чиркает колесиком. Крошечное пламя вспыхивает, отражение танцует в ее глазах.

Кайри закрывает крышку, чтобы погасить пламя. Затем вырывает из букета голубой цветок, обрывает длинный стебель и, подмигнув, закладывает цветок за ухо.

— Игра началась, Джек.

Глава 5

Щелчок, хлопок

КАЙРИ

Щелчок, хлопок. Щелчок, хлопок.

Я прикусываю зубами нижнюю губу и пытаюсь подавить улыбку, которая так и просится вспыхнуть на моем лице. Мне не удастся удержать ее. Я перечитываю сообщение Хью в третий раз за это утро, волнение и нервы пронизывают мои пальцы, пока тереблю зажигалку в руке.

Кому: [электронная почта защищена]

От: Хью Кэннон [[электронная почта защищена]]

Тема: СРОЧНО: Совещание департамента

Всем,

Я немедленно разошлю расписание обязательного собрания департамента в 10 часов утра — пожалуйста, отмените все встречи или занятия, которые у вас запланированы на это время. Все выездные занятия, пожертвования тел или планы исследований отменяются до дальнейшего уведомления.

С лучшими пожеланиями,

Хью

Я открываю и закрываю крышку из нержавеющей стали с точностью метронома до тех пор, пока календарь-напоминалка не подаст сигнал о пятнадцатиминутном совещании.

Щелчок, хлопок. Щелчок, хлопок.

Моя ухмылка приобретает зловещий оттенок.

Беру трубку своего рабочего телефона и набираю номер Мадлен. Она отвечает после второго гудка.

— Бонжур, моя красавица, — говорит она, и я закатываю глаза. Она такая же француженка, как черствый багет с заправки «КвикФилл» на 2-й авеню. Ради всего святого, Мадлен родилась в гребаном Милуоки. Но я возвращаю улыбку на лицо. *«Люди могут почувствовать настроение по телефону»*, — однажды сказала моя мама, когда я пошла с ней на работу, послушно записывая ее перлы мудрости, наблюдая, как она справляется со своей повседневной рутинной в качестве главного агента по недвижимости Эшгроува. *«Улыбки продают, детка!»*

— Привет, Мадлен, — говорю я. — Ты придешь на совещание?

— Конечно, — отвечает она, нотка таинственности звучит в ее голосе. — Есть идеи, зачем оно?

У меня есть своя теория.

— Нет. Вообще никаких. Эй, сделаешь одолжение, если у тебя найдется секунда?

— Конечно, в чем дело?

— Ты не могла бы заскочить в офис Джека и взять экземпляр Хью «Статистики и вероятности в судебной антропологии»? Я встретила Хью в коридоре, он спросил, есть ли он у меня, но в последний раз я видела его в кабинете Джека, — говорю я, очевидно, опуская ту часть, где я взяла учебник с полки Джека, пока он был на занятиях. — Поскольку ты ближе...

— Конечно, без проблем, — вставляет Мадлен. Таинственность исчезла из ее голоса, сменившись яркими и лиричными нотками предвкушения. — Сейчас схожу. Увидимся на совещании.

Она едва успевает попрощаться, прежде чем в спешке отключить звонок.

Щелчок, хлопок.

Я встаю со стула и долго тянусь к потолку, разминая мышцы спины, которые все еще напряжены из-за моей недавней подпольной деятельности. С глубоким, очищающим вздохом я достаю книгу из ящика стола и кладу зажигалку в карман, затем направляюсь в конференц-зал дальше по коридору.

Окна длинной комнаты выходят на исследовательские поля, пасмурный послеполуденный свет отражается на полированном овальном столе. Кожаные вращающиеся кресла, которые все еще пахнут новизной, аккуратно расставлены вокруг него, стеклянная доска без разводов блестит в конце комнаты. Я прихожу первой из преподавателей и

направляюсь к боковому столику, где только что были расставлены графины со свежим кофе и чаем и поднос с выпечкой, наливаю чашку черного кофе и пытаюсь заставить себя не подсчитывать, сколько моих кровно заработанных средств уходит на легкомысленные расходы Хью для совещаний.

— У Кэннона всегда отлично получается клубничный датский пирог, — говорит Брэд, останавливаясь рядом со мной и касаясь пальцами моего бедра по пути к подносу для выпечки. Разворачивает пластиковую обертку, чтобы достать липкий пирог.

«Одна тысяча сто пятьдесят два доллара и тридцать четыре цента в год», — провозглашает мой внутренний голос.

Господи.

— Да, — говорю я, сжимая зажигалку в кармане. — Может, для разнообразия он мог бы попробовать не заказывать у О’Тула. Приелось уже, — ворчу я. Брэд только посмеивается, набивая рот слоеным тестом.

— Зато какие клубничные ¹¹дениши, — умоляет он, откусывая еще кусочек.

Я закатываю глаза, но ничего не говорю в ответ. Звук голосов привлекает мое внимание к двери, куда я поворачиваясь со своим кофе в руке. Следующим входит Хью, Джой позади, затем мгновение спустя появляется и Мадлен, она с благодарной улыбкой смотрит в мою сторону. Доктор Соренсен следует за ней по пятам, его раздражение бурлит под ровным блеском серо-голубых глаз, отглаженной черной рубашки и идеально сшитых брюк. Его взгляд задерживается на мне, прежде чем метнуться к книге в моей руке. Когда наши глаза снова встречаются, он прищуривается.

— Доктор Кэннон, я нашла ваш учебник, — говорю я со своей самой очаровательной улыбкой, подходя к нашему боссу с протянутой книгой. — Доктор Соренсен, должно быть, оставил его в учительской. Я нашла его на микроволновке.

Доктор Кэннон благодарит меня, ворча при этом о своем смертельном враге — микроволновой печи. Он клянется, что безобидный прибор бабахнул два месяца назад, когда он разогревал чашку супа — подвиг, который еще предстоит повторить. Все в департаменте сходятся во мнении, что он поставил тарелку вместе с металлической ложкой в микроволновку.

Я одариваю Джека приторно-сладкой улыбкой. Его ледяной взгляд становится смертоносным.

С ним гораздо веселее быть заклятыми врагами, чем просто неприятелями.

Я отодвигаюсь от стола ровно настолько, чтобы другие преподаватели, входящие в комнату, могли выстроиться в очередь за напитками и выпечкой, нервная энергия потрескивает в разговорах, которые заполняют пространство. Я перекидываюсь парой слов с коллегами, проходящими в очереди, и потягиваю свой кофе, а Джек подходит все ближе. Температура в комнате, кажется, резко падает с его приближением, и все же моя кожа становится горячее. Струйка жара выползает из моей груди, поднимается вверх по шее, нащупывает пульс, огибает челюсть и проникает в мякоть щек. Когда Джек отводит от меня взгляд, он смотрит, как у меня вздрагивает горло, и я сглатываю.

— Доктор Соренсен, — говорю я, когда он останавливается передо мной. Как обычно, я не думаю, что он ответит.

Я вынимаю руку из кармана.

Щелчок, хлопок.

Глаза Джека сужаются до узких щелочек. У него дергается челюсть. Между нами витает

аромат ветивера.

— Доброе утро, доктор Рот.

Щелчок, хлопок.

— Возьми пирожное, — шепчу я, наклоняясь немного ближе, и этот землистый, древесный аромат ветивера наполняет мои ноздри. — Ты такой хороший мальчик. Какой смысл в дрессировке без вознаграждения?

Щелкнув в последний раз, я убираю зажигалку обратно в карман, моя слащавая улыбка преследует Джека, когда он останавливается рядом с моим плечом. Его глаза обшаривают мое лицо, прокладывая дорожку по румянцу, все еще согревающему мои щеки, опускаясь к губам, прежде чем остановиться на изгибе моего горла.

— Еда меня не очень мотивирует, — говорит он, его голос настолько тих среди болтовни наших коллег, что только я могу его слышать.

Я насмешливо фыркаю.

— Это твоя слабая попытка соблазнения, Джек?

Он наклоняется чуть ближе, его рука всего в миллиметрах от моего плеча.

— Если бы я хотел соблазнить тебя, я бы поставил тебя на колени в холодильной камере, и твой предательский маленький ротик обхватывал бы мой член, умоляя о большем, — шепчет он.

На мгновение все в комнате исчезает.

Все, кроме Джека.

Остается лишь его холодный пристальный взгляд, прикованный к моей шее, мой пульс отвечает приливом крови к яремной вене, барабана, как азбука Морзе. Жестокая улыбка приподнимает уголок губ Джека, когда он равнодушно пожимает плечами.

— Вдруг, твое горло приспособлено для более плотских утех.

Джек отходит от меня, боком подходит к столу, чтобы налить себе кофе.

Уголек тлеет у меня в груди, как будто прожигает дерево насквозь. Надо бы взять свой напиток и вылить ему на брюки спереди. Но я этого не делаю. В моей голове разыгрывается совершенно другой сценарий, в котором мы находимся в холодильной камере, мои колени немеют от инея на полу, соски болезненно напрягаются под лифчиком. Я получаю удовольствие от Джека Соренсена, независимо от того, как крепко он сжимает мои волосы или как сильно трахает меня в рот. Он поклоняется мне, хотя это я стою перед ним на коленях.

Делаю большой глоток обжигающего кофе, чтобы выбросить эти образы из головы.

Он придурок. *Он мудака, он мудака, он мудака.* Тебе нравятся мудаки, но не такого типа. Так что достань свой арсенал и поставь этого ублюдка на место.

— Брэд, — окликаю я, перекрывая болтовню коллег. Присутствие Джека за столиком позади меня такое же колючее и холодное, как аура ледника. Брэд поднимает взгляд со своего любимого места за столом для совещаний, вторая порция пирога застыла у его открытого рта. — Я слышала, тебя можно поздравить.

Брови Брэда вопросительно приподнимаются. Мне не нужно оборачиваться, чтобы почувствовать ледяной поцелуй пристального взгляда Джека на своей коже.

— Твое предложение о совместной полевой исследовательской поездке по изучению влияния подпитки грунтовых вод на распределение скелетных останков для гранта...? Его приняли, разве ты не знал?

Конечно, он не знал. А я знаю, потому что моя подруга, доктор Харгрейв, входит в

комитет по пересмотру, и она сказала мне вчера. Возможно, я также убедила ее не принимать более выгодное предложение Джека о глубине захоронения и скорости разложения.

Слова поздравлений разносятся по комнате, и Брэд выглядит искренне обрадованным этой новостью. Он всего на мгновение ловит мой взгляд, и я улыбаюсь, но, кажется, только Джек замечает хитрый блеск в моих глазах, когда останавливается рядом со мной.

— Полагаю, в этом году я не поеду в Мадрид, — шепчет он.

Когда я поворачиваю к нему свою улыбку, она чертовски ослепительна.

— Думаю, что нет. Можешь пососать мои сладкие половые губки, Джек.

Я ухожу и занимаю место за столом как раз в тот момент, когда Хью предлагает всем присесть. Джек сидит напротив меня, выражение его лица непроницаемо. Если он беспокоится о том, что его ждет, то ничем себя не выдает.

— Спасибо всем за то, что собрались так быстро, — говорит Хью, занимая место во главе стола. Вездесущие мешки у него под глазами кажутся немного отечнее, тени под ними немного глубже. Его брови хмурятся, когда он обводит взглядом стол. — Сегодня утром нам нужно обсудить серьезный вопрос. Один из студентов магистратуры, Мейсон, пропал без вести.

За столом раздается ропот и вздохи, в том числе и мой собственный, но громче всех звучит голос Брэда. Я ловлю его взгляд и передразниваю выражение его лица. Широко раскрытые глаза. Открытый рот. Страх. Делаю еще один шаг вперед и кладу руку на сердце. Не осмеливаюсь взглянуть на Джека, чье присутствие нависает над столом с силой притяжения маленькой планеты.

— Когда Мейсона видели в последний раз? — спрашивает Брэд.

— В четверг днем, — отвечает Хью. — Он работал неполный рабочий день у Луи и не пришел на свою обеденную смену в выходные. Когда прошлой ночью он тоже не явился на свою смену и никто не смог с ним связаться, было объявлено о его пропаже. Скоро будет публичное объявление, — тяжелый вздох слетает с губ Хью. Он наклоняется вперед, переплетая пальцы, его взгляд обводит комнату, полную шепота и беспокойства. — Поиски пропавших без вести начнутся здесь, в Басс-Филдс, среди других потенциальных мест, где часто бывает Мейсон. Полевых исследований не будет до дальнейшего уведомления. Я поговорил с полицейским управлением, поисковые группы придут с минуты на минуту. Я предложил использовать лекционный зал «Б» в качестве места для их операционной базы.

— Что сказать другим студентам? — спрашивает Джой, ее глаза остекленели.

— Если у них есть какая-либо информация о местонахождении Мейсона, хоть что-нибудь, они должны немедленно сообщить в полицию. Вскоре сюда также придут два консультанта для оказания поддержки в области психического здоровья студентам и персоналу.

Вопросы и ропот проносятся по комнате, обсуждение переходит к тому, как лучше всего присматривать за другими учениками, когда становится ясно, что Хью не может или не хочет давать дальнейших комментариев по поводу исчезновения Мейсона. Тяжесть взгляда Джека манит меня, как колдовство, заставляя встретиться с ним взглядом, но я не подчиняюсь. Чем больше я избегаю смотреть на него, тем тяжелее ощущаю его присутствие, и я наслаждаюсь каждым восхитительным моментом его напряжения. Но я не единственная, кто ощущает его полярную ауру по ту сторону стола. Брэд бросает пристальные взгляды в сторону Джека, пока какая-то вызванная сахаром неистовая энергия не заставляет его

вскочить со стула, и он не начинает расхаживать мимо окон. Я думаю, он уже собирается высказать все свои подозрения по поводу несоответствий в программе донорства тел и потенциального участия Джека, когда раздается стук в дверь.

— Войдите, — зовет Хью, в его голосе уже слышится усталость от напряжения, вызванного этой встречей.

Дверь открывается.

Мое прошлое врезается в настоящее, когда в комнату входит Эрик Хейз.

И я, наконец, встречаюсь взглядом с Джеком.

Глава 6

Натянутая ткань

ДЖЕК

Температура в конференц-зале заметно понижается на несколько градусов, когда входит мужчина в дешевом костюме и оружейной кобуре. Широко раскрытый взгляд Кайри встречается с моим.

Я никогда раньше не видел, чтобы она намеренно избегала другого человека. Она всегда первая обращает на себя внимание лучезарной улыбкой, посланной, чтобы обезоружить и заманить в ловушку, пока этот человек ничего не понял.

Любопытство переполняет мои чувства, и я обращаю внимание на мужчину со значком ФБР в руках.

— Я специальный агент Эрик Хейз из отдела по борьбе с насильственными преступлениями, — говорит он. Засовывая значок обратно во внутренний карман своего плохо сидящего пиджака, он окидывает комнату пронизательным взглядом. — Я ценю, что ваш директор нашел время для решения текущего вопроса.

Брэд перестал расхаживать взад-вперед и устремил встревоженный взгляд на агента.

— Насильственное преступление? Есть новости о Мейсоне?

Хью отвечает вспышкой гнева.

— Нет, доктор Томпсон. Пока ничего.

— Не пугайтесь, ребята, — быстро подхватывает Хейз. — Наш филиал изучает и другие возможные причины. Я здесь просто для того, чтобы задать несколько вопросов.

Несмотря на его попытку преуменьшить причастность ФБР, это никого не убедило. Люди заламывали руки. Быстро моргали. Нервно дергались и перекладывали предметы на столе, добавляя толстый слой неловкости к и без того напряженной тишине. Как будто у каждого человека здесь есть какая-то зловещая тайна, которую нужно скрывать. Полиция и правительственные чиновники склонны заставлять даже святых сомневаться в своей морали.

Я украдкой бросаю взгляд на Кайри, сидящую прямо напротив меня. Теперь ее взгляд устремлен на светлую столешницу, прядь темно-каштановых волос ниспадает ей на лицо. Мои брови вопросительно приподнимаются, но она все равно избегает меня.

Естественно, я чувствую себя не в своей тарелке в присутствии представителей правоохранительных органов. Но не у меня одного где-то там похоронена половина изуродованного тела. Что заставляет меня усомниться в том, что останки обнаружили.

Иначе зачем бы ФБР появились сейчас?

Я изо всех сил пытаюсь поймать взгляд Кайри и замечаю, что я не единственный, кто борется за ее внимание. Агент останавливается позади нее, достает блокнот из кармана пиджака и смотрит в него. Очень старомодный крутой жест. Я почти ухмыльнулся.

После того, как Хью дает краткий комментарий о наших правах в области управления персоналом и просит о коллективном согласии отвечать на вопросы, агент Хейз нацеливается на Брэда.

— Доктор Томпсон, верно?

Оборона Брэда заметно усиливается. Его плечи напрягаются.

— Верно.

— Как долго Мейсон Дюмонт стажировался в вашем отделе, доктор Томпсон? — спрашивает агент.

— По-моему, девять месяцев, — говорит Брэд и качает головой. — Конечно, нужно проверить записи, но я думаю, примерно так. Он был очень внимательным аналитиком. Мейсон работал в основном с программой «Ферма тел». Пять дней — это большой срок для пропажи, верно?

Брэд бросает осторожный взгляд в мою сторону, моргает и отводит глаза. Его мысли с таким же успехом можно было бы записать на проекционном экране, — так легко его читать. Волнение проникает в мое хладнокровное поведение, и я снова ищу пристальный взгляд Кайри. Все, что нужно Брэду, — это малейший толчок со стороны этого агента, и он обвинит меня в исчезновении Мейсона. Он и так уже выдает слишком много.

Этикет правоохранительных органов 101: никогда не отвечайте на незаданный вопрос.

Сделав пометку, агент Хейз говорит:

— Мы пока не сделали никаких выводов, доктор Томпсон. Мистер Дюмонт когда-нибудь сообщал вам о странных находках или несоответствиях в отчетах «Фермы тел?»

Мое сердце учащенно бьется о грудную клетку. Я воздерживаюсь от того, чтобы смотреть на агента, не выдавая никакой заметной реакции, но внутри у меня бурлит кровь.

Наконец, Кайри встречается со мной взглядом, и мы оба, похоже, сразу приходим к одному и тому же выводу.

Мейсон не только сообщил Брэду о несоответствии тел, но и поделился своими опасениями со сторонним источником.

С гребаным ФБР.

Мейсон — единственный, кто мог их вовлечь. Никто, кроме Брэда, который боится собственной тени, не знал о жертве с отсутствующей подъязычной костью, похороненной на исследовательских полях.

Нет никакого другого способа, которым ФБР могли бы узнать об открытии Мейсона. Он сам связался с ними.

Пока Брэд делает все возможное, чтобы сформулировать связный ответ агенту Хейзу, объясняя, как оплошность с пожертвованным телом или записями могла быть неправильно задокументирована стажерами — и все это время бросая нервные взгляды в мою сторону, — я решаю, что Брэд точно не сообщал об этом. Он боится меня гораздо больше, чем ФБР.

Я оцениваю поведение Кайри, задаваясь вопросом, знала ли она о действиях Мейсона.

Нет, это было бы безрассудно глупо. Слишком беспечно даже для ее импульсивной натуры.

Убийство Мейсона после того, как он сознательно связался с федералами, несомненно, привело бы власти к нашему порогу. То, чего никто из нас не хотел бы.

— Спасибо за ваш более чем полезный вклад, доктор Томпсон, — говорит агент Хейз. — Возможно, мне придется связаться с вами снова, если понадобится дополнительная информация по записям «Фермы тел».

Мой взгляд устремляется на Хью, слова «только с ордером» обжигают горло, как раскаленное железо, но я сдерживаюсь.

Агент Хейз держит меня под прицелом. Он невысокий. Метр семьдесят, может. Ему за пятьдесят, и от сидения за письменным столом у него выступает живот. Редущие волосы коротко подстрижены, что намекает на военное прошлое. Он хочет, чтобы другие видели в нем главного, властного, но слишком старается казаться устрашающим, ведь складки вокруг его рта свидетельствуют о том, сколько дерьма он ежедневно получает от своего начальства.

Агент сверяется с блокнотом, прежде чем обратиться ко мне.

— Доктор Соренсен, — его глаза встречаются с моими. — У вас очень впечатляющая карьера.

— Спасибо.

Уголок его рта дергается.

— Вы помните, когда в последний раз мистера Дюмонта видели в отделе?

Я поднимаю брови и откидываюсь на спинку стула, прерывисто выдыхая и притворяясь, что размышляю.

— Не помню.

Агент ждет, что я скажу больше. Когда я больше ничего не предлагаю, он кивает и проталкивается вперед.

— Согласно журналам, предоставленным доктором Кэнноном, мистер Дюмонт работал над... — он снова сверяется со своими записями. — Донорами в вашем отделе.

— Верно, — говорю я.

— Но вы не припоминаете, чтобы разговаривали с ним или видели его...

— Доктор Соренсен не общительный и даже не замечает, что в его отделе работают другие.

Чтобы немного разрядить обстановку, Кайри внезапно приходит мне на помощь. Я удерживаю ее взгляд через стол, и она одаривает меня едва заметной улыбкой.

— Доктор Рот, — говорит агент и пересекает комнату, чтобы посмотреть ей прямо в глаза. — Доктор Кайри Рот, верно?

Она облизывает губы и хмуро смотрит на агента.

— Да, это мое имя. Чем я могу вам помочь, агент Хейз?

Способность Кайри скрывать выражение лица и вписываться в любую обстановку, по общему признанию, впечатляет. Мне следовало увидеть эту черту характера раньше. Так много крошечных деталей всплывает на свет, пока я изучаю ее сегодня и понимаю, что она скрывала от меня даже себя.

Это было нетрудно; мое эго сделало большую часть работы.

Хейз смотрит на нее со странной смесью опасения и озабоченности, как отец, сильно разочарованный в своем ребенке, но все еще желающий приютить его. Возможно, это побочный эффект его женоненавистничества; мужчины в его положении и с его авторитетом часто преувеличивают это свойство. Или у него есть собственная дочь, что объяснило бы вспышку фамильярности, которую я замечаю в прищуренном взгляде агента, когда он задает ей свой следующий вопрос.

— Как давно вы работаете в университете, доктор Рот?

Она сцепляет руки на столе.

— Три удивительных года.

Агент не делает никаких замечаний.

— Насколько я понимаю, за время своего пребывания здесь вы сделали много удивительных вещей. Например, расширили исследовательскую программу полей Басса. Они для вас как дитя, да?

Она колеблется всего мгновение, затем на ее лице появляется натренированная улыбка.

— Я получила награду на днях, но не смогла бы сделать ничего без неустанной и самоотверженной помощи коллег.

Хейз кивает.

— Сегодня никаких почестей, доктор Рот. Только факты.

Его насмешливое замечание проникает под ее защитную броню, и она улыбается шире.

— Конечно.

— И за три года вашего пребывания здесь вы не заметили несоответствия, на которые ссылался доктор Томпсон?

Наклонив голову, Кайри говорит:

— О, конечно, — ее голос ровный, приятный, но с едва уловимым оттенком беспокойства за пропавшего члена нашей команды. — Не хочу никого подставлять, у нас в программе участвуют лучшие аспиранты в стране, но они все еще студенты, все еще учатся. Опаздывают на тесты. Человеку свойственно совершать ошибки.

Его улыбка вымученная, но он делает пометку в блокноте.

— Вы знали о каких-либо разногласиях между Мейсоном Дюмонтом и кем-то еще в программе?

Она моргает, качает головой.

— Я так не думаю, нет.

— А как насчет бара, который часто посещают студенты... — он переворачивает страницу в своем блокноте. — «Black Rock Distillery». Вы когда-нибудь слышали, что Мейсон туда ездил?

— Извините, нет, — просто говорит она.

С этого момента происходит игра в пинг-понг. Не добившись от Кайри ничего полезного, агент идет дальше по комнате и собирает дополнительную информацию о пропавшем мистере Дюмонте. Мейсона все любили. Не лучший в своем классе, но достаточно особенный, чтобы его хвалили профессора. Не обнаружили ничего тревожного, кроме того факта, что никто из профессоров, друзей или семьи ничего о нем не слышали почти пять дней.

Я наблюдаю, как студенты шаркают по конференц-залу, с любопытством поглядывая на меня покрасневшими глазами, их беспокойство за друга или сокурсника заметно по их настроению. Сотрудники же озабочены сроками и тем, как рассмотрение дела может задержать или нарушить их работу. Они делают вид, что проявляют заботу, но на самом деле все мы чрезвычайно эгоистичны по своей природе. Нельзя добраться до вершины карьерной лестницы, выделив место в своих мыслях для заботы об одном аспиранте.

Вот почему охота в студенческих городках Три-Сити так хороша.

И почему я не обратил внимания на участвовавшие сообщения о пропаже студентов и мужчин мужского пола. Я так же, как и коллеги виновен в раздутом эгоизме, который помешал мне распознать другого охотника среди нас.

Это тщеславие дорого мне обойдется.

Когда встреча подходит к концу, Хью позволяет агенту передать команде свои личные контакты на визитках. Кайри первой выскальзывается из комнаты.

Я обхожу агента Хейза, оправдывая свою репутацию пренебрежительного человека, и следую за Кайри по лабиринту стеклянных офисов. Когда она сворачивает в коридор, я оказываюсь рядом с ней и, обхватив ее за бицепс, веду в холодильную камеру.

— Джек, какого черта?

Я закрываю дверь, запирая нас внутри со стальными модульными шкафчиками вдоль стен. Здесь есть ряды хранилищ для биологических реактивов и химикатов, которые вместе с телами должны храниться при температуре четыре градуса по Цельсию.

Мгновенное падение температуры охлаждает мою перегретую кровь. Это касается и Кайри, поскольку я замечаю, как она потирает предплечье, ее глаза горят, несмотря на прохладу помещения. Мой взгляд скользит к ее затвердевшим соскам, выступающим на фоне тонкой белой блузки.

— Ты чего-то хотел, Джек? — ее требовательный тон вторгается в мои беспорядочные мысли. — Например, сказать мне дату своей отставки и поздравить меня с победой? Или хочешь выполнить свою угрозу поставить меня на колени? — одна идеальная бровь выгибается дугой. — Честно говоря, я и не подозревала, что ты из тех, кто заводит отношения на рабочем месте.

И вот так моё хладнокровие дает трещину. Нетерпение бурлит в венах, и я прижимаю ее спиной к стальным шкафчикам, запирая в клетке, как дикое животное.

— Возможно, это единственный способ заставить тебя замолчать, — говорю я, представляя, как засовываю свой член ей в глотку, чтобы добиться желаемого эффекта сейчас же.

Она сглатывает.

— Тогда зачем...

— ФБР не появились здесь из-за того, что один студент пропал без вести, — говорю я тихо между нами. — Они здесь из-за того, что мужчины стали пропадать часто.

Агент Хейз не назвал никаких имен, но в этом и не было необходимости. Он сказал о बारे колледжа, подразумевая, что Мейсон был возможной жертвой, связанной с целой серией исчезновений — тех, которые могли быть напрямую связаны с программой «Ферма тел».

Взгляд ее широко раскрытых глаз смягчается, это обезоруживает.

— Один агент, — говорит она. — Не все ФБР и не оперативная группа. Вряд ли это повод для тайных встреч в холодильнике для трупов, — прежде чем я успеваю что-либо сказать, она добавляет: — У этого агента нет зацепок. У тебя паранойя.

— А ты беспечна, — я прикусываю нижнюю губу, сжимая руки в кулаки по бокам, сдерживая себя от желания навести порядок в своем собственном хаосе.

Я целеустремленно делаю шаг назад, увеличивая расстояние между нами, чтобы защититься от жара ее тела. У Кайри врожденная способность смотреть на вещи с положительной стороны, но даже ей нужно больше беспокоиться о том, что федералы будут вынюхивать.

Прищуриваюсь на нее и говорю:

— Ты думаешь, что, отправив Брэда в Мадрид на экскурсию по моему гранту, станешь победителем и решишь нашу проблему. До этой поездки еще три недели. Нам нужно, чтобы Брэд ушел немедленно.

Ее тело дрожит от холода, зубы слегка стучат, когда она делает глубокий вдох. Против воли мой член дергается при виде этого зрелища. Заклепки пирсинга трутся о труссы, и

чертовски трудно удержаться и не потянуться вниз, чтобы поправить эрекцию.

— Ты прав, — говорит она, удивляя меня. — Брэд не так хорошо умеет сохранять хладнокровие, как некоторые, — она бросает на меня удивленный взгляд. — Это огромное неудобство...

— Что ты убила студента с нашего факультета, приведя федералов к нашей двери? Да, это так, — я придвигаюсь к ней еще на дюйм ближе. — Ты знала, что твоя жертва связывалась с федералами? — требую я.

Я изучаю ее черты; она хорошенькая, даже когда возмущена.

— Ты, правда, так плохо думаешь обо мне?

Мои ноздри раздуваются, аромат ее духов ласкает обоняние.

— Это не ответ.

Она издает беззвучный смешок.

— Нет, Джек. Я не знала, что Мейсон связался с федералами, прежде чем ввела ему САКС¹² и расчленила его тело. В следующий раз буду убивать более тщательно, чтобы прикрыть твою задницу. Рад?

Она рисует грубую картинку, позволяя представить в графических, возбуждающих деталях, как она усмиряла и убивала свою жертву. Я усиленно моргаю, чтобы прогнать мысленные образы, пока разбираю ее признание, скрытое за сарказмом.

Кайри вычислила, что Мейсон планировал обойти Брэда и отправить ФБР информацию, которая могла бы уличить меня — или, возможно, ее. Я не могу быть уверен, о чьей заднице она на самом деле заботится, учитывая ее жажду моих страданий.

Я отвожу взгляд, когда она заправляет выбившуюся прядь волос за ухо.

— Что касается Брэда, то у меня был на него план, — говорю я. — Я уже принялся за него.

— Слишком медленно, — огрызается она. — К тому времени, как ты бы «разобрался с ним», — она делает воздушные кавычки, быстро обхватывая руками свое дрожащее тело, — Мейсон показал бы Брэду еще три несоответствия. У него было досье, Джек. Я стерла данные с жесткого диска его ноутбука. Он собирался сообщить Брэду эту информацию после торжества, — она приподнимает аккуратную бровь. — Так что, всегда пожалуйста.

Я тяжело выдыхаю через нос, затем провожу рукой по волосам. Мне следовало уехать из Уэст-Пейна три года назад. Причина, по которой я не сбежал, стоит прямо напротив.

— Я сказала, пожалуйста, — подчеркивает она.

— Не притворяйся, что какая-то часть сделанного была для меня, — говорю я, и нежелательное воспоминание о том, как она вошла в дом Брэда, вторгается в мои мысли. — У тебя есть своя эгоистичная мотивация.

Пока мой взгляд следит за Кайри, прижатой к шкафчикам, я борюсь с нелогичным голосом, шепчущим, что мои причины остаться были всего лишь отговорками. В конце концов, все мы эгоистичные существа. Какая-то разрушительная часть меня жаждала быть рядом с этой женщиной, несмотря на всю логику. Тогда я понял это: ее свет в моей тьме, ее переполняющая кинетическая энергия оживляла мой безжизненный труп.

Это соперничество между нами началось задолго до сегодняшнего дня.

Бросать вызов доктору Рот было почти так же приятно, как чувствовать, когда мои жертвы выпускают последний вздох.

Мой взгляд останавливается на бледном оттенке ее дрожащих губ, кровь отхлынула от них. Ни одна частичка меня не хочет согреть ее. Меня охватывает внезапное и опасное

желание расстегнуть тонкие пуговицы ее блузки, чтобы увидеть, как мурашки покрывают ее кожу.

Я должен уехать.

Сегодня.

Мудрый выбор — собрать вещи и уехать из города. Мой следующий пункт назначения уже давно определен. Все, что нужно сделать, это уйти и не оглядываться назад.

— Так что, по-твоему, мы должны делать? — вопрос срывается с моих губ, шокируя нас обоих.

— Я разберусь с Брэдом, — говорит она дрожащим голосом. — Не имея доказательств каких-либо расхождений, я прекрасно могу успокоить его, не прибегая к крайним мерам.

— *Сейчас же*, — я заканчиваю за нее заявление.

Брэд может быть податливым какое-то время, но срок его годности истек в тот момент, когда он вторгся на мою территорию.

Я молча соглашаюсь твердым кивком.

— А тело? — спрашиваю я.

Она выдыхает, ее губы дрожат, когда она прижимает ладони к стали и толкается вперед. Я не отступаю.

— Я не понимаю, почему мы должны отменять все наши развлечения... — она смело зажимает мой галстук между пальцами. — Кроме того, у тебя все еще есть запись со мной. Ты готов удалить ее, Джек? Откажешься от своего рычага влияния? — она накручивает мой галстук на ладонь, ее горячая рука касается моей груди. — В этом мире девушке приходится заботиться о себе самой.

Пламя пробегает по позвоночнику, разжигая меня на действия прежде, чем я осознаю, что сделал шаг. Я сжимаю горло Кайри, моя ладонь прижата к ее трахее, пальцы по бокам. Я смотрю вниз, на ее милое личико, и впитываю вспышку страха, прежде чем она успевает его скрыть.

— Ты не девушка, — говорю я, мой тон граничит с убийственным. — Ты — раздражающее неудобство, которое напрашивается на красную задницу.

Ее зрачки расширяются.

— И ты жутко ненавидишь, что тебя это так сильно возбуждает?

Мой член подпрыгивает в ответ, искушение раздавить ее трахею — яростная потребность, обвившаяся вокруг моей сдержанности. Я давлю на ее горло, она сглатывает, и чувствую, как ее подъязычная кость соблазнительно прижимается к моей ладони.

Наши лица разделяет несколько дюймов.

— Назови мне хоть одну гребаную причину, почему я не должен придушить тебя и засунуть обмякшее тело в один из этих шкафчиков.

С трудом переводя дыхание, она убирает руку с моей груди и засовывает пальцы в карман юбки. Поместив серебряный предмет в поле моего зрения, она чиркает зажигалкой.

Я ослабляю хватку, и она говорит:

— Потому что ты понятия не имеешь, что еще у меня есть на тебя, Джек. А теперь будь хорошим мальчиком и убери руку.

Какое-то темное требование внутри меня отказывается отпускать ее.

Освободив ее горло по одному пальцу за раз, я медленно отхожу. Это все равно что раздвигать два противоположных полюса магнита.

Она дотрагивается до своей шеи, ее изящные пальчики проверяют, нет ли повреждений.

— Я знаю, как душить без следов, — говорю я. — Если захочу причинить тебе боль, я это сделаю.

— Ладно, Джек. Новая цель, — вздернув подбородок, она расправляет плечи. — Мы повышаем ставки в соперничестве. Брэд довольно скоро уйдет, и я согласна, что здесь мы можем сыграть вничью. Но специальный агент? Ему, правда, нужно свалить.

— И как ты предлагаешь нам достичь этого, лепесточек?

Ее брови приподнимаются при упоминании прозвища.

— Честно говоря, у тебя нет чувства юмора, Джек, — она подходит ближе. — Используй воображение, — она обходит меня.

— Куда ты?

— Как бы мне ни нравилось замерзать с тобой до смерти в холодной комнате, я думаю, лучше выйти по отдельности. Ну, знаешь, чтобы не вызывать подозрений, — она улыбается и хлопает своими густыми ресницами. — Если только не хочешь, чтобы коллеги подумали, будто у нас роман.

В ответ на мое суровое молчание она тяжело выдыхает и говорит:

— Для вида я присоединюсь к поисковому отряду.

Я киваю.

— Хорошая идея.

— Я так рада получить твое одобрение.

Когда она тянется к двери, я обхватываю пальцами ее запястье.

— Выкинь ленту от цветов, — говорю я ей. — Избавься от тела.

Она выдерживает мой взгляд.

— Побудь здесь еще несколько минут, потом выходи, — говорит она, выдвигая свое требование. — Твое бессердечное «я» справится.

Мимолетный образ того, как я оказываюсь погребенным под слоем холодной белой пыли, застилает мне обзор, на мгновение останавливая меня, и Кайри вырывается из моей хватки. Видение исчезает так же быстро, как Кайри проскальзывает в дверь.

Я остаюсь в холодной комнате с большим количеством вопросов, чем когда туда входил, и с твердым членом. Вспышка гнева подрывает мою решимость вести себя прилично. Желание выслеживать и охотиться на добычу пульсирует в венах, но с федералом, шныряющим по городу, сегодня вечером удовлетворения не будет.

Мне придется избавиться от своих проблем другим способом.

Глава 7

Пленник

КАЙРИ

— Ты должен быть счастлив, — говорю я, подтаскивая стул к защитному стеклу, ножки которого с пронзительным скрежетом скребут по бетонному полу. Я опускаюсь на медицинскую сталь, упираясь предплечьями в колени. — Джек хотел убить тебя в течение нескольких дней. Он бы разрезал тебя на куски, может, даже взял бы несколько твоих костей. Если ты соответствуешь всем его взыскательным критериям, он мог бы сделать это, пока ты еще жив, — мои глаза расширяются от театральности. Я даже добавляю жуткое «оооо», тыча пальцами в перчатках в сторону пленника.

Мужчина по ту сторону стекла брызжет слюной и всхлипывает.

Я вздыхаю и кладу подбородок на сложенные пальцы, с нежной улыбкой рассматривая

своего хнычущего пленника. Он красив, но негоряч, атлетичен, но не силен. Как средней руки теннисист. Может, любитель гольфа. Его большие карие глаза блестят от слез, и у меня возникает внезапное желание лизнуть его щеку, ощутить вкус страха

— Однако, что мне в тебе нравится, так это то, что ты соответствуешь и моим критериям, — говорю я. — Хотя, если бы ты не поставил галочки во всех пунктах моего списка дерьмовых людей, не важно. Сейчас в приоритете другое.

— Отпусти меня, пожалуйста. *Пожалуйста*. Я обещаю, что никому не расскажу, — мой пленник прижимает руки к стеклу, на лице у него восхитительная смесь печали и ужаса. — Я не пойду в полицию. Я уеду, куда захочешь. Я уеду из города. Я исчезну.

Я надуваю губы и хмурю брови.

— Поверь. Сейчас ты в безопасности, — невысказанное «пока что» застывает в уголках моей широкой улыбки, когда я откидываюсь на спинку стула и изучаю парнишку за стеклом. — Колби Камерон. Экстраординарный истребитель кисок из братства. Кэнди-мен, разве не так тебя называют твои друзья-неудачники?

— Нет, я не...

— *Заткнись нахуй*, — рычу я, вскакивая со стула, чтобы ударить по стеклу обеими ладонями. — Я знаю о тебе все. Я знаю все о таких, как ты. Я изучала ваш вид в течение десяти лет.

Я притушаю свой угрожающий, дикий взгляд, закрываю глаза и успокаивающим движением перекидываю свои темные волны через плечо. Осторожно дергаю за густую прядь, ровный выдох срывается с моих губ. Когда открываю глаза, моя милая маска снова на месте.

Улыбки продают, детка!

— А твои друзья знали, как на самом деле ты тащил в свою постель девушек? Это было не просто американское обаяние, да? Не милое личико. Это была та маленькая добавка, которую ты подсыпал им в напитки. Сладкая капля успокоительного от Кэнди-мена, — я провожу покрытым латексом пальцем по стеклу и отворачиваюсь. — Думаю, твои друзья знали, что ты сделал. Иначе, зачем бы они дали тебе такое тупорылое прозвище?

Я выхожу из стеклянной клетки, направляясь мимо каталки из нержавеющей стали в центре комнаты, мимо фотографий и заметок, приклеенных скотчем к бетонным стенам, мимо стола с инструментами, охлаждаемых воздухом из вентиляционного отверстия в потолке. Останавливаюсь у морозильной камеры и провожу рукой по белой пупырчатой поверхности.

— Как уже сказала, — шепчу я секретам в холодильной камере. — Я знаю таких, как ты. *Я пережила* таких, как ты.

Порыв ледяного воздуха ласкает мои руки, когда я открываю крышку морозильника. Мурашки пробегают по коже, и я думаю о Джеке. Однажды, в решающий момент, его присутствие принесло благословенный поцелуй холода на мою кожу, бальзам от боли, которая горела пламенем в груди. Я думала, что если смогу найти его, если смогу быть рядом с ним, то так будет всегда. Я верила, что Джек был единственным, кто мог заглушить это страдание. Если я создам среду, в которой мы оба сможем процветать, тогда, возможно, я больше не буду так одинока. Но это была всего лишь наивная мечта. На самом деле, мало-помалу, он только усугублял ситуацию. Он превратил мою ярость в ад, который кипит под хрупкой оболочкой, и расплавленный жар слишком близок к поверхности, я не могу его больше сдерживать.

Теперь мне осталось сделать только одно.

Заставить. Джека. Страдать.

Я лезу в морозилку и достаю голень Мейсона, долгое время стоя спиной к Колби и разглядывая кристаллические чешуйки, прилипшие к волоскам на серой бескровной плоти. Мне почти жаль Мейсона. Не то чтобы он соответствовал всем моим критериям, но я сделала то, что должна была, лишь бы держать Джека под своим контролем. Тем не менее, Мейсон тоже не был безупречно чист, судя по его интересу к порно с несовершеннолетними девочками, которое я обнаружила, когда рылась в его ноутбуке, чтобы стереть улики.

Я вздыхаю, стряхивая лед с икры Мейсона.

— Ты когда-нибудь слышал о Молчаливом истребителе, мистер Кэнди-мен?

Колби на мгновение замолкает, складывая кусочки мозаики воедино.

— Я... я н-никогда никого не убивал.

— Я знаю, — рычу я, поворачиваясь к нему с оторванной ногой. Вздох Колби звучит несчастно. Он отворачивается, и его рвет, желчь разбрызгивается по нижнему краю стекла. — Ради всего святого. Туалет всего в нескольких шагах, Колби. Я не собираюсь убирать за тобой.

Мгновение я наблюдаю, скривив губы от отвращения. Я уже привыкла к тому, что мужчин тошнит. Они мочатся под себя. Даже гадят в штаны. Наверное, этот мачо соберет всю трилогию.

— Я рискну, — говорю я, покачивая ногой, прежде чем со стуком опустить ее на каталку. — Я думаю, ты слышал о Молчаливом истребителе. Но бьюсь об заклад, ты никогда не слышал, что один человек выжил после одного из его истреблений. Это скрыли от прессы. Думаю, ты догадался, кто был тем единственным выжившим.

Я бросаю короткий взгляд в сторону Колби, лишь когда подхожу к столу с инструментами и выбираю скальпель и пинцет, чтобы вернуться к отрезанной ноге. Мое внимание переключается на ноготь первой фаланги, я беру его пинцетом, вдавливая острый край скальпеля в мембрану, пока он не начинает отслаиваться.

— Он не так уж сильно отличался от тебя, — говорю я, освобождая ноготь от кожи и кладя его на край каталки, прежде чем перейти к следующей фаланге. — Я была маленькой. Семнадцать лет. Не знала, что бывают серийные убийцы, охотящиеся за такими девушками, как я. Такие люди, как Молчаливый истребитель казались лишь ночными кошмарами, которые не появлялись в жизни. Он был просто темным призраком. Пока не стал настоящим. Пока не накачал меня наркотиками, пока не вошел в мой дом. Пока не вонзил свой клинок мне между костей, пока родители не умерли прямо у меня на глазах.

— Пожалуйста, пожалуйста, — скулит Колби, когда, наконец, перестает извергать содержимое своего желудка на все поверхности. — Я просто хочу вернуться домой, умоляю.

— Сколько девушек говорили тебе то же самое? Сколько из них умоляли тебя отпустить их домой? — спрашиваю я, бросая второй ноготь на стол. Я бросаю на Колби быстрый взгляд через плечо, прежде чем вернуться к своей работе. — Ты хищник. Тебе так долго сходило с рук охота на девушек, ты и не беспокоился о том, что тебя поймут. Ты думал, что сможешь проскользнуть по жизни невредимым. Но знаешь что? Ты не на вершине пищевой цепочки. Ты — то, что мы называем в биологии третичным потребителем. Как змея. Или койот, — я сглатываю внезапный комок в горле, когда вытаскиваю третий ноготь. — Там бродят волки, мистер Кэнди-мен. И им не терпится сожрать тебя.

— Я н-не могу... я не... я не плохой парень.

— Ты знаешь, все боятся волка. Но знаешь ли ты, чего боится волк в царстве дикой природы? — спрашиваю я, освобождая еще один ноготь на ноге.

— Рысь, — тихо всхлипывает Колби у меня за спиной.

— Вот видишь, да? Большинство людей не догадались бы. Рыси выглядят такими милыми, с плюшевым мехом, белыми лапками и этими очаровательными маленькими черными кисточками на ушах. Очень классные, — я выдергиваю четвертый ноготь из замерзшего пальца со слабой, злой усмешкой. — Но рысь умеет прокрадываться в волчье логово. Убивать волчат. Беременных самок. А потом взрослых самцов, когда остаются с ними наедине. Рысь переворачивает волка на спину и раздирает ему живот или шею, а затем оставляет умирать. Одинокая рысь никогда не бросит вызов волчьей стае. Но... будет выжидать своего часа. И когда меньше всего ожидаешь, — говорю я, освобождая последний ноготь на ноге и кладя его среди других, — именно тогда они появляются из снега и теней. Вот тогда-то и убивают.

Я беру ногу за лодыжку и возвращаю ее в морозилку, прежде чем собрать ногти на ногах в маленький пакетик на молнии, который кладу во внутренний карман куртки, а перчатки выбрасываю в мусорное ведро рядом со столом с инструментами. Мой взгляд останавливается на стене с фотографиями и заметками, я снимаю фотку, сцена настолько знакомая, что физическое изображение вряд ли нужно, ее детали врезались в память. Я засовываю ее в карман рядом с пакетом сувениров и с ухмылкой поворачиваюсь к пленнику. Когда неторопливо подхожу к стеклу, Колби отступает, восхитительные слезы увлажняют его густые ресницы и скользят по коже.

— Джек — волк, который охотится на тебя. Но угадай, кто я? — я прижимаю ладони к стеклу и пожимаю плечами в дополнение к своей коварной улыбке. — Если у волка никогда не было ни единого шанса против рыси, как думаешь, что хорошего принесет твое попрошайничество?

Мы долго смотрим друг на друга, прежде чем я поворачиваюсь и направляюсь к укрепленной стальной двери.

— Уберите свою рвоту, мистер Камерон. В резиновом контейнере под кроватью есть полотенца. У меня и своих дел по горло.

Я покидаю свою маленькую берлогу под мелодию просьб и протестов Колби, первая дверь захлопывается за мной с глухим стуком, который эхом разносится по бетонной лестнице. Когда я подхожу ко второй двери, я беру винтовку у стены, и набираю код на клавиатуре, чтобы открыть замок, ведущий в потайной подвал моего охотничьего домика, расположенного вдали от всех.

Мой пес, Корнетто, поднимает голову со своего места, где лежит, охраняя порог хижины, когда я вхожу на первый этаж, присоединяется ко мне и садится рядом на потертый диван, пока я кладу винтовку «Savage 110» поперек бедер. Я достаю фотографию из кармана, где спрятаны ногти. Это снимок, который я сделала сама с помощью объектива с большим расстоянием: фотография Джека за год до того, как я поступила в Университет Уэст-Пейн. Он изображен в профиль, его руки глубоко засунуты в карманы, а пронизывающий ветер растрепал его короткие темные волосы по лбу. Джек смотрит на единственный акр земли, который университету удалось выделить для его исследований с помощью потрепанного гранта. Это было до того, как появилась я. До того, как я получила дополнительные сорок восемь акров площади для полевых исследований. До того, как я собрала средства для строительства новых лабораторий и учебных помещений. Это было в те дни, когда каждый

шаг, который я делала, приближаясь к своей цели, все еще казался мне замечательным испытанием, тактическим ходом по шахматной доске.

Слова моего отца возвращаются ко мне.

«Есть поговорка, которую тебе нужно запомнить, орешек», — говорил он мне каждый сезон, независимо от того, какую добычу мы выслеживали. *«Охота — это не спорт. В спорте обе стороны должны знать, что они в игре».*

Это больше не охота. И даже если Джек, наконец, поймет, что он в игре, это не спорт.

Это расплата.

Я провожу пальцем по лицу Джека, боль вспыхивает под тонкой, потрескавшейся коркой ярости, которая накапливалась годами с тех пор, как был запечатлен этот момент. Меня никогда особо не беспокоило, что он не вспомнил меня при нашей первой официальной встрече. Конечно, было разочарование, но не настолько большое, чтобы ранить мое сердце. С тех пор все изменилось. В каждом из его упреков чувствовалась целеустремленность. Каждый ядовитый укус разгорался все сильнее в моих венах.

И дело не только в том, что я не заслужила его яда.

А то, что он значил для меня, несмотря на каждый укус.

Джек был человеком, которому я подражала. Он способен выбить дух из врага, все еще ведя успешную жизнь в обществе, скрывая свои темные секреты от посторонних глаз. Я хотела быть похожей на него. Держать все под контролем. Быть восприимчивой к жестокости времени. Мощной. И я хотела дать Джеку то, что он дал мне: способ процветать в отсутствии света.

Итак, я с головой погрузилась в учебу. Я осваивала каждую тему за максимально короткое время, учась, пока не стала лучшей в своем классе. Я записывалась во все полевые школы, пользовалась любой возможностью. Я обратила свои охотничьи навыки на тех людей, которые этого заслуживали, очищая Эшгроув, а затем и Вествью от остатков цивилизации по одной душе за раз.

И когда я, наконец, добралась до Уэст-Пейна, чтобы создать безопасное убежище для нас обоих, Джек стал отвергать меня на каждом шагу.

Мне нужно найти способ заставить его страдать. Это единственный способ, которым я наконец-то избавлюсь от всего. Может, тогда я смогу воссоздать оазис, который создала в Уэст-Пейне, и самостоятельно впитаю его солнце и тени.

Достаю из кармана трофейную зажигалку Джека и открываю крышку, чиркая колесиком, чтобы разжечь пламя. Кажется, нельзя подставлять край фотографии огню, но я все равно это делаю. Я позволяю ему пожирать бумагу до тех пор, пока она не обжигает мне кончики пальцев, и только тогда отпускаю ее, роняя горящие ошметки на истертые доски у своих ног. Мой ботинок вдавливают огонь и золу в пол, а затем я выхожу из своей хижины, чтобы благополучно отвезти Корнетто домой, прежде чем отправиться на исследовательские поля Басса.

Припарковавшись, я отправляю сообщение доктору Кэннону, чтобы сообщить ему о своем прибытии, и он сразу же отвечает, хотя я знаю, что он не зайдет проводить меня. Поисковая группа почти закончила прочесывать территорию, когда предупредила доктора Кэннона о странном поведении животных на сельскохозяйственных угодьях, прилегающих к исследовательским площадкам. Конечно, в любом случае это были напрасные поиски, и большинство сотрудников, похоже, ушли. На стоянке есть несколько машин, но я никого не вижу, когда достаю винтовку и рюкзак с заднего сиденья своего «Лендровера». Я не вхожу в

здание, не смотрю на окна лабораторий. Я просто иду к полям с опущенной головой, высматривая признаки своей добычи.

Пятидесятиакровый участок исследовательских полей Басс-Ривер не является огромным пространством для прогулок, но он полон лесистых участков, ручьев и полей, окруженных смесью сельскохозяйственных угодий и редкого леса. Достаточно места, чтобы живые существа могли прятаться и бродить, строить логова и растить детенышей. Благодаря обилию пищи для падальщиков, многие из этих существ держатся поблизости, и их нетрудно найти, если знать, где искать. И мне требуется не больше двадцати минут, чтобы найти то, что я ищу.

Я расстилаю свое одеяло на хрустящей, покрытой инеем траве, все еще находясь в пределах видимости исследовательских лабораторий за спиной. Ложусь на живот и настраиваю прицел, но не делаю выстрела. Я просто наблюдаю некоторое время, позволяя холоду и тишине окутать меня, а узлу сожаления ту же стянуться вокруг моего горла, пока слежу за одиноким зверем в перекрестье прицела.

— Вам не следует здесь находиться, доктор Рот.

Я выдыхаю смешок, но не отрываю взгляда от обзора через оптический прицел.

— Думаешь, я стала бы рисковать без разрешения? Среди бела дня? С гребаной винтовкой? Вы, наверное, до сих пор невысокого мнения обо мне, доктор Соренсен.

Я слышу улыбку в голосе Джека, какой бы слабой она ни была.

— Я имел в виду, что вероятный убийца разгуливает на свободе. Тебе не следует быть здесь одной. Для приличия.

— Винтовка, Джек.

Джек останавливается рядом со мной, подошвы его потертых ботинок хрустят у меня за спиной, на краю моего непромокаемого одеяла. На долгое мгновение между нами повисает тишина, только пение птиц и шелест травы заполняют пробелы в моем терпении. Я уверена, Джек взвешивает потенциальную выгоду от удара ногой мне по голове против возможности получить пулю по яйцам. Но, что удивительно, он не рискует.

— Тебя не было в поисковой группе, — вместо этого говорит Джек.

— Нет.

— Почему?

Я пожимаю плечами, не отрывая взгляда от прицела.

— У меня были дела поважнее.

Наступает тихий момент, я думаю, что он сейчас отчитает меня за то, что я не явилась на поиски, но молчание затягивается, и Джек не делает резких замечаний.

— Ты не в камуфляже, — замечает он вместо этого.

— Верно. Сегодня мне он не понадобится, — отвечаю я, мой голос низкий, ровный и тихий, как торжественная молитва в пустой церкви. — И, надеюсь, я отпугну того, кто меня заметит पहले.

Я смотрю на Джека. Его взгляд прикован к горизонту, куда направлен мой прицел, потом блуждает по ландшафту, пока он ищет мою добычу. Я слежу за линией своего прицела и вдруг вижу ее вдалеке. Голова опущена. Рыжевато-коричневый мех. Прерывистый шаг.

— СВФ-14¹³, — говорю я, двигаясь влево по одеялу. Я раскрываю ладони вокруг винтовки, поднимая взгляд и встречаю вопрос в глазах Джека. — Взгляни.

Джек не подходит ближе и не вынимает рук из карманов куртки. Он просто поворачивает голову, чтобы искоса бросить на меня оценивающий, скептический взгляд.

— Вы хотите отдать мне свое оружие, доктор Рот?

— Стрелять мне в голову на территории кампуса вряд ли в твоём стиле. Если бы ты хотел убить меня, а я уверена, что ты хочешь, ты бы предпочёл что-нибудь гораздо более личное и... интимное... — я прикусываю нижнюю губу, когда взгляд Джека падает на мою соблазнительную, понимающую улыбку. Мрачный смешок клокочет у меня в горле, когда его глаза сужаются, расширенные зрачки пожирают серебристую радужку, пока не остаётся только тонкая полоска цвета. В ответ моя улыбка становится чуть более озорной. — Как думаешь, почему я зачесываю волосы наверх и надеваю эту рубашку сливового цвета с воротником-бабочкой в те дни, когда больше всего хочу тебя разозлить, а? Ну понял, которая с маленькими декоративными оборками здесь? — спрашиваю я, поднимая голову, подставляя горло холодному осеннему воздуху и проводя пальцами по коже.

— Я ненавижу эту рубашку.

— Знаю. Там повязки вокруг горла. Так близко к удушению, и все же так далеко. Такая дразнилка, — я заставляю свой короткий смешок прозвучать более сардонически, чем он есть на самом деле, когда отодвигаюсь на дюйм или два левее и снова протягиваю винтовку. — Да ладно тебе. Я не укушу... на этот раз.

Между бровями Джека пролегает складка. На мгновение мне кажется, что он просто уйдёт, оставив после себя несколько холодных и режущих слов. Но вместо этого он подходит ближе, его глаза не отрываются от моих, когда он опускается на колени рядом со мной, их холодный металлический блеск проникает мне в душу до того момента, пока винтовка не оказывается крепко зажата в его руке. Моя улыбка исчезает, аромат ветивера перекрывает запах примятой прохладной травы и влажной земли. Джек лежит на животе рядом со мной, опираясь на локти, и выглядит так же естественно с винтовкой в руках, как с бокалом шампанского и в безупречном черном костюме на торжественном мероприятии.

— Где искать? — спрашивает Джек, его внимание на мгновение задерживается на моих губах, прежде чем он прижимает винтовку к плечу и сосредотачивается на горизонте.

— На холме, справа от сосен, — отвечаю я, собирая обрывки своих разбегающихся мыслей. Волна сожаления — это все, что остаётся, когда я слежу за дулом. — Койот.

Джек кивает, его правый глаз устремлен в оптический прицел, левый плотно зажмурен.

— Понял.

— Не-а, другое, — поправляю я, но мягко. — Что ты видишь? — спросила я.

— Койота.

Я закатываю глаза.

— Упрямый ублюдок. Что ты...

— Он кажется дезориентированным, — я чуть не давлюсь слюной от намека на веселье в голосе Джека. Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы заметить исчезающую улыбку, но он не отрывает взгляда от прицела. Эта улыбка превращается во что-то более серьёзное, когда он наблюдает за животным вдалеке. — Он споткнулся. Выглядит раненым... нет, больным.

— Ты говоришь уверенно. Почему? — спрашиваю я, хотя уже знаю, что он прав.

— Язык тела. Голова и уши опущены. Кажется, он... реагирует на что-то. Не на нас? Не наш запах?

— Нет. Ветер благоприятствует нашему положению. Даже если бы он дошел до него, я сомневаюсь, что он убежал бы.

Джек отвлекается от койота. Его пронзительный интеллект обрушивается на меня с силой клинка. Я пытаюсь воздвигнуть стену между нами, но чувствую его пристальный

взгляд каждой клеточкой своего тела. Джек не просто смотрит на меня, он смотрит внутрь.

— Ты из семьи охотников? — спрашивает он, изучая детали моего лица.

— Да. Папа начал брать меня с собой, когда мне было десять, — уголек горит в моей груди, языки пламени покрывают старые шрамы жаром. Джек смотрит на меня так, как будто я буду вдаваться в подробности, как будто один-два простых вопроса заставят меня просто выложить всю подноготную, а он этого не заслужил. Даже сейчас я чувствую, как прошлое подкрадывается к моему горлу, умоляя выпустить его наружу. — Папа брал меня с собой на охоту, потому что я хотела пойти. У меня не было дерьмового детства, если ты об этом, — говорю я, отводя взгляд, хотя все еще чувствую, что он наблюдает за мной. — Это было идеальное времяпровождение.

Мой шепот, кажется, повисает в воздухе, прежде чем его уносит ветер. Койот вдалеке наклоняет голову, как будто прислушиваясь, но я знаю, что он нас не слышит. Он качает головой и скалит зубы на призрачного врага.

— Это ведь самка, как ты, говоришь, ее назвала? — спрашивает Джек.

Я хочу сказать СВФ-14, но знаю, что он назовет это чушью собачьей.

— Солнечный зайчик.

Я почти чувствую, как Джек собирает остатки своей выдержки, и на мгновение мне кажется, что хочет швырнуть оружие через поле.

— Солнечный... зайчик...?

— Ага. Сокращенно просто Зайчик. Или Зайка. Но я знала, что полное название тебе не понравится.

— Ну не знаю, Зайка — гораздо хуже.

Слабая улыбка мелькает на моих губах при виде отвращения на лице Джека, когда бросаю взгляд в его сторону. Мне доставляет глубокое удовлетворение наблюдать за тем, как он морщит нос, как будто проглотил что-то горькое. Он возвращает винтовку, и я беру под прицел Зайку, привыкая к приятной тяжести оружия, спусковой крючок холоден от осеннего воздуха.

Он не прикоснулся к нему пальцем.

Я бросаю взгляд в сторону Джека и вижу, что он наблюдает за мной с большим интересом, чем я ожидала.

— Впервые я увидела ее в ясный летний день. Она поймала молодого зайца, — говорю я, возвращая свое внимание к животному вдалеке. Пожимаю плечами. — Дело было не только в погоде или добыче. Чем дольше я наблюдала, тем больше понимала, что в ней есть какая-то искра. Своего рода добрая неуклюжесть. Следовательно, она стала Солнечным зайчиком.

— Я думал, биологи дикой природы должны оставаться бесстрастными по отношению к объектам своих исследований.

Я закатываю глаза и вздыхаю.

— Конечно, ты так думал. Это нормально, что прославленный доктор Джек Соренсен увлечен кучей холодных костей, но боже упаси, если кто-то помимо него испытывает рвение к работе, — ворчу я.

Я замолкаю на долгое мгновение, пока Зайка не уверенно совершает круг, и понимаю, что больше ничего не узнаю в ней, ничего не осталось от души, остались только мех, плоть и костный мозг. Жало жжет глубоко в моей груди, в моих глазах. Я моргаю, не отрывая взгляда от койота.

— Нет. Я изучала Зайку в течение трех лет. Я вовсе не испытываю к ней безразличия, Джек.

Мы погружаемся в молчание, пока Зайка смотрит вниз на траву, колышущуюся на ветру, как крошечные знамена. Она пробегает несколько шагов, прежде чем, спотыкаясь, останавливается и качает головой, ее челюсть отвисает, а язык шевелится в открытом рту, когда она пытается сглотнуть. Джек наклоняет голову, наблюдая за происходящим. Поведение Зайки заметно странное, даже с такого расстояния и без использования оптического прицела.

— Бешенство? — спрашивает он.

Мой палец ласкает изгиб спускового крючка, сердце, кажется, замирает в груди, его вес слишком тяжел для моих костей.

— Да. Мне сообщили об агрессивном койоте, который был убит на Митчелл-стрит несколько недель назад. Его проверили, и результат оказался положительным на бешенство. Я разбросала лекарственную приманку по полям, но, похоже, опоздала. Может, я использовала недостаточно лекарств. Надо было сделать еще один круг, но я увлеклась другими... приоритетами, — признаю я, сопротивляясь внезапному желанию взглянуть на Джека.

Тихие нити вокруг нас туго натягиваются, завязываясь узлом у меня в горле. Тишина никогда не беспокоит меня, когда я остаюсь одна в поле, наблюдая за поведением дикой природы. Но когда я с другими людьми, тишина часто глохнет, царапает мой разум, вызывает зуд в мыслях. Это как живая дыра, которая просит заполнить ее, лишь бы мое воображение не затащило меня туда, куда я не хочу идти.

— Никаких колких замечаний, Джек? — спрашиваю я, подпитывая пустоту, когда она начинает поглощать меня. Но, честно говоря, я также удивлена, что он не воспользовался возможностью отчитать меня за самопровозглашенную ошибку. — Я наблюдала за ней почти столько же, сколько нахожусь здесь, в Уэст-Пейне. Из всех здешних жизней ее мне больше всего нравится, и я только что призналась, что ее страдания — моя вина. Нечего добавить?

Тишина. Зайка спотыкается вдалеке.

Я сглатываю, когда мой палец вздрагивает на спусковом крючке.

— Давай, — шепчу я сквозь узел, стягивающий мои голосовые связки. — Ты же так радуешься, прокручивая нож в ране.

Молчание Джека кристаллизуется у меня под кожей, обжигая, как прикосновение льда. Мой взгляд не отрывается от Зайки, ее язык снова вываливается из открытой пасти.

— Черт возьми, Джек, просто сделай это уже...

— Кайри...

Мой выстрел останавливает его на полуслове, сила взрыва эхом отражается от насыпи ручья. Зайка падает в траву и не шевелится.

— И этого хватит, — шепчу я.

Я перекидываю рюкзак через одно плечо, а винтовку — через другое и поднимаюсь, не оглядываясь, иду прочь, чтобы забрать еще одну душу.

Ту, чью не хотела забирать.

Глава 8

Окрасить в красный

ДЖЕК

Три дня.

За это время я находил кусочки Мейсона в своих ежедневных обедах. Ногти в йогурте. Яички в салате с тофу. Внутренности в дорожной кружке с яичным супом.

Когда я подошел к Кайри, чтобы расспросить о ее выходках, ее ответ был таким: *«Ты сказал избавиться от тела... Переваривание — это фантастическая форма утилизации, Джек.»*

После этого я решил, что пришло время кремировать вещественные доказательства, которые она подарила мне вместе с половиной Мейсона. Все улики следует сжечь, а пепел использовать для удобрения моих гималайских маков.

Все, кроме бедренной кости.

Я сохраню ее в надежном месте. Когда дело доходит до Кайри и ее непостоянного темперамента, разумно иметь в запасе хотя бы одно доказательство.

Пока осенний ветерок разбрасывает оранжевые и красные листья по Мейн-стрит, я сажусь на скамейку у тротуара и листаю свой альбом для зарисовок. Я видел Колби только на своих рисунках.

Он пропал без вести.

Не удивлюсь, если в следующий раз он начнет появляться в моих салатах.

Перевернув чистый лист, я легонько провожу карандашом по бристольской бумаге, и царапающий звук графита по поверхности доставляет мне глубокое удовлетворение. Обычно я предпочитаю более грубую и плотную бумагу. Мне нравится текстура, тонко изломанные линии в каждой мазке. Но для этого конкретного эскиза требуется более мягкая поверхность, чтобы передать все тонкие нюансы черт.

Я поднимаю взгляд на свой объект, карандаш замирает над страницей, прежде чем начать растушевывать высокие скулы.

К тому времени, когда я подбираю цвет радужек почти до идеального оттенка бледно-голубого, я вижу, как объект моего рисунка выходит из-за стола через панорамное окно бара. Она без особых усилий смешивается с группой шумных студентов колледжа на выходе, она скрывается среди них, пока они направляются по тротуару.

Я улыбаюсь про себя тому, насколько она умна. Прячется у всех на виду. Непросто для красивой женщины, которая легко привлекает к себе внимание. Интересно, не является ли ее чрезмерно экспрессивная индивидуальность частью ее метода; убедиться, что все знают, какая она откровенная, общительная и восхитительная, чтобы, когда она выйдет на охоту, никто и не вспомнил тихую, послушную девушку, которая смешалась с толпой.

«Это была не первая наша встреча.»

Мне трудно поверить, что я забыл кого-то столь запоминающегося, как Кайри. И наше соперничество, чтобы выиграть время и разобраться во всем, привело лишь к тому, что агент Хейз задержался слишком надолго.

Чем больше я копаюсь в докторе Кайри Рот, тем меньше узнаю. Для такой замечательной женщины ее жизнь до Уэст-Пейна кажется ничем не примечательной, скорее хорошо отрепетированной. Я не могу найти ничего неправильного или уникального в Кайри Ли Рот. За исключением, конечно, ее типажа.

Я знаю, какой тип жертв привлекает ее внимание.

Сложив свои вещи в сумку, я надеваю кепку и перехожу улицу.

Я позаимствовал кое-какую одежду из шкафа Брэда и взял бейсболку, которую он любит

надевать после работы, с его стола. Прежде чем войти в бар, я опускаю козырек на глаза и толкаю дверь. Сначала меня встречает отвратительный взрыв поп-музыки.

Нахожу столик в дальнем углу, за которым последние полчаса сидела Кайри. С этой точки зрения я сразу замечаю ее цель, пьяный парень агрессивно флиртует с молодой девушкой двадцати с чем-то лет возле тускло освещенного стойка.

Она выбирает жертв из категории распутников.

Когда подходит официантка, я заказываю скотч и расплачиваюсь кредитной карточкой Брэда. Проходит всего двадцать минут, прежде чем я замечаю, как цель Кайри подсыпает раздавленную таблетку в пиво девушки.

Адреналин от охоты бурлит в моих венах.

Пока объект выводит слабую девушку на холодный ночной воздух, я следую не слишком далеко позади, следя за тем, чтобы камера, установленная на верхней полке витрины, запечатлела бейсболку Брэда.

План встал на свои места естественным образом. Брэд признался агенту Хейзу на первой встрече, что Мейсон высказал свои опасения непосредственно *ему*.

А потом Мейсон пропал.

Теперь я практически вручаю агенту Хейзу главного подозреваемого с уликами на серебряном блюде.

Хотя я хотел бы заявить, что это все ради Тандердома, дикий жар, обжигающий мою кровь, говорит об обратном. Я слишком долго отказывал себе, побуждая к созиданию. И удовольствие от убийства — это лишь отчасти то, что заставляет мое сердце бешено колотиться в груди.

Как и я, объект слишком нетерпелив, и его импульсивная натура заманивает жертву в переулок всего в нескольких кварталах от бара.

Я отступаю за угол и готовлю шприц. Когда слышу характерный звук расстегивающейся ширинки, я атакую.

Обхватив его рукой за плечи, я оттаскиваю его от одурманенной девушки и вгоняю иглу в шею. Нажимаю на поршень прежде, чем у него появляется шанс дать отпор. Когда он обвисает у меня на груди, я опускаю его на асфальт, затем быстро проверяю жизненные показатели девушки и уношу ее из переулка.

С ее телефона я отправляю сообщение «SOS» ее последним контактам, но, в конечном счете, оставляю ее на волю случая. Я уже рискую, охотясь с федералом на хвосте. Я не могу отбросить инстинкт самосохранения, лишь бы убедиться, что девушка в безопасности.

— Если попадусь федералам, — говорю я, таща жертву Кайри в конец переулка за лодыжку, — С таким же успехом могу умереть в лучах славы.

Я хихикаю, испытывая редкую эйфорию. Или, может быть, она просто полностью свела меня с ума. Меня сбивает с толку девушка с маково-голубыми глазами и игривой улыбкой. Она — моя явная слабость.

Закрываю багажник своей машины с приятным щелчком, запечатывая жертву внутри.

***

Методы дефлеширования могут быть различными. Более известный среди моих коллег — экскарнация, удаление мягких тканей и органов из скелета, при этом не затрагивающее и не повреждающее кости, является деликатным процессом, требующим много времени и

терпения.

И отбеливателя.

Это процесс, которым я очень горжусь и получаю от него удовольствие. Субъект, как правило, мертв при выполнении дефлеширования... но не обязательно.

Возможно, у меня нет времени для тщательного и деликатного процесса, насколько это требуется для сохранения костей, но есть определенная признательность за более устаревший метод.

Я смотрю на обнаженную жертву на стальном столе и провожу лезвием своего разделочного ножа по точилке. Он у меня на столе, чтобы служить определенной цели. Однако это не значит, что я не могу получать удовольствие от своей работы.

Трубка подает почти пустое содержимое пакета ему в руку через капельницу. Минеральный и физиологический растворы помогут ему гораздо быстрее избавиться от седативного средства.

Чтобы проверить остроту лезвия, я откладываю точильный камень в сторону и прикладываю руку в перчатке к его голени, прямо под коленной чашечкой. Его кожа прохладная на ощупь, в моей личной домашней холодильной камере температура на пять градусов ниже, чем в комнате в университете.

Расположив лезвие под углом шестьдесят градусов, я вонзаюсь в его плоть, делая чистый надрез.

Кровь собирается вокруг пореза и ярко-красными каплями стекает на стальную поверхность. Мой сердечный ритм, который почти никогда не ускоряется выше уровня покоя, резко подскакивает, уровень адреналина растет.

Я чувствую какую-то потерю, когда он начинает просыпаться. Ошеломленная жертва Кайри несколько раз моргает, приходя в сознание и пытаюсь прояснить зрение. Он резко пытается пошевелить рукой, медленно осознавая в своем нетрезвом состоянии, что пристегнут ремнями.

Затем его пристальный взгляд останавливается на мне.

— В твоём организме ещё много успокоительного, — говорю я ему и вытираю кровь с лезвия чистой салфеткой. — Сейчас ты оценишь это по достоинству.

Когда я протягиваю руку за удавкой, он, запинаясь, задаёт обычные скучные вопросы: *«Кто ты такой? Где я? Что ты будешь со мной делать?»* Дальше обычно следуют бесполезные крики, мольбы и слезы, затем, *наконец*, угрозы.

— Вот это хорошо, — говорю я, протягивая провод над ним. — Люблю заканчивать на сильной ноте.

Пока он продолжает угрожать моей жизни, я хватаюсь за деревянные рычаги и опускаю удавку, закрепляя проволочную лигатуру ниже выемки его кадыка на гортани.

Сопrotивляясь, он качает головой взад-вперед, а я стою на месте, чтобы насладиться моментом. Спешка, предвкушение. Самое близкое к блаженству — надирать поверхностную часть кожи, которая укрывает меня от неуловимых ощущений.

Мой взгляд останавливается на вазе с цветами в другом конце стальной комнаты. Гималайские голубые маки застыли во времени, цвет лепестков сохранился в точности под цвет ее глаз.

Я представляю ее такой, какой она была на Бассовых полях. Всего в нескольких дюймах от меня, ее близость горячим током прошла по моей коже, когда она положила палец рядом со спусковым крючком. Ее пристальный взгляд охотника остановился на больном

животном.

Она любила этого койота.

Гребаный койот, неспособный ответить взаимностью на ее чувства, который, скорее всего, изуродовал бы ей лицо, если бы она попыталась его погладить.

И она назвала его чертовым Солнечным зайчиком.

С той секунды, как она поступила в мой отдел, я пытался разобраться в этой девушке. Теперь, когда я знаю, что мы похожи, это должно объяснить мою зацикленность на ней; я почувствовал убийцу.

Но есть еще что-то неуловимое, удерживающее меня от того, чтобы обернуть свою веревку вокруг ее шеи.

Ее признание обожгло мои мышцы. Боль в ее глазах, когда она нажала на спусковой крючок, пронзила мою грудную клетку, это убийство ощущалось всеми эмоциями, которые не могло сдержать ее тело.

Хныканье снизу вырывает меня из воспоминаний, и в отчаянной попытке восстановить контроль я обматываю удавку вокруг шеи и туго натягиваю, заглушая его крик. Искаженные звуки удушья и хрипа, требующие воздуха, ласкают мою кожу.

Когда хор звуков затихает, я немного ослабляю проволоку, давая ему ровно столько воздуха, чтобы он мог повторить наш танец заново.

Я натягиваю проволоку до тех пор, пока мои мышцы не начинают гореть. До тех пор, пока мысленный образ улыбающейся Кайри не превращается в страдальческий. Ее рот приоткрылся, бледные губы дрожат. Именно так она смотрела на меня, когда я душил ее в холодильной камере.

— Черт возьми... — я отпускаю проволоку, и жертва задыхается. Его прерывистый кашель и отчаянные мольбы сливаются с голосом Кайри в моей голове.

— Убирайся к черту... — я туго затягиваю проволоку, и его кожа трескается под лигатурой. Глаза выпучиваются. Капилляры лопаются, и красное пятно заполняет белое глазное яблоко.

Когда я смотрю в его глаза — моя любимая часть — ожидая почувствовать момент, когда его тело перестанет бороться со смертью, ее глаза вторгаются в мою темную душу.

И все, что я вижу, — это она.

Ее чертовски твердые соски в пронизывающе холодной камере... и мысли, какой звук она издаст, когда я укушу их.

— Господи, — я бросаю ручки и отступаю от стола.

Яростно проводя рукой по волосам, я выдавливаю из себя еще одно ругательство. Кровь шумит в ушах. Я обхожу стол и хватаю нож.

Парень на столе впадает в панику.

— Срань господня... пожалуйста! О, черт, не делай этого...

Со стоном я просовываю лезвие под ограничитель и перерезаю ремень. Обрезаю остальные ремни, прежде чем перевернуть стальной стол и кинуть его вместе с жертвой на пол.

Тяжело дыша, я наблюдаю, как он поднимается на ноги. Используя капельницу в качестве опоры, он восстанавливает равновесие, сначала глядя на меня, затем на дверь.

— Сделай это, — бросаю я ему вызов.

Я так не действую.

Я работаю чисто. Точно. Дотошно.

Но она вторглась на мою территорию, испортив не только мой распорядок дня.

Пока парень взвешивает свои варианты, он поднимает блестящую серебряную палку, чтобы использовать ее в качестве оружия. Не сводя с него хищного взгляда, я опускаю голову на плечи, чувствуя, как каждая напряженная мышца сжимается вокруг моих позвонков.

Кровь стекает по его голени.

Он делает шаг к двери.

Подобно дикому зверю, почуявшему кровь, я бросаюсь вперед. Он делает несколько неуверенных шагов, спотыкаясь о трубу. Я позволяю ему выпрямиться и посмотреть мне в лицо. Он вонзает палку мне в живот.

Боль попадает в цель. Стиснув зубы, я выдавливаю:

— Еще раз.

Сейчас он дрожит, адреналин и страх струятся по его гладкому телу, но он идет на меня как человек, который хочет жить. Он несколько раз ударяет трубой. По ребрам, рукам, плечам. Я принимаю удары. Я воспринимаю каждый удар как наказание за свою неудачу. Боль опутывает мое тело, как тонкая сетка, обездвиживая.

Но я все еще вижу ее — чувствую ее.

Хочу ее.

Когда он целится мне в лицо, из глубины моей груди вырывается рев, и я лечу к нему. Вырываю шест у него из рук и толкаю спиной к стене. Прижавшись плечом к его груди, я смотрю ему в лицо, вгоняя лезвие в грудину.

Широко раскрыв глаза, он испускает безмолвный вопль, ужас его гибели заключен в крике, который никогда не вырвется на свободу.

Я теряю себя во власти похоти. Я втыкаю нож ему в живот и вгоняю кончик лезвия под ребра. Снова ударяю. Снова и снова погружаю лезвие глубоко, калеча его внутренности, пока не ощущаю медный привкус его крови, которая забрызгивает мое лицо.

Его взгляд давно утратил искорку жизни. Дыхание разрывает мои легкие, я убираю руку и позволяю ему упасть на пол. Он растягивается на прозрачном брезенте, я отступаю назад и смотрю на лужу крови вокруг безжизненного тела.

Думаю лишь о том, как обхватываю рукой горло Кайри и валю ее на окровавленный пол. Моя хватка на рукояти ножа ослабевает, и я падаю на колени, нож со звоном падает рядом.

Мой член тверд как скала и болезненно натягивает джинсы. Я тяну молнию вниз и высвобождаю стояк из-под трусов. Обхватив окровавленной рукой увесистое основание, я шиплю сквозь стиснутые зубы от эротичного ощущения своей влажной, теплой ладони.

Я смотрю на жуткое зрелище смерти и разрушения на полу холодильной камеры, но образы в голове переносят меня к ней — туда, где ее ногти впиваются в мою руку, когда я давлю на ее горло, ее губы такие же бледно-голубые, как и глаза, сиськи идеальны и умоляют меня засунуть между них член.

— Ах... черт, — я потираю свой член, титановая штанга пирсинга холодит мою ладонь с каждым скольжением по длине.

Затем Кайри сдается, теряя сознание. Ее сердцебиение замедляется, дыхание становится поверхностным, пока она полностью не ослабевает подо мной. Я отпускаю ее шею и двигаюсь вниз по ее расслабленному телу, задирая юбку, а трусики спуская до лодыжек. Скользнув между ее бедер, я с волнением обхватываю ртом ее сладкую киску.

Мои движения ускоряются, когда я представляю, как впиваюсь в ее шелковистые губы,

скользю зубами по клитору, слышу ее хриплые стоны и чувствую, как она извивается, ее тело молит об освобождении. Я жадно вгрызаюсь в ее нежную плоть и толкаюсь в нее сначала языком, затем пальцем, умирая от желания, чтобы ее идеальное влагалище обхватило мой член.

Пульсация становится все интенсивнее, пока я не хлопаю свободной рукой по покрытому брезентом бетону, упираясь в тело, когда мои бедра толкаются вперед. Ее прикрытые веки подергиваются, и я знаю, что когда погрузусь в нее, ее глаза откроются, и эти полные одухотворения зрачки будут направлены на меня...

— О... черт возьми. *Блять*, — оргазм овладевает мной, пронзая позвоночник электрическими разрядами, член пульсирует, и плотная струя спермы выплескивается наружу.

Я сильнее сжимаю член, когда пламя охватывает мои кости. Дрожу от облегчения. Тяжело дышу от приятных ударных волн, которые прокатываются по мне.

Этого недостаточно.

Я хочу большего.

Поднимаясь на ноги, я засовываю член в штаны и осматриваю состояние моей холодильной камеры. Кровь, сперма и хаос.

Гребаный беспорядок. Точно такой же, как и у меня в голове.

***

Прежде чем покинуть маленький домик на ранчо, я кладу бейсболку на столик у входа, затем сбрызгиваю порог бензином.

Закрываю дверь и выхожу на задний двор, расплескивая за собой бензин. Затащить жертву Кайри в подвал было самой легкой частью. Как только Брэд ушел на вечер караоке, я понял, что у меня достаточно времени, чтобы разыграть сцену. Более сложная задача — привести копов сюда до того, как все улики будут уничтожены.

Но я играю на все сто.

Одним методичным ходом я ставлю своего коня на позицию в ожидании мата — смелый ход, позволяющий убрать с доски и Брэда, и агента Хейза.

Тогда я объявлю Уэст-Пейн своим.

Однако у королевы все еще есть трофей. Соскучившись по ощущению зажигалки в руке, я чиркаю спичкой и бросаю ее на дорожку из бензина.

Потом смотрю, как дом Брэда обхватывает пламя.

Покидая сцену, я отправляю сообщение Кайри: ♣ □. **Твой ход.**

Глава 9

Разрушение

КАЙРИ

— Мы в «Пьяной утке». Приходи на караоке. Брэд как раз заканчивает «I Kissed A Girl», — говорит Джой. Должно быть, она прямо за дверями паба, потому что я слышу, как Брэд распевает текст песни, но его гулкий, фальшивый энтузиазм не заглушает голос Джой.

— Господи, это значит, что он всего в нескольких шотах текилы от «Богемской рапсодии», — отвечаю я.

— Вот именно. А тебе нравится его исполнение «Богемской рапсодии».

— Только потому, что я наслаждаюсь, когда позорятся другие.

— Не знаю, делает ли это тебя садисткой или мазохисткой.

— Вероятно, и то, и другое, — говорю я, и Джой смеется на другом конце провода. —

Но, если серьезно, я пока не могу уйти.

— Ой, да ладно, что такого важного в лаборатории в восемь вечера в четверг?

— Дерьмо.

Тишина.

— Какашки животных.

— Кайри...

— Нет, правда, — говорю я со смехом. — Я как раз заканчиваю записывать результаты анализа фекалий, на изучение которых потратила все утро, и если закончу сейчас, то смогу завтра взять отгул. У меня нет занятий.

— Облом. Слышишь?

Я фыркаю от смеха, а Джой хихикает, когда на заднем плане под громкие аплодисменты Брэд заканчивает петь.

— Ты там одна? — спрашивает Джой.

Я встаю со своего офисного кресла и направляюсь к полкам, где лежат мои фотографии и награды, поблескивающие в тусклом свете лампы на столе.

— Нет, Соренсен здесь, — я беру премию Brentvуда и бросаю взгляд в сторону его лаборатории. Он склонился над останками скелета, повернувшись ко мне спиной. — Если меня убьют, ты знаешь, где искать.

— О, да ладно. Лучше отдай всю свою энергию драматической дивы, спев какую-нибудь песню Селин Дион, — говорит Джой, когда я издаю смешок. Ей никогда бы не пришло в голову, что слова, которые я только что произнесла, могут быть вполне реальны.

— Послушай, я приду, если быстро закончу. Напиши, когда Брэдли приблизится к «Queen».

— Будет сделано, солнышко.

Я улыбаюсь, опускаю телефон и просматриваю смски от друзей и коллег, открываю сообщение от Джека, размышляя о том, чтобы отправить ответ со знаком вопроса на смайлики с шахматами и черепом, которые он прислал незадолго до своего приезда, но закрываю его сообщение. Мое внимание сосредоточено на телефоне, когда я пытаюсь поставить награду Brentvуда на место рядом с зернистой фотографией мамы.

Вот только промахиваюсь.

Мое сердце падает быстрее, чем тяжелая стеклянная статуэтка. Я пытаюсь поймать ее, но она выскользывает у меня из пальцев, и все, что я могу сделать, это смотреть, как она падает на холодный кафельный пол и разлетается на тысячу сверкающих осколков.

Чернота надвигающегося флешбэка проявляется немедленно. Съедает периферию зрения, поглощая настоящее, отбрасывая меня в прошлое.

Я кладу ладонь на стену. Мое сердце бешено колотится. Кровь кипит. Я пытаюсь отвернуться от битого стекла, валяющегося у ног, чтобы удержаться, но уже знаю, что это не сработает. И что хуже всего, я не одна. Я вот-вот окажусь наиболее уязвимой наедине с волком в соседней комнате.

Последнее, что я вижу, когда мое зрение сужается до точки света, — Джек выпрямляется, поворачивает голову, его смертоносные серые глаза встречаются с моими.

Следующий голос, который я слышу, — это демон, который преследует меня.

Молчаливый истребитель.

«Тише, тише. Успокойся, малышка.»

Кончик лезвия упирается мне в кожу, его острое прочно застряло между ребрами. Я лежу на кремовом ковре в гостиной дома моего детства. Мое тело сотрясается, когда прикусываю губы, и они кровоточат. Я знаю, что будет дальше. Мое легкое уже урчит в знак протеста против каждого вдоха, первое лезвие застряло глубоко в губчатой полости. Он вздрагивает при каждом наполненном кровью вдохе.

«Ты знаешь, что произойдет, если издашь хоть звук», — шепчет мужчина.

Он отклоняет мою голову в сторону, моя щека залита слезами и горит, когда он прижимает ее к коврику. Я встречаюсь взглядом с безжизненными глазами мамы. Ее кровь все еще стекает с приоткрытых губ, отрезанный язык и темная бездна ее рта.

У меня скручивает желудок. Я подавляю рыдание, глотая желчь, страх и отчаяние. Когда закрываю веки, изображение все еще остается на месте. Мамины невидящие глаза. Ужас глубоко въелся в ее плоть, как будто прилип к ее костям, как призрак, скрывающийся под застывшими чертами лица.

Я открываю глаза, когда горячая ладонь мужчины скользит по покрытой потом коже. Он сжимает мои щеки кончиками пальцев до тех пор, пока у меня не сводит зубы.

Он поворачивает мое лицо в другую сторону.

Папа борется, лежа на животе рядом со мной, его руки связаны за спиной с лодыжками, кляп во рту влажный. В его глазах ярость. Паника. Он пытается подобраться поближе ко мне, но мужчина, который держит меня в своих объятиях, отталкивает папу.

«Сейчас, сейчас», — говорит мужчина, отпуская мое лицо, чтобы вытащить из кармана пиджака древнюю видеокамеру. — *«Не издавай ни звука, или узнаешь, насколько страшнее будет его наказание».*

Мигает красная лампочка видеокамеры, ее бездушный стеклянный глаз безразличен к моим страданиям, лишь следит за каждым выражением моего покрытого синяками и опухшего лица. Мое дыхание учащается. Сердце бешено колотится. Я пытаюсь сосредоточиться на этих трех маленьких буквах под мигающим красным светом. Сосредотачиваю на них каждую каплю своего сознания. *Rec. Rec. Rec.*

Нож проскальзывает у меня между ребер.

Я не издаю ни звука. Даже когда лезвие рассекает каждую клеточку мышц и плоти. Когда пронзает мое легкое. Когда этот человек медленно опускает его, чтобы погрузить сталь по самую рукоять. Я подавляю каждое отчаянное желание закричать и умолять, кричать, чтобы боль прекратилась. Я не подведу папу, как только что подвела маму.

Но папа не может удержаться, чтобы не бороться за меня.

На каждый крик, который я проглатываю, папа умоляет через кляп. Он бьется в своих путях. Его приглушенные слова — отчаянный напев. *«Пожалуйста, только не моя девочка.»* Снова и снова его мольбы повторяются, как вспышки, которые повторяют мигающий красный огонек видеокамеры. И когда второе лезвие вонзается мне в грудь, и мужчина откидывается на пятки, чтобы зафиксировать, как дрожит одна рукоять рядом со второй, я смотрю на своего отца, у него слез намного больше, чем у меня.

Красный индикатор мигает и гаснет.

Запах крови и дешевого аптечного спрея для тела наполняет горячий воздух между нами, мужчина наклоняется к моему уху. Я изо всех сил пытаюсь заглушить свое молчание жаром в горле.

«Ты хорошо справилась, детка», — шепчет он, его дыхание и слова липкой пленкой покрывают мои спутанные чувства. — *«Такая храбрая молчаливая девчонка»*.

Щетина царапает угол моей челюсти, когда мужчина проводит губами по моей коже, чтобы запечатлеть поцелуй на щеке.

Вес мужчины покидает мое тело. Я яростно качаю головой, единственный звук от меня — урчащее дыхание в поврежденном легком, когда я умоляю его отчаянным, просящим взглядом.

Он улыбается.

«А вот папа... не был таким уж хорошим мальчиком», — шепчет он, оседлав спину моего отца. Папа изо всех сил пытается оттолкнуть его, и ему удается всего на мгновение сбросить нападавшего. Но этот момент — не более чем дуновение времени, не длиннее биения сердца.

Мужчина выхватывает молоток из потертой кожаной петли на поясе.

Именно в этот момент я усваиваю важный урок о том, что время жестоко.

Время замедлится по желанию, заставляя вспоминать каждую деталь того, что хочется любым способом забыть, например, потертую деревянную накладку на ручке молотка, или отчаянный крик отца, или блеск слез в его глазах. Заставит увидеть отблески света в гостинной на полированном металле тупой головки молотка. Возможно, ты никак не вспомнишь, когда в последний раз говорила своим родителям, что любишь их, но запомнишь звук тошнотворного стука, с которым молоток ударяет отца в висок, или цвет крови, которая разбрызгивается по кремовому ковру.

Время замедляется, чтобы ты никогда не забывала, насколько ты бессильна.

И я совершенно бессильна. Бессильна что-либо сделать, кроме как впитывать каждую деталь жестокого нападения, пока мой разум, наконец, не начнет отключаться.

Изображения и звуки расплываются и искажаются, пока волна холодного воздуха не смывает пот и кровь с моей кожи. Когда зрение проясняется, я замечаю отсутствующее выражение на умирающем лице папы. Раздается влажное ритмичное бульканье, так его последние вздохи вырываются из груди, его отрезанный язык валяется на ковре между нами. Но есть и другой звук, с другой стороны, — задыхающаяся мольба под угрожающим шепотом.

«Ты неряшлив. Любитель. Недостойный. Это моя территория.»

Это требует колоссальных усилий, но я поворачиваю голову на звук.

Убийца стоит на коленях между мной и телом мамы. Он изо всех сил пытается отодрать провод от своей шеи. Позади него стоит мужчина, одетый в черное, в кожаных перчатках, плотно обтягивающих костяшки пальцев, тянет деревянные рукоятки удавки назад к своей груди.

Он прекрасен. Очень красивый. Старше меня, но молодой, может быть, лет двадцати пяти. Темные волосы, высокие скулы, тонкая улыбка на пухлых губах, он наблюдает, как его добыча бьется в конвульсиях. Он свирепый ангел. Сосредоточенный и решительный. Спаситель, вершащий правосудие, на которое я не способна.

Он еще сильнее затягивает удавку и снова шепчет мужчине, которого держит в своей хватке.

«Твои кости не станут выдающимся трофеем на моей стене, но я все равно возьму их».

При этих словах мужик сопротивляется еще сильнее. Ангел движется вместе с ним, в

каждом отраженном движении сквозит текучая грация. Его единственное внимание сосредоточено на горле, зажатом в безжалостной хватке. Кажется, он даже не замечает моего существования. Как будто он не слышит моего затрудненного дыхания и не чувствует тяжести моего пристального взгляда.

Он не замечает крошечного кусочка бумаги, который выскользывает у него из кармана.

Он не видит, как мои связанные руки ползут по окровавленному ковру, чтобы схватить упавший чек.

Он не смотрит, как я читаю его, не видит, как я закрываю глаза, чтобы запомнить каждую деталь. Он не знает, что я подтягиваю его к себе, чтобы положить в карман.

Ресторан на кампусе и бар «Arley's». Университет Реверри-Холл. Оплачено наличными. Пеллегрини. Салат «Цезарь» с курицей. Капучино.

Я закрываю глаза, как мне кажется, всего на мгновение, снова и снова прокручивая в уме эти детали, пока они не отпечатываются в моем мозгу.

Когда я открываю глаза, моего ангела больше нет. И мой мученик тоже исчез. Отрезанный язык отца, видеокамера, молоток — все исчезло. Все, что осталось, — это ножи в моей груди и остывающие тела родителей на полу. Нас выбросили, оставили мерзнуть на сквозняке из открытой двери или окна где-нибудь в доме. Но этот поцелуй холодного воздуха подстегивает меня, ложась на мои раны, как шепот, который говорит мне продолжать ползти. Несмотря на боль, слабость, страх и отчаяние, это толкает меня на четвереньки, требуя, чтобы я проползла по битому стеклу и нашла мамин телефон. Из рта у меня течет кровь, и я хриплю, преодолевая боль от коллапса легкого, но холодный сквозняк все еще цепляется за меня, умоляя продолжать.

— Кайри.

Это слово достаточно знакомо, чтобы быть реальным, и не настолько знакомо, чтобы вбить клин между прошлым и настоящим.

Я моргаю. Мое дыхание становится прерывистым. Фантомная боль обжигает легкое. Я вижу стекло на полу у себя под руками. В одно моргание мои ладони на ковре в доме, мягкий ворс — это ласка между острыми укусами заостренных осколков. Но когда я снова моргаю, мои ладони лежат на блестящем сером кафеле моего кабинета. Единственная связь между этими двумя мирами — звук моих выдохов и звон разбитого стекла.

— Кайри... отпусти.

Чья-то рука обхватывает меня за плечо. Кожа под моей влажной рубашкой наслаждается прохладным прикосновением. Я вся мокрая от пота и дрожу, как в лихорадке. Моя голова пульсирует ровным гулом, по мере того как прошлое отслаивается, а настоящее вырывается из удушающей хватки.

— Это просто воспоминание, — говорит Джек тихим голосом, другая его рука обхватывает мое запястье. Его пальцы останавливаются на моем бешено бьющемся пульсе. Когда я отрываю взгляд от стекла и поднимаю глаза, Джек переводит взгляд со своих часов на мои, его губы сжимаются в мрачную линию. — Оно больше не реально.

Я хочу сказать ему, что он ошибается, что каждое воспоминание оставляет после себя что-то реальное. Настоящие шрамы. Реальные последствия. Но у меня нет сил спорить с ним сейчас.

Я переключаю внимание на стекло на полу, на кровь, которая сочится из-под моей правой ладони, которой я сжимала осколки. Когда закрываю глаза, Джек оставляет мне всего несколько судорожных вдохов, прежде чем поднимает мое запястье и хватает другой

рукой за бицепс, поднимая меня на ноги. Стекло хрустит под нашими ботинками, когда он ведет меня к столу, его прикосновение — надежный якорь, который не отпускает, даже когда он предлагает мне сесть на стул.

Когда я устраиваюсь, Джек опускается передо мной на колени, берет мою окровавленную руку и переворачивает ее, чтобы осмотреть неровный, глубокий порез на мякоти моего большого пальца. Мимолетным движением между его бровями появляется складка, которая исчезает к тому моменту, когда он тянется к коробке с салфетками на моем столе.

— Нужно наложить швы, — говорит он, прижимая салфетки к ране. Мускул на его челюсти дергается, когда я качаю головой. — Это был не вопрос. А констатация факта.

— Я не могу, — отвечаю я шепотом. Джек прищуривается, когда я во второй раз качаю головой. — Это случится снова, если я пойду в больницу. Я не могу.

Джек бросает взгляд в сторону двери моего кабинета, на его лице появляется задумчивая гримаса, прежде чем он поднимает промокшую салфетку и смотрит на порез. Хмурый взгляд становится еще мрачнее, как будто он только что подтвердил свое собственное утверждение о швах и недоволен результатом.

— Держи и не двигайся, — говорит Джек. Его хватка усиливается вокруг моей раненой руки, пока я не прижимаю салфетку. Он отступает и поднимается, каждое движение — хореография сдержанности, его оценивающий взгляд проникает под мою кожу. Когда он выпрямляется во весь свой внушительный рост в нескольких футах от меня, то поворачивается и уходит.

Давящая тишина в жужжащих последствиях флешбэка на этот раз не пугает, как это часто бывает. Я даже не слышу Джека, куда бы он ни ушел. Но осознание того, что он рядом, на удивление успокаивает. Будь у меня больше силы воли, я бы наказала себя за такие чувства. Я знаю, что мне следует улизнуть и найти другой способ обработать порез самостоятельно, без непрошеной помощи Джека. Я уверена, что в лаборатории Брэда есть материалы, которые могут пригодиться. Может быть, суперклей. Брэд всегда что-то ломает и пытается заклеить.

Но я не двигаюсь со стула.

Проходит несколько минут, прежде чем Джек входит в мой кабинет из тени коридора, и, хотя он только что был здесь, вид его, входящего с пузырьком йода в одной руке и медицинскими принадлежностями в другой, вызывает давно забытую боль в глубине сердца. Дело не только в темной щетине на идеальном изгибе челюсти или в его пухлых губах, которые часто изгибаются в легчайшей ухмылке, как отработанная маска. Не в черном костюме, сшитом специально для его атлетической фигуры, верхние пуговицы черной рубашки расстегнуты, открывая вид на кожу, которую я хочу попробовать на вкус. А в знании того, кто он такой, и на что он способен. Я знаю, что он сделал, потому что сама видела. И в тайне, почему он это делает. Почему он оставил меня в живых, когда мы встретились в первый раз? Думал, что я все равно буду страдать и умру? Почему он хочет помочь сейчас, неужели только из-за моих угроз?

Я наблюдаю за Джеком Соренсеном с семнадцати лет, и когда он замедляет шаг и опускается на колени, чтобы взять меня за раненую руку, я чувствую, что не узнала этого человека за все время с самого начала.

Мы не произносим ни слова, пока Джек берет еще салфетки и подносит их к моей окровавленной руке. Он отодвигает мои пальцы от того места, где они зажимали рану, а

затем смазывает порез йодом. Джек поднимает взгляд, чтобы понаблюдать за моей реакцией на жжение от неразбавленной коричневой жидкости, но я отказываю ему в малейшем намеке на боль. Напряжение спадает с его бровей, и думаю, он испытывает облегчение.

— Ты уверена, что не хочешь к врачу? — спрашивает Джек, возвращая свое внимание к моей ране, его глаза отливают темным серебром в тусклом свете.

— Уверена.

— А ты не боишься, что я вышью свои инициалы?

Я делаю паузу на мгновение.

— Сейчас боюсь.

Джек издает смешок. Настоящий, неподдельный смешок. Тот, который озаряет его кожу вспышкой яркой улыбки, от которой в уголках глаз появляются морщинки. Я никогда раньше не заставляла его смеяться, по крайней мере, так, чтобы это было искренне.

Он не поднимает на меня глаз, но я бы хотела уловить нюансы выражения его лица и изучить их, вплоть до каждой микроскопической детали.

Я хочу высказать несколько замечаний, которые вертятся у меня на языке. *Не думаю, что ты захочешь пометить меня как свою.* Я тоже не должна этого хотеть, несмотря на вибрацию в моей груди, которая говорит об обратном. Сглатываю, чтобы избавиться от нее, и Джек поднимает взгляд, собираясь наложить швы, возможно, неправильно истолковав мое напряжение как нервозность в ожидании боли.

— Я удивлена, что ты это делаешь, — шепчу я вместо того, чтобы дать волю своим мрачным мыслям, подавляя гримасу, когда изогнутая игла пронзает мою кожу рядом с необработанным краем раны. — Ты мог бы просто оставить меня на произвол судьбы.

— Ты сказала, что твое благополучие находится в моих же собственных интересах, — отвечает Джек, не поднимая глаз. — А возможно, мне нравится тот факт, что наложение швов не является моей специальностью, и у меня нет возможности заморозить кожу, поэтому я знаю, что тебе будет больно.

— Логично.

Я вытираю тушь из-под глаз чистым краем салфетки, скомканной в свободной руке, в то время как Джек вводит иглу с другой стороны раны и туго натягивает нить. Его короткие темные волосы убраны со лба, но почему-то выглядят более растрепанными, чем обычно. Едва заметная складка залегает между бровями, когда он сосредотачивается на затягивании первого стежка. Когда он поднимает глаза, стоя передо мной на коленях, что-то темнеет в его взгляде. Он смотрит через стол и кивает в сторону моей бутылки с водой.

— Пей, — приказывает Джек, и, хотя выражение моего лица немного мрачнеет, в этот момент я понимаю, как сильно хочу пить, и делаю, как он говорит. Он ждет, пока я сделаю большой глоток, прежде чем проколоть мою кожу для второго стежка, его интерес колеблется между иглой и моей реакцией. Когда в ответ он получает лишь вызывающее молчание, его лоб хмурится, и не знаю, испытывает ли он облегчение или раздражение.

— Где ты научился этому? Зашивание ран не входит в практические занятия судебных антропологов, — спрашиваю я, пока Джек протягивает нить через необработанный край пореза и протыкает другую сторону иглой. Он мог действовать грубее или небрежнее. Но нет. Он точен. Он быстр, но так, чтобы уменьшить боль, а не усугубить ее.

— Нет, я не изучал это в лабораториях, — отвечает Джек, не сводя взгляда с моей руки. — Давай просто скажем, что у нас было разное детство. По пути я приобрел некоторые необходимые навыки.

О, я знаю все о его детстве. Или, по крайней мере, знаю достаточно, чтобы понять, как он стал убийцей. Я молча думаю об этом, пока он завязывает узлы на шве, обматывая черную нить вокруг съемника иглы и туго стягивая разрезанную кожу. Он берет свежую салфетку и легкими движениями вытирает кровь.

— Видения? — спрашивает Джек, когда молчание кажется слишком долгим даже для него. Его голос глубок и тих. Как тени в сосновом лесу, где можно безопасно спрятаться под ветвями. Я наклоняю голову, наблюдая за ним, хотя уже знаю, что он не встретится со мной взглядом. — Кошмары? — добавляет он, когда я не отвечаю.

Джек начинает накладывать третий шов на поврежденный участок. Боль подкатывает к горлу, я проглатываю свое удивление от его неожиданного интереса ко мне. Я стараюсь держаться за все то, что он сделал за последние три года, когда заставлял меня чувствовать себя неполноценной. Нежелательной. Но когда он держит мою липкую, испачканную руку в своей прохладной, твердой руке и снова зашивает, мне трудно вспомнить все худшие моменты, проведенные с ним. И я понимаю, что не хочу этого делать.

— Разбитое стекло, — говорю я, мой голос чуть громче шепота. Джек ничего не говорит, просто продолжает протягивать нить через крошечное отверстие, которое он проделал в моей коже. — Красные мигающие огни. Запах больницы. Молотки. Я, правда, ненавижу молотки. Ковер кремового цвета. Хотя кажется такой простой вещью. Все это такие простые вещи, но они одни из самых худших... для меня...

Движение руки Джека замедляется, и он встречается со мной взглядом. Такое чувство, что весь мир может рухнуть, а мы все равно будем сшиты вместе невидимой нитью, сотканной из общих секретов, из уязвимости, из страхов, которые ослабят нас, если мы их отпустим. И я знаю, что Джек мог бы взять мои секреты и выковать из них самый смертоносный клинок, чтобы сразить меня. Но по тому, как он слегка откидывается назад, по тому, как его пристальный взгляд скользит по моему лицу со складкой между бровями, я знаю, что он этого не сделает.

— Жизни, которые ты отняла, они тебя беспокоят? — наконец спрашивает он, его глаза встречаются с моими.

— Ты имеешь в виду, таким образом? Где прошлое проникает в настоящее? — Джек коротко кивает, и я качаю головой. — Никогда. Наверное, потому, что власть в моих руках. Контроль принадлежит мне. И факт, что, может быть, я спасу некоторых. Я чувствую... я многое чувствую по поводу тех жизней, которые забираю. Но никогда не жалею. А ты?

— Нет, — говорит он, и проходит долгое мгновение, прежде чем он снова обращает внимание на мою рану. — Я не могу чувствовать сожаление, Кайри.

Мы больше ничего не говорим друг другу, пока Джек накладывается мне швы, всего двенадцать, смачивая порез еще одной каплей йода, прежде чем перевязать мне руку. Закончив, он откидывается назад, его внимание переключается на мою рубашку. Я смотрю вниз и впервые замечаю пятно крови на шелке цвета шампанского прямо над тем местом, где скрыты мои шрамы.

— Пойдет в мусорку, — говорю я со вздохом, рассматривая брызги, длинные полосы крови и следы высыхающего пота. Когда я поднимаю взгляд, внимание Джека приковано к окну моего кабинета, выходящему на ферму. Мускул на его челюсти дергается, когда он хмуро смотрит на рабочее место Брэда. Мы оба знаем, что Брэд хранит там несколько смен одежды на те дни, когда ездит на велосипеде на работу.

— Подожди здесь, — говорит Джек, и я наблюдаю, как он встает и уходит.

Но в лаборатории Брэда свет не включается. На самом деле свет вообще не включается. Везде просто тусклые знаки экстренной помощи в коридоре, отбрасывающие темные тени за моей дверью. И спустя несколько безмолвных минут Джек появляется из их глубин с пакетом льда в одной руке и сложенной черной рубашкой в другой. Одна из его рубашек.

— Постарайся не порвать ее в клочья, ладно? Мне она нравится, — говорит Джек, кивая на рубашку, которую кладет на мой стол. Он наклоняется, чтобы еще раз опуститься передо мной на колени, в последний раз проверяя повязку, прежде чем приложить лед к моей руке.

— Я не буду ее кромсать. Хотя не обещаю, что не похороню в ней кого-нибудь. Если захочешь оставить свою визитку в переднем кармане, будет удобнее.

Я слабо улыбаюсь Джеку, на что он отвечает мрачным взглядом, но он недостаточно быстр, чтобы скрыть свою ухмылку, когда смотрит в сторону двери. Когда он, наконец, встречается со мной взглядом, легкомыслие на наших лицах исчезает, мы просто наблюдаем друг за другом.

Джек протягивает руку вперед. Его большой палец касается моей щеки с лаской, легкой, как шепот по коже. Синевато-серые глаза следят за движением своей же руки, которая приближается к моим губам, прежде чем отдернуться.

И время снова так жестоко, потому что прикосновение Джека исчезло прежде, чем я смогла запечатлеть его в памяти, прежде чем я смогла убедиться, что оно вообще было реальным.

Я смотрю, как Джек уходит широкими шагами. Но окликаю его прежде, чем он достигает двери.

— Джек.

Он останавливается, склонив голову на звук моего голоса, но не оборачивается.

— Спасибо.

Он кивает один раз, но не двигается с места, как будто не знает, в каком направлении ему следует двигаться. Одна из его рук сжимается в кулак. Такое чувство, что оно сжимает мое сердце в тисках. И я знаю, что есть одна вещь, которую я могу дать ему взамен, — расплата. То, чего он бы хотел.

— Тандердом. Это ничего не меняет. Как только ты покинешь мой кабинет, наша война продолжится.

Напряжение покидает кулак Джека. Я почти вижу, как оно спадает с его плеч, улетучиваясь, как газ.

Джек кивает еще раз, а затем уходит.

Я оставляю ему достаточно времени, чтобы исчезнуть из здания, а затем убираю осколки стекла и кровь, прежде чем пойти домой.

Когда прихожу в свой офис в понедельник утром, на моем столе ждет замена сломанной награды Brentvуда.

Там нет ни открытки, ни записки.

Но новая статуэтка сделана из латуни¹⁴.

Глава 10

Холодный поцелуй

ДЖЕК

Если бы я знал, насколько приятно будет в отделе без Брэда, я бы давно от него избавился.

Сплетни витают в воздухе в четверг утром, мельница слухов все еще переполнена новостями об арестованном коллеге. Брэд мог быть причастен не только к нескольким исчезновениям в окрестностях Тринити-колледжа, но и к убийству. Поджог также может быть присоединен к его обвинениям, поскольку следственные органы предполагают, что Брэд поджег свой дом, чтобы уничтожить улики, связанные с останками тела.

С тех пор он нанял дорогого адвоката и был освобожден под залог из-за своей безупречной репутации, но университет считал, что будет лучше, если он возьмет длительный отпуск, пока скандал не уляжется и его имя не очистится.

Я закатываю рукава и разбираюсь с кучей утомительной бумажной работы, чувствуя себя лучше, удовлетворив свои потребности. Я не совсем удовлетворен... но недавнего убийства хватило, чтобы подавить более жестокие желания, которые недавно всплыли на поверхность.

Единственное, что нарушает мой внутренний покой в эту минуту, — агент ФБР, все еще шныряющий поблизости. Эрику Хейзу следует сосредоточиться на Брэде и куче улик, которые я предоставил. И все же он здесь, крадется по коридорам, по-видимому, больше интересуясь расспросами о Кайри, чем о Брэде.

Словно вызвав её мыслями, Кайри проходит мимо двери моего кабинета. Она не останавливается, чтобы заглянуть внутрь и позлить меня, как обычно. Она даже не оставляла мне подарков в обедах. Что вызывает больше тревожных сигналов.

После той ночи, когда она лишилась своей награды, и я зашил ей рану, я изо всех сил старался проявлять такой же уровень презрения к девушке, которая вторглась на мою территорию и угрожала моему тщательно охраняемому миру. Но, будь то дымка от свежего убийства или удовлетворение из-за Брэда, я ловлю себя на том, что вспоминаю мягкое прикосновение ее руки к моей, то, как ее напряженные, влажные голубые глаза выдерживали мой взгляд, полностью доверяя, пока я прокалывал ее иглой.

Она ни разу не вздрогнула.

Отталкиваюсь от своего стола и засучиваю рукава еще выше, следуя за ней.

Я преследую ее, пока она не добирается до холодильной камеры, затем хватаю ее за локоть и втаскиваю внутрь, закрывая за нами дверь.

Она молчит в течение целых трех секунд, просто смотрит на меня, поджав губы. Затем говорит:

— У тебя, правда, тревожная склонность к холодильным камерам.

Я скрещиваю руки на груди. В основном, чтобы не прикасаться к ней.

— Хватит игр. Здесь происходит что-то еще, — говорю я. — Что-то серьезное, и это имеет отношение к тебе.

Одна из ее бровей удивленно приподнимается.

— Я не говорила тебе поджигать дом. Тебе не показалось, что это привлечет слишком много внимания?

За ее резким сарказмом скрывается дрожь страха. Она заправляет выбившуюся прядь волос за ухо, затем оглядывает комнату.

— Хейз здесь не из-за Брэда, — я прищуриваюсь на нее, придвигаюсь на дюйм ближе. — Он даже не сотрудничает с местными властями по этому делу. Он приехал не по делу о пропаже Мейсона.

Кайри тяжело выдыхает.

— Тогда что, Джек? Ты можешь побыстрее сказать, чтобы я убралась отсюда к чертовой

матери и согрелась? — она потирает руки.

Я молчу, холод меня не беспокоит.

Она снова проводит рукой по непослушной пряди волос и бормочет проклятие, когда швы на ее руке запутываются в волосах.

— Черт возьми, — говорит она, поднимая ладонь, чтобы осмотреть.

— Дай мне, — я тянусь к ее руке, но она отдергивает ее.

— Я в порядке, — выражение ее широко раскрытых глаз говорит об обратном.

Что-то прячется глубоко под ее обычно непоколебимой внешностью.

Она напугана.

Я хватаю ее за запястье и притягиваю к себе, затем медленно поднимаю ее руку, чтобы осмотреть швы.

— Почему не помазала?

Она пожимает плечами.

— Я сегодня торопилась.

Киваю.

— Хм, — продолжаю держать ее, неохотно отпуская, когда прижимаю пальцы к точке пульса на ее запястье, чувствуя, что ее сердце бьется в два раза быстрее моего.

Ее губы лукаво изгибаются, она смотрит на меня из-под густых ресниц.

— Итак, Джек. Кстати, обвинив своего хорошего друга Брэда в убийстве, повеселился с Райаном? — она дразнит меня своей знойной ухмылкой. — Знаешь, он был для меня особенным. У меня были на него планы.

Слабая струйка огня вьется у меня под кожей. Я знаю, что она делает, пытаюсь избежать темы Хейза, тыча в монстра, чтобы тот поднялся.

Мой член откликается на призыв к травле, она вызывает в воображении образы той ночи, когда я покрасил камеру в красный цвет кровью ее жертвы.

— Как ты это сделал? — допытывается она, придвигаясь ближе, ее пальцы переплетаются с моими. Ощущение грубых стежков на коже разрушает слой моего контроля. — Сначала накачал его наркотиками? Привязал к своему столу. Задушил перед тем, как содрать кожу с костей? Или ты...

Мои пальцы предупреждающе впиваются в тыльную сторону ее ладони.

— Остановись, Кайри.

Ее лицо морщится от боли, от этого зрелища у меня кровь стынет в жилах.

— Мне просто нужно наглядное представление, — говорит она с придыханием, когда я сжимаю ее крепче. Ее губы дрожат от холода, и мой член пульсирует от этого зрелища. — Это меньше, что ты можешь мне предложить после того, как украл мою игрушку.

Красная лужа крови застилает мне зрение, и все, что я вижу, — это ее, покрытую липким красным, с распахнутыми глазами...

Сжимаю челюсти.

— Ты играешь с огнем.

— О, я в этом сильно сомневаюсь. Джек Соренсен никогда не злится, — ее нога проскальзывает между моими, задевая член. У нее перехватывает дыхание от ощущения моей твердой как камень эрекции. — Ты слишком холодный...

Я сильно сжимаю ее горло и прижимаю спиной к шкафчику для трупов. Резкий выдох срывается с ее губ, когда я завладеваю ее ртом.

Секунда шока, ее тело напрягается, затем, когда я с неистовой настойчивостью

впиваюсь в поцелуй, она стонет и растворяется в безумном требовании. Она целует меня в ответ со злым, отчаянным желанием соперничать.

Моя рука крепче обхватывает ее горло, наслаждаясь каждым движением ее языка по моему, тем, как соблазнительно напрягается ее горло под моей ладонью.

Я отпускаю ее руку, чтобы жадно вцепиться в блузку и вытащить ту из-под узкой юбки. Моя рука проникает под ее рубашку, я завладеваю ее ртом, целуя глубже и наслаждаясь каплей крови, которая сочится в поцелуе.

Поднимаюсь вверх по ее грудной клетке, обводя пальцами сексуальный изгиб каждой косточки, ее кожа мягкая и гладкая. Сильнее прижимаясь к ее бедрам, я практически пронзаю ее своим членом, этот ублюдок так чертовски хочет погрузиться в нее и узнать, насколько крепко ее влагалище сможет обхватить меня.

Когда я поднимаюсь выше и провожу большим пальцем по ее соску, выступающему сквозь тонкий материал лифчика, она стонет более настойчиво, вибрация на моей ладони усиливает мою потребность услышать ее крик.

Я отстраняюсь, чтобы поцеловать ее в шею, царапая зубами кожу, прежде чем впиться в ее нежную плоть. Но не внезапный, сдержанный крик замораживает мою кровь и останавливает руку. Ощущение шероховатой, скошенной рубцовой ткани под пальцами заставляет мой позвоночник выпрямиться.

Я возвышаюсь над ней и смотрю сверху вниз на ее прекрасное раскрасневшееся лицо.

— Кто это с тобой сделал? — требую я.

Грудь вздымается, она быстро моргает, затем качает головой, прислонившись к шкафчику для трупов.

— Это был... несчастный случай, — говорит она хриплым, отрывистым голосом. — Я была маленькой.

Я ей не верю.

— Несчастный случай, из-за которого тебя бросает в дрожь при виде разбитого стекла?

Ее взгляд пронзает меня насквозь. Я изучил практически все травмы и причины смерти на планете, и, продолжая исследовать два шрама на ее груди, я вижу явные свидетельства серьезных травм, нанесенных очень острым предметом.

— Джек...?

Дрожь в ее голосе вызывает вспышку воспоминаний, и я резко вижу перед собой доктора Кайри Рот в совершенно новом, озаряющем свете.

Я убираю руку с ее шрамов и блузки, затем, с трудом сглотнув, целую ее в лоб. Это совершенно не в моем характере, ее глаза расширяются от беспокойства.

— Нам нужно убраться отсюда, — говорю я, наклоняясь, чтобы поправить член.

— Хорошо. Конечно, — она кивает и заправляет блузку в юбку, поправляет прическу.

Она поворачивается, чтобы уйти, и я хватаю ее за запястье.

— Ты свободна на весь день, — говорю я ей.

— Это приказ, Джек?

Я киваю один раз.

— Держись подальше от Хейза.

Какое-то нечитаемое выражение промелькнуло на ее лице, прежде чем она выдавила из себя яркую улыбку.

— Я уже большая девочка. Со мной все будет в порядке.

Затем она убегает, а я остаюсь с бешено колотящимся сердцем и сладким вкусом ее губ.

По прошествии достаточного времени я выхожу из холодильника для тел и направляюсь в свой офис, где забираю сумку и пиджак от костюма.

Необходимость сложить последний кусочек головоломки на место — это непреодолимая сила, толкающая меня вперед. Я иду через кабинет Кайри, не уверенный, что чувствую, оставляя ее здесь с Хейзом, но если я прав... тогда точно буду знать, почему он здесь.

Кайри не смотрит на меня, когда я стою у двери ее кабинета, и я знаю, что она потрясена. Но не от поцелуя. От секрета, который она слишком долго скрывала от меня.

Я еду домой и направляюсь в свой офис. За фальшивой панелью книжной полки находится биометрически запечатанная дверь, которая ведет в мою личную холодильную камеру и кабинет — мою комнату трофеев. Я прохожу мимо костей в стеклянной витрине, не останавливаясь, пока не добираюсь до стеллажа, куда я засунул коробку с вещами десятилетней давности.

Откапываю старую видеокамеру, затем достаю адаптер питания.

Притопывая ногой, я сижу на диване и нетерпеливо жду перемотки 8-миллиметровой ленты.

Когда на заполненном статикой экране появляется лицо девушки, я нажимаю паузу.

Там, на зернистом изображении, бледно-голубые глаза, которыми я был одержим последние три года. Они открыты настежь, и ни с чем нельзя спутать ужас, таящийся в их глубинах.

Я нажимаю воспроизведение, и из маленьких динамиков доносится сдавленный крик Кайри.

На кадрах воспроизводятся более ранние события той ночи, когда серийный убийца нанес ножевое ранение девочке-подростку во время семейной резни.

И когда смотрю на экран, я снова становлюсь свидетелем ее смерти.

Потому что та девушка была мертва. Я видел, как она умирала.

Провожу рукой по лицу.

— Jeg forlod hende.¹⁵

Отложив видеокамеру, я встаю и направляюсь к стеклянному шкафу. Отпираю дверь и выбираю хрупкую кость, выставленную посреди других моих трофеев.

Подъязычная кость Молчаливого истребителя.

Я провожу пальцем по гладкой кости, которая не нуждается в соединении с какой-либо другой костью. Самая внутренняя часть кости содержит полость, где кровеносные сосуды проходят через каждый слой, перенося питательные вещества и кислород.

Несмотря на то, что я изучал эту конкретную кость на протяжении всей своей карьеры, у меня такое чувство, будто я вижу ее впервые.

Нет, одинокая подъязычная кость не нуждается в какой-либо другой структуре для своего существования. Тем не менее, его выживание зависит от жизнеобеспечивающего костного мозга.

Той ночью десять лет назад, когда я намеревался уничтожить убийцу на своей территории, я задушил его насмерть прямо рядом с его последней жертвой — девушкой с завораживающими бледно-голубыми глазами; глазами, в которые я ни разу не взглянул до того момента, как она появилась в моем университете.

Все это время она не была мертва. Она вовсе не мертвая. Она здесь.

Она — костный мозг.

Она — моя суть.

Кайри не родилась убийцей — она была создана.

И я этому помог.

Глава 11

Уинтерс

КАЙРИ

Когда пробивает восемь часов, кажется, что мои глаза готовы выпасть из орбит. Я провела утро на лекциях, вторую половину дня оценивала эссе, а вечером просматривала записи с камер слежения двухмесячной давности, на которых были запечатлены большие и маленькие существа, медленно поедающие одно из тел в лесистой части исследовательских полей Басса. Даже появляется Зайка, убегает с локтевой костью, чтобы залечь под прикрытием куста черноплодной рябины, зажав кость между передними лапами и хрустя челюстями по изогнутой вертельной выемке. Я улыбаюсь, перематывая пленку назад и просматривая ее снова. Многие другие животные предпочли бы бедренную кость, чтобы обглодать хрящики, или ребра, которые легко ломаются. Но не Зайка.

— Конечно, ты выбрала нечто неуклюжее, — говорю я экрану. — Держу пари, ты сделала это просто для того, чтобы быть милой.

Когда боль от ее потери начинает жечь мою грудь, я закрываю ноутбук, потягиваюсь, прежде чем встать и собрать вещи. Со мной здесь сегодня только Джек, его профиль обращен ко мне, пока он изучает что-то на мониторах компьютеров в своей лаборатории. Его внимание настолько поглощено анализами, что я могла бы незаметно ускользнуть. На самом деле, уверена, что он будет счастливее, если я уйду, не сказав ни слова. Он и раньше не ценил какие-либо попытки простой вежливости. Что ему больше всего не понравилось бы, так это если бы я прервала его веселым «доброй ночи».

Я перекидываю сумку через плечо, нацепляю свою самую слащавую, ослепительную улыбку и марширую в лабораторию, чтобы произнести то, что, несомненно, станет самым веселым прощанием, которое когда-либо получал Джек Соренсен.

— Я ухожу, Джек. Желаю тебе суперфантастического...

— Доктор Рот, — перебивает он, его голос теплый и почти... встревоженный. Как будто в этих трех слогах звучит тихая нотка трепета. — Зайдите, пожалуйста.

Моя улыбка увядает. Я не сдвинулась ни на дюйм.

Мне кажется, я слышу тихий смешок сквозь звуки классической музыки из динамика на его столе, но не уверена, что мне это не почудилось.

— Я не укушу... на этот раз... — говорит Джек, и едва заметный намек на улыбку появляется на его губах, когда он повторяет мне мои слова. Я колеблюсь еще мгновение, прежде чем переступить порог. Взгляд Джека падает на мою рану, он встает и засовывает руки в карманы. — Хорошо заживает?

Я киваю, делая несколько шагов вглубь тускло освещенной лаборатории.

— У меня был довольно хороший врач. Он даже не вышил свои инициалы.

— Кажется, он очень профессиональный. И потрясающе красивый.

— Ему, конечно, нравится так думать.

Тишина оседает между нами, как тяжелый занавес, опускающийся в прохладном воздухе. Может быть, Джек так же, как и я, ошарашен сказанным, может быть...он просто... флиртовал?.. как обычный человек.

— Чайковский? — спрашиваю я, кивая в сторону звука.

В глазах Джека вроде промелькнуло удивление, а может быть, даже смущение. На самом деле это не то, что обычно слушают самые нелепо красивые тридцатичетырехлетние мужчины, но это же... Джек.

— Помогает мне думать.

— Здорово, — говорю я со слабой улыбкой, приподнимая плечо и делая неуверенный шаг ближе. — Я знаю ее. «The Spell, Pas D'action». Из «Спящей красавицы», — Джек наклоняет голову с невысказанным вопросом. — К пяти годам стало очевидно, что я не буду балериной, несмотря на мамины попытки. Но нам нравилось ходить и смотреть вместе. «Спящая красавица» была нашим любимым представлением.

Между его бровями появляется складка, его взгляд отрывается от моего, опускаясь вниз, к моим ногам.

Джек прочищает горло, проводя рукой по галстуку.

— У меня есть кое-что для тебя, — говорит он, отворачиваясь, чтобы заглушить музыку, прежде чем выдвинуть ящик стола. Я прикусываю язык, чтобы не задать вопросы, вертящиеся у меня на языке, и просто наблюдаю, как он стоит передо мной с маленькой декоративной деревянной коробочкой в руке. На мгновение он хмурится еще сильнее, как будто, возможно, взвешивает, передавать ли это мне, но выражение его лица так же быстро проясняется, и он протягивает свой подарок.

Я ставлю свою сумку на смотровой стол из нержавеющей стали и беру коробку, на мгновение задерживая взгляд Джека, прежде чем расстегнуть латунную застежку. Когда я поднимаю крышку, то вижу подъязычную кость в гнездышке из черного шелка, тщательно очищенную и законсервированную, виднеется заклеенная трещина.

— Тебе знакомо имя Тревор Уинтерс? — спрашивает Джек.

Я качаю головой, прилив адреналина застилает мое сердце. Имена всех людей, которых я убила, прокручиваются в голове, но Тревора Уинтерса определенно не было.

Я каким-то образом облажалась.

Удушье — не мой конек, так что перелом подъязычной кости не имеет смысла. Но, возможно, я допустила ошибку, и, конечно, Джек копал, пока не нашел, и он хочет швырнуть мне в лицо свою победу.

— Нет, — отвечаю я и почти захлопываю коробку и швыряю ее обратно ему, поднимаю взгляд и пронзительно смотрю на Джека. В его глазах нет ни самодовольной, злорадной ухмылки, ни торжествующего блеска. Выражения его лица часто бывают такими, и я потратила годы, наблюдая за ними, но такого никогда не видела. Похоже, он... обеспокоен. — Нет, — говорю я снова, на этот раз мягче. — Это имя мне ни о чем не говорит.

Джек кивает, как будто он не удивлен, но это едва уловимое беспокойство все еще остается в его глазах, когда он переводит взгляд с одного моего глаза на другой.

— Уинтерс был странником. Он редко задерживался где-либо дольше, чем на год. Он был высокого мнения о своем интеллекте, но никогда не останавливался ни на чем надолго, чтобы доказать это. Он выполнял много случайной работы. Работал руками, чтобы свести концы с концами.

Я снова смотрю на кость и качаю головой, безуспешно пытаюсь сложить эти разломанные кусочки головоломки воедино.

— Возможно, ты видела его в своем районе, он прибывал черепицу к крыше. Или, когда

он красил гараж. Чинил забор. Возможно, ты никогда бы его не заметила. Но он заметил тебя.

Холодок пробегает по тыльной стороне моих рук и каскадом стекает вниз по позвоночнику. Мои губы приоткрываются в судорожном вздохе, когда все начинает вставать на свои места.

— Уинтерсу нравилось бывать в баре в центре города, который пользовался популярностью у студентов колледжа, — говорит Джек. — «Шотландец». Я был там, ждал, но его не видел. Когда решил остановиться на ночь, увидел, как мимо проехал его грузовик. У него был пассажир, но я не мог разглядеть, кто именно. Было слишком темно. Но это была ты, да?

Я киваю, хотя не могу вспомнить эту часть ночи. Я помню, как пришла в бар со своими друзьями чуть дальше по дороге от «Шотландца» с поддельным удостоверением личности. Уинтерс, должно быть, был там и подсыпал что-то в мой напиток, потому что я ничего не помню ни о поездке, ни о том, как вошла в свой дом.

Я пытаюсь сморгнуть внезапные слезы. Они отказываются исчезать.

— Папа...он попросил человека починить забор в саду, у аллеи... Папа узнал, когда тот привел меня домой. Должно быть, это он впустил Уинтерса.

— Вероятно, да.

Звук, который я издаю, не подчиняется контролю, он кажется тихим, но в его навязчивых нотах заключены все грани отчаяния.

И это не просто отчаяние.

Это проявленная ярость от предательства.

Я перекидываю коробку в левую руку, обхватываю правой, прижимаю ногти к швам, чтобы вызвать боль, и закрываю глаза. Я помню больницу, место, которое я ненавижу, испытывая отвращение даже к самым слабым воспоминаниям о стенах клиники, капельницах, боли от травм и сокрушительной, всепоглощающей потере каждого мгновения жизни. Но я хорошо запомнила. Одни простой момент, одно маленькое замечание.

От агента Хейза офицеру полиции, стоящему у двери моей комнаты.

«...Надо следить за тем, кого нанимаешь», — сказал он офицеру, который говорил о новой крыше, которую он планировал установить. *«Не доверяй ни одному парню с улицы, понял? Никаких бродяг — никогда не знаешь, кого можешь впустить в свой дом.»*

Полицейский не понял бы, что на самом деле имел в виду Хейз. Я тоже не поняла, по крайней мере, до этого момента.

Хейз знал. Он, блять, знал, что за мужчину они искали. Я готова поспорить, что Тревор Уинтерс был даже на его гребаном радаре. И была ли это некомпетентность, или лень, или просто глупость, это стоило мне моей семьи. Моей жизни.

— Нет, Кайри, — говорит Джек, вырывая меня из мыслей. Я моргаю и смотрю вниз, когда он разжимает мою трясущуюся руку в том месте, где ногти вогнали полумесяцы в кожу. Его голос мягок, он кладет мои пальцы обратно на бок коробки. — Откроешь рану.

У моих ног материализуется стул. Прохладные, уверенные пальцы обхватывают мой локоть, и затем я сажусь, кость внутри коробки вибрирует от дрожи в руках.

— Это он? Молчаливый истребитель? — спрашиваю я, чувствуя, как Джек опускается передо мной на колени сквозь водянистую дымку, но не могу смотреть на него.

— Так и есть.

Мои ресницы влажные, губы дрожат. Этот момент совсем не такой, как я ожидала.

Кажется, облегчение замаскировано тревогой, ведь я не знаю, что должно произойти дальше. Момент полон горя и потерь, которые не останутся похороненными, независимо от того, что я насыплю поверх могилы. И он полон самого темного оттенка ярости, такой, которая бурлит, как расплавленное ядро, сила, умоляющая сжечь мир дотла.

— Я не смог определить его место жительства, — продолжает Джек. — Он постоянно переезжал из мотеля в пансионат. Но я знал, что есть несколько районов, где он выполняет какую-то работу, поэтому, когда увидел, как он проезжает мимо, и понял, что не смогу его догнать, я отправился на поиски. В конце концов, я нашел его грузовик, припаркованный в переулке позади вашего дома.

Мы оба знаем, что произошло после.

И теперь Джек, наконец, понял. Ночь, когда он выследил и убил Молчаливого истребителя, стала поворотным моментом, когда наши жизни слились воедино, две половинки неизлечимой раны, которая, возможно, никогда не заживет.

Мои пальцы проводят по изогнутой, нежной кости. Часть меня хочет сгибать ее до тех пор, пока приятный щелчок не рассеет холод в воздухе. Но именно поэтому подарок так ценен для меня. Это еще одна маленькая частичка силы, вырванная когтями у того демона, который все еще цепляется за мои воспоминания, навсегда запечатленный в самых темных тенях. Я могу разломить ее пополам, если захочу. Или, может быть, достаточно просто знать, что его судьба с этого момента принадлежит только мне.

— Изабель Кларк. Это твое настоящее имя, — говорит Джек, вырывая меня из воспоминаний, которые открыла эта крошечная косточка.

— Было. Изабель Кайри Кларк. Но этой девушки больше не существует.

Давление взгляда Джека ощущается таким тяжелым на моей коже, но я все еще прикована к коробке в своих руках, даже когда Джек протягивает руку и осторожно закрывает крышку.

— Почему ты мне не рассказала? — спрашивает он, и я неожиданно хихикаю над его серьезным вопросом.

— Рассказала? Как именно? — я поднимаю взгляд от коробки, когда единственным ответом Джека становится молчание, мускул на его челюсти дергается, и я вызывающе поднимаю бровь. Крупица ярости пробивается сквозь тонкую корку других моих эмоций, поднимаясь из того места, где она никогда не тускнеет и не умирает. — Нет, правда, Джек... как это можно сказать? *«О, привет, мистер важный серый убийца, я преследовала тебя годами, а ты никогда этого не замечал, но ты спас меня от Молчаливого истребителя, и, кстати, мне тоже нравится убивать людей, рада познакомиться. У нас так много общего, хочешь потусоваться?»* Так все было бы на самом деле? Как думаешь, сколько секунд тебе потребовалось бы, чтобы убить меня, если бы я это сказала?

— Ноль, Кайри. Я...

— Согласна. Ровно ноль секунд, потому что ты презирал меня с первого момента, как мы встретились в твоей дерьмовой старой лаборатории.

— Это не...

— Ты прислал Хью подробный список, с помощью которого он должен уволить меня из департамента, и предложил несколько альтернативных кандидатов, которыми он должен меня заменить. Ты использовал слово «более того» шесть раз в том длинном электронном письме, Джек. *«Более того, Кайри Рот не накопила достаточно опыта работы в полевых условиях, чтобы занять должность такого масштаба».*

— Как ты...

— Или как насчет того случая, когда ты заявил, что я неправильно откалибровала настройки криофризера, и ты потерял все свои образцы тканей? Ты спросил Хью, зачем ему нанимать того, кто не может настроить морозильник, и попросил посмотреть мои университетские стенограммы. За все три моих диплома.

— Я не...

— Конечно, это была даже не моя гребаная вина. Никогда. Знаешь почему? Потому что я, блять, боготворила тебя и никогда бы не поставила под угрозу твою работу. Буквально никого не шокировало, когда выяснилось, что виновата Мадлен. И даже после того, как она рассказала тебе, ты так и не извинился передо мной.

— Кайри...

— Ты ненавидишь меня, Джек. И ты меня уже столько раз кусал, что я тоже тебя ненавижу, а даже если ты наконец-то собрал все это воедино, это ничего не меняет. Ты сейчас добр ко мне только чтобы дать надежду, будто я выиграю в «Тандердоме», и тогда ты, наконец, избавишься от меня, как всегда хотел. Что ж, позволь мне сказать кое-что, доктор Соренсен...

Прохладная ладонь Джека прижимается к моему рту прежде, чем я успеваю закончить предложение.

— Прекрати. Разговаривать, — говорит он, и хотя я бросаю на него свой самый убийственный взгляд, он попадает только в его склонившуюся макушку, его лоб почти упирается в мои колени, а свободная рука обхватывает мое предплечье. Неожиданная интимность этого внезапного контакта — единственное, что шокирует меня настолько, что я не могу высвободить рот. — Господи Иисусе, — шепчет Джек, выглядя так, словно он только что пробежал гонку и с треском проиграл, его плечи поникли, и каждый вздох был заметен. Он слегка качает головой. — Ты самый непостоянный человек, которого я когда-либо встречал. В один момент ты в слезах, а в следующий мчишься со скоростью двести миль в час в противоположном направлении без карты или какой-либо гребаной подсказки. Я даже не знаю, с чего начать.

Я рычу неразборчивые оскорбления, которые не слышно из-за ладони у моего рта.

— Нет. Ни единого гребаного шанса, — говорит он, качая головой в знак отрицания с большей уверенностью и решимостью, чем минуту назад. Он встречается с моими глазами потемневшим, затравленным взглядом. — Во-первых, я не спасал тебя. Я бросил тебя, — я снова рычу и пытаюсь оторвать руку Джека от своих губ, сказать, что это не ему решать, но мне не удастся отстранить его. Его хватка на моем предплечье усиливается, когда он прижимает его к подлокотнику. — Ты едва дышала. У тебя в груди были воткнуты два ножа. Твое лицо превратилось в распухшее кровавое месиво. Ты не просыпалась, ты не посмотрела на меня. Если бы ты открыла глаза хотя бы раз в тот момент, я бы узнал тебя тогда, когда ты вошла в лабораторию.

Я закатываю глаза в своем лучшем *«мы оба знаем, что ты убил бы меня, чтобы защитить себя»* взгляде, прежде чем посмотреть в темный угол комнаты.

— И ноль секунд, потому что я бы не убил тебя, если бы ты сказала мне, кто такая.

Я издаю недоверчивый смешок в его ладонь.

— В-третьих, я действительно считал, что тебе нужно больше опыта работы в полевых условиях. Я и не подозревал, что на протяжении всей своей студенческой карьеры ты каждое лето занималась именно этим, и так мне ответил Хью. И да, я в курсе, что инцидент с

криофризером был мудацким поступком. Одним из многих.

«Все равно это не извинение», — хочу ответить я, но не издавая ничего, кроме приглушенного бормотания и пронзительного взгляда.

— И я не пытаюсь дать тебе ложную надежду. Думаю, это очевидно, поскольку я дал тебе кость своей жертвы, — говорит он, указывая взглядом на коробку, лежащую у меня на коленях.

Я фыркаю.

И тогда мы погружаемся в ту тишину, которая прячется в тенях, скрывая секреты, которым нужен лишь небольшой намек на свет, чтобы вспыхнуть и сгореть дотла.

Я наблюдаю за Джеком, и он смотрит на меня в ответ, его ладонь все еще прижата к моим губам, а рука лежит на моем предплечье.

— Хейз здесь из-за тебя. Он тебя знает. Он работал над делом Молчаливого истребителя, да? И он здесь для того, чтобы следить за старыми зацепками.

Я сглатываю, выдерживая взгляд Джека, когда он темнеет. Киваю.

Его взгляд скользит по моему лицу, я тяну его за запястье, и он, наконец, отрывается от моего рта.

— Если бы он выполнял свою работу... — шепчу я, опуская взгляд на коробку в руках. Если бы Хейз выполнил свою работу, была бы я другим человеком? Была бы у меня другая жизнь? Конечно. Если бы Хейз не облажался, у меня была бы семья. Я бы не была одинока. Я бы не следила за единственным человеком, с которым себя связывала, того, кто, возможно, хочет целовать меня в момент слабости и убить при каждом втором ударе сердца.

— Я как раз собирался уезжать из Уэст-Пейна. Я хотел придерживаться своих планов, а потом появилась ты, — говорит Джек, прежде чем я успеваю заговорить, его голос низкий и мрачный. — Я пробыл здесь дольше, чем следовало. Но я не мог уйти, пока ты не уйдешь первой.

— В этом нет никакого гребаного смысла. Я видела твой контракт, ты можешь уйти, когда захочешь...

— Я пытался выгнать тебя силой. Естественно, ты не только самая непостоянная женщина, но и самая упрямая. Все, чего мне удалось добиться, — это заставить себя страдать.

Насмешливый смешок срывается с моих губ.

— Это признание приносит мне немалую долю счастья.

— Но с меня хватит. Мне надоело отказывать себе в том, чего я хочу.

Я сглатываю сердцебиение, которое, кажется, подскакивает к моему горлу.

— Ты отказываешься и покидаешь Уэст-Пейн? — спрашиваю я, стараясь не позволить внезапному приливу боли и разочарования окрасить мои слова, хотя я чувствую, как тепло разливается по щекам, несмотря на все мои усилия подавить его. Джек не делает ни малейшего движения, чтобы ответить на мой вопрос. Он только пристально наблюдает за мной, я вздергиваю подбородок. — Хорошо... хорошо. Наконец-то мы в чем-то сошлись во мнениях.

Джек прижимается ближе, настолько, что я ощущаю тепло его груди у своих ног. Я могла бы сосчитать каждый оттенок серого в его глазах, поскольку они по-прежнему безошибочно прикованы к моим.

— Заверяю, что мы не на одной волне. Но будем.

На мгновение, которое затягивается, я чувствую каждый удар своего сердца. Я могла бы

немного наклониться вперед и вдохнуть его запах. Может быть, так и сделать.

Но едва уловимая теплота Джека и его ледяной взгляд исчезают, температура в комнате резко падает, когда он направляется к своим мониторам, на ходу бросая мрачный взгляд через плечо.

— Отдохни немного, доктор Рот. Тебе это нужно.

Мне требуется мгновение, чтобы пошевелиться, но я все-таки уйду, не сказав больше ни слова, и звуки Чайковского продолжают преследовать меня, пока я приближаюсь к выходу. Я еду домой, но музыка не выходит у меня из головы, как призрак, который бродит в глубоких тенях спальни.

А отдохнуть у меня не получается.

Я заворачиваюсь в простыни, путаясь ногами в их сжимающих тисках, пока не откидываю их. Меня бросает в жар не только из-за ярости на Хейза, когда я представляю себе все виды смертей и пыток, которые могла бы совершить голыми руками. Меня поддерживает не только месть. А желание. Глубокая потребность, которая горит, как пламя в груди. Потребность в Джеке.

Каждое слово, сказанное Джеком за последние несколько дней, прокручивается у меня в голове, превращаясь в бесконечные «а если». Разговоры, которые могли бы довести до тысячи выводов. Но еще хуже, чем его слова, его прикосновения. Его поцелуй обжог меня до мозга костей. Он завладел моими губами, как человек, изголодавшийся по свету и надежде. Его прикосновение было благоговейным поклонением моей коже и костям. Он хватал меня за горло, и отпустил только для того, чтобы поцеловать шею.

«Если захочу причинить тебе боль, я это сделаю.»

Но не сделал.

В какой-то момент ночью я просовываю руку в пижамные шорты, обвожу клитор, надеясь хоть немного облегчить потребность, которая наполняет мое естество и скручивает его в узлы. Но я сдаюсь всего через несколько коротких мгновений. Я не хочу себя. Мне не нужно мое воображение. Я хочу его. И чем сильнее я пытаюсь убедить себя, что не должна хотеть, тем сильнее хочу.

В конце концов, мне удастся хотя бы немного поспать. Но этого недостаточно, и я просыпаюсь перед рассветом, когда в спальне все еще темно. Корнетто ушел с кровати из-за моего ворочания и поднимается со своего редко используемого коврика для собак, когда я, потерпев поражение, направляюсь на кухню. Я смотрю новости, соц. сети, сообщения и электронные письма — обычные дела субботнего утра, наслаждаясь кофе в своей очень большой кружке. Вскоре после восхода солнца я оказываюсь на змееподобной тропинке вдоль реки, Корнетто трусит рядом со мной, и мы идем по извилинам медленного течения. Мы пробегаем наш обычный круг, который занимает около полутора часов, и последние несколько кварталов до дома проходим пешком.

Когда я заворачиваю за угол и вижу серебристую «Хонду Аккорд» Хейза, припаркованную вдоль бордюра, окаймляющего лужайку перед моим домом, моя первая мысль оказывается неожиданной.

Отправь сообщение Джеку.

Я убираю AirPods в карман, когда Хейз открывает дверцу со стороны водителя и выходит из машины, и мысли о Джеке теряются в какофонии лая Корнетто. Хейз бросает нервный взгляд на мою собаку и делает несколько осторожных шагов от машины. Я могла бы заставить Корнетто замолчать одним словом, но я этого не делаю, даже когда сокращаю

расстояние между собой и седым агентом и останавливаюсь в нескольких футах от него.

— Привет, Изабель, — говорит он со слабой улыбкой.

Мне требуется огромное усилие, чтобы не скрежетать зубами.

— Кайри.

— Верно. Конечно. Кайри, — напряжение в нашем молчании усугубляется низким рычанием, вырывающимся из горла Корнетто. — Не возражаешь, если мы поболтаем несколько минут внутри?

— Конечно, — говорю я, коротко кивая. — Входите.

Я стараюсь держаться подальше от Хейза, в то время как Корнетто натягивает поводок, становясь между мной и агентом, и чуть не теряет самообладание, когда понимает, что неизвестный мужчина вторгается в наши владения. Я твердым голосом даю ему команду, как только мы оказываемся внутри, и Корнетто замолкает, но не сводит глаз с Хейза, пока я веду нас вглубь дома, жестом приглашая гостя сесть за обеденный стол, пока я готовлю кофе. Мой телефон насмехается надо мной на гранитной столешнице островка, когда я достаю из буфета две кружки. Уверена, он оценит мой ответ на его пешку и череп, смайлик с закатывающимися глазами и полицейским, но у меня такое чувство, что через несколько минут он будет у меня на пороге. Что-то в этом есть одновременно тревожное и волнующее.

— Милый хаски, — говорит Хейз, когда я приношу кофе в столовую. Корнетто сидит на расстоянии прыжка, его глаза следят за рукой Хейза, когда тот тянется за кружкой, которую я передаю.

— Элкхаунд, — поправляю я с натянутой улыбкой.

— Ах. Они используются для охоты на крупную дичь, да?

Его беспечный тон слишком натянутый. Он уже знал, что это элкхаунд. Судя по комментарию о крупной дичи он знает, что я все еще охочусь. Что у меня в доме есть оружие.

Он следил за мной.

— Да. И для охраны. Но вы пришли не для того, чтобы разговаривать о собаках, — говорю я, откидываясь на спинку стула и подтаскивая свою кружку через стол, подношу ее к губам, чтобы сделать громкий глоток только для того, чтобы немного позлить его. — Что я могу для вас сделать, мистер Хейз?

— Я хотел узнать, что ты думаешь о докторе Брэде Томпсоне.

— А что такое?

— Ну, во-первых, он заявил, что был с тобой в ту ночь, когда Мейсона Дюмонта видели в последний раз. Это правда?

Я прищуриваюсь, внимательно следя за каждым мимическим выражением, указывающим на правдивость.

— Это правда, что я пошла к нему домой после церемонии вручения премии «Брентвуд» и заснула еще до полуночи. Брэд не спал, когда я проснулась в половине восьмого, одевался на работу и готовил штрудель из тостера на завтрак, — я морщусь нос, а затем пожимаю плечами. — Что он делал между полуночью и половиной восьмого, а затем после того, как я ушла к себе в восемь, я понятия не имею. Я крепко сплю.

Хейз достает из кармана пиджака дешевую ручку и потрепанный блокнот, переворачивает его на чистую страницу, чтобы сделать несколько заметок.

— Он когда-нибудь высказывал вам опасения по поводу программы донорства тел в полях Басса?

— Да, — говорю я, уверенная, что он уже знает.

— Это вас беспокоило?

Я издаю издевательский смешок и закатываю глаза.

— Нет. Над записями работали несколько аспирантов и Мадлен. Неудивительно, но все, к чему бы она ни прикоснулась, будет испорчено. Вам никто не рассказывал об инциденте с криофризером?

Хейз просто задумчиво произносит «хм», когда пишет короткую строчку, и, хотя я пытаюсь разобрать формулировку, мне не удается расшифровать его нацарапанный курсив.

— А как насчет доктора Соренсена?

Так вот настоящая причина, по которой он здесь. Учитывая всего три вопроса о Брэде, доктор Томпсон никоим образом не является предметом его интереса.

Несмотря на то, что я подозревала, что он доберется до Джека, мне все равно стоило больших усилий сохранять нейтральное выражение лица, а в голосе тщательно соблюдать грань скуки и услужливости.

— А что с ним? — спросила я.

— Похоже, ты о нем невысокого мнения.

— Ошибаетесь. Я его уважаю. Он мне просто не нравится. Иногда.

— Почему?

Я тщательно подбираю слова, пытаюсь увидеть мир глазами человека, ищущего признаки серийного убийцы.

— Он может быть высокомерным. Боюсь, это не такая уж редкая черта для мужчин в академических кругах.

— Тебе что-нибудь известно о местонахождении доктора Соренсена в четверг вечером, когда был подожжен дом доктора Томпсона?

— Вообще-то, да. Он был со мной в лаборатории, — говорю я. Хейз бросает скептический взгляд в мою сторону, прежде чем вернуть внимание к своим заметкам, и у меня возникает желание вырвать блокнот у него из рук и засунуть ему в гребаную плотку. Я едва сдерживаюсь, чтобы не сжать руки в кулаки. — Я уронила свою премию Brentwuda и порезалась. Джек зашил рану, — я поворачиваю ладонь к нему, аккуратные стежки обрамляют неровную красную линию у основания моего большого пальца. — Я... не могла пойти в больницу. Это слишком... для меня. Джек помог, а затем заменил мою награду. На самом деле, это было очень заботливо с его стороны. Я уверена, что если бы вы спросили, он предоставил бы вам доказательства.

Уголки губ Хейза, опускаются, когда он строчит по странице с большей сосредоточенностью, чем раньше, как будто его предыдущие заметки были просто для галочки, а эти настоящие. Мое сердце учащенно бьется, адреналин разливается по венам. Я подношу кружку к губам обеими руками, чтобы скрыть глубокие, медленные вдохи, которые делаю, чтобы побороть последствия.

— В чем дело, мистер Хейз?

Хейз долго смотрит на меня, и в его глазах появляется отеческая нежность. Может, это просто жалость. Может, даже раскаяние.

— Ты можешь называть меня Эриком.

Я киваю ему.

— Я думаю, что Молчаливый убийца все еще активен, — говорит он. Я пытаюсь выглядеть встревоженной, затем сбитой с толку, затем обеспокоенной, даже приоткрываю

рот, когда ставлю кружку с наигранной дрожью в руке. — Очень редко серийные убийцы прекращают охоту навсегда. Между убийствами может пройти некоторое время, иногда даже годы, но желание не исчезает никогда. Вполне возможно, что Истребитель изменил свое поведение после вашей стычки. И думаю, он может быть где-то поблизости.

— И что... вы думаете, он мог узнать меня?

Хейз кладет руку на мою, и я прилагаю все усилия, чтобы превратить свою ярость от его прикосновения в маску страдания.

— Я думаю, он мог знать, что ты здесь все это время.

Глава 12

Двадцать пятый этаж

КАЙРИ

Прохладное прикосновение пробегает по каждому изгибу моего позвоночника, как будто человек, стоящий сзади, наслаждается качеством скелета под моей кожей.

Моя спина напрягается. Обнаженная кожа покрывается мурашками. Электричество пульсирует в груди, сердце колотится от басов. Музыка клуба, кажется, проскальзывает сквозь завесу моего пульса. Я едва сдерживаю дрожь, когда эти пальцы скользят к низу моего платья с открытой спиной, прежде чем снова скользнуть вверх с легчайшей лаской.

Аромат ветивера окутывает меня холодными объятиями.

— Blond вам не подходит, доктор Рот, — шепчет голос рядом с моим ухом, шевеля прядями моего парика, щекоча мне шею.

— Но говорят, что блондинки веселее, и я рассчитываю на самое лучшее времяпрепровождение сегодня, — отвечаю я, и моя лукавая улыбка расплывается от напряжения, которое я чувствую в ладони, лежащей у меня между лопатками. — Кроме того, меня зовут не доктор Рот.

Знакомая рука появляется из-за моего левого плеча, наполняя мой бокал вином из бутылки, стоящей передо мной.

— Ну, это я уже знал.

— Меня зовут Бетани, — говорю я, указывая на пустой стул напротив. — Не хочешь присесть?

— А это не помешает твоему... веселью?

— Разве это не твоя цель?

— Возможно, — говорит Джек, обходя стол с высокой столешницей и опускаясь в кресло, чтобы смерить меня пронзительным взглядом, делая глоток виски. После двух бокалов вина и нашей истории мне физически больно смотреть на Джека, со всей его холодной, мрачной красотой, в черном костюме и с этими серебристыми глазами, которые заставляют меня открыться, чтобы выследить каждую скрытую слабость. Я делаю еще один глоток Ширазы, надеясь, что он утопит мои чувства в безжизненном безразличии, хотя уже знаю, что это не сработает. — Ты сказала, что твое здоровье в моих интересах, и на случай, если ты еще не слышала, похоже, на свободе разгуливает серийный убийца.

Мой взгляд опускается в пустоту между нами, напоминание о его мотивах гасит любые помехи, задерживающиеся в моих венах.

— Видимо... эту памятку я регулярно пропускаю.

— Изабель...

— *Не надо*, Джек, — шиплю я, свободной рукой хватаясь за край стола и наклоняясь

вперед. Неожиданный прилив слез обжигает мои глаза при звуке этого имени, слетающего с губ Джека, отчего мои шрамы туго натягиваются. — *Никогда этого не делай.* Я не Изабель. Я говорила. Эта девушка мертва.

Джек выдерживает мой злобный взгляд. Я моргаю, чтобы убрать стеклянный блеск. Ничто в нем не меняется, когда он наблюдает за моим бурлящим страданием.

Я допиваю остатки вина и с глухим стуком ставлю бокал на скатерть.

— Что ж, прими мои поздравления, Джек. Ты был в поле моего зрения всего тридцать секунд, и уже испортил вечер. Новый рекорд, — огрызаюсь я, хватая со стола свой сверкающий клатч и пытаюсь встать.

Рука Джека обхватывает мое запястье крепким захватом. Он старается не касаться швов, наложенных поперек заживающей раны.

— Мне жаль, — говорит он, как будто никогда не соединял эти два слова вместе и так же, как и я, удивлен, что они могли сорваться с его губ. — Садись.

Я не двигаюсь.

— Пожалуйста.

Я медленно опускаюсь на плюшевое сиденье, рука Джека исчезает с моего запястья только после того, как я сажусь. Мы рассматриваем друг друга в напряженном молчании, пока шумная компания не проходит слишком близко к нашему столику, и судя по его холодному взгляду, их близость разрушает чары между нами.

— Откуда ты знаешь, что Хейз не последовал за тобой сюда? — спрашивает Джек, снова обращая на меня свое пристальное внимание.

— Потому что Хейз не в состоянии выбраться из бумажного пакета¹⁶.

Джек фыркает от смеха и делает глоток своего напитка, а я наслаждаюсь его мимолетной улыбкой на мои слова.

— Несмотря на это, я последовал за тобой сюда незамеченным.

— Серьезно? — моя ухмылка становится шире, когда Джек бросает на меня злобный взгляд. Я наклоняюсь вперед и прочищаю горло, чтобы произнести свой лучший сценический шепот. — Черный «BMW-XM» не очень-то незаметный, Джек. В игре «кто самый смертоносный», ты теряешь очки за высокомерие.

— Точно так же легко ты теряешь очки за недооценку соперника, — говорит Джек, когда его взгляд отрывается от моего и обводит комнату. Его челюсть дергается, как будто он пытается скрыть улыбку, но она быстро исчезает. — Хейза... не так-то легко одурачить.

— Я уже поняла. Он заходил ко мне домой.

Это привлекает безраздельное внимание Джека. Его взгляд возвращается к моему и горит расплавленной яростью.

— Когда? Зачем?

— В десять часов. Он ждал перед моим домом, когда я вернулась с пробежки с Корнетто.

Джека прищуривается.

— Моя собака, — Джек наклоняет голову, и я закатываю глаза. — Ты, правда, должен знать все о жизни своего противника, Джек. Крупное, покрытое мехом млекопитающее? Корнетто...? Господи. Потеря очков за пропущенные важные детали.

Клянусь, я вижу легкий румянец на щеках Джека.

— Я знал, что у тебя есть собака.

— Ты знал, как его зовут?

— ...нет.

— Минус пять баллов.

Джек раздраженно вздыхает при виде моей ослепительной, хитрой улыбки.

— Хейз, доктор Рот. Чего он хотел?

— Бетани. Минус еще два балла за то, что не придерживаешься моего прикрытия, — отвечаю я, умудряясь подавить растущее раздражение Джека, погружаясь в нужную ему информацию прежде, чем он успевает сделать следующий вдох. — Он хотел немного наверстать упущенное, поворошить старую историю. Сказал, что верит, будто Истребитель все еще активен, но что он изменил свой процесс. Он не верит, что Брэд виноват в том, что тело нашли в его доме. Он считает, что пожар устроил кто-то другой. Убежден, что в этом замешан Молчаливый истребитель.

Губы Джека сжимаются в мрачную линию.

— Я не думаю, что он такой невинный, каким кажется на первый взгляд. Он мне не нравится.

— Тебе никто не нравится.

— Это не...

— Ну, кроме тебя самого. Ты нравишься себе. Очень сильно.

Я лучезарно улыбаюсь, серебро в глазах Джека выглядит угрожающе, хотя его гнев длится недолго. Он слишком любопытен, чтобы позволить своему раздражению взять верх.

— За кем ты охотишься сегодня? — спрашивает он, снова наполняя мой бокал вином. Я спешу похоронить навязчивую мысль, которая умоляет меня сказать «за тобой».

— За тем, кто превосходит мои критерии, — отвечаю я, мой голос становится тоньше от рассеянности, когда я смотрю на движение тел на танцполе. — Его зовут Себастьян. Ему запретили посещать несколько местных стриптиз-клубов, он приставал к девушкам, когда был пьян и под кайфом. Три года назад против него было возбуждено дело о нападении, но его замяли.

Мой взгляд прикован к цели вдалеке, мужчине ниже Джека на несколько дюймов, но широкоплечему, мощному. Себастьян может сойти за красавца, пока не присмотришься поближе. Ему всего двадцать четыре, но он выглядит старше из-за своих зачесанных назад светлых волос и ранних признаков неправильных решений.

— Для тебя он не подходит, — бормочу я, следя за продвижением Себастьяна сквозь стробоскопы, окутывающие танцоров. Я знаю, что у Джека есть строгие критерии в отношении костей, которые он выбирает для извлечения из своих жертв, и хотя я не знаю, какие они, сомневаюсь, что Себастьян удовлетворил бы взыскательным вкусам Джека. Я отвожу взгляд от своей жертвы. — Честно говоря, я удивлена, что ты последовал за мной.

Джек приподнимает плечо, изображая незаинтересованность, хотя его взгляд слишком пронзителен для обычного любопытства.

— У меня было предчувствие, что ты замыслишь что-то необычное, когда ты отправилась на Парксайт-плейс. У тебя есть квартира в этом здании?

— Да, но, похоже, теперь мне придется ее продать. Мне нравилась эта квартира.

— Я уже знаю, где ты живешь.

— Конечно, но мне не нужно, чтобы ты отыскивал все мои маленькие логова. Придется отказаться от еще одного сегодня вечером, так как ты пойдешь со мной, — говорю я, когда мое внимание переключается на танцпол. Моя предполагаемая жертва скользит к бару, с важным видом пробираясь сквозь толпу людей в своем элегантном костюме и наглюющем от

кокаина высокомерии. Поднимаясь, я беру со стола клатч.

— Кто сказал, что я присоединюсь к тебе? — говорит Джек с вызовом в голосе, откидываясь на спинку кресла с бокалом виски в руке, круглый шарик льда звенит о стекло.

На этот раз я пожимаю плечами с притворным безразличием, и хотя чувствую горький укол разочарования, у меня достаточно практики, чтобы не показать это на лице. Когда дело доходит до Джека Соренсена, разочарование — это то, к чему я привыкла.

— Поступай, как знаешь, — говорю я, пересчитывая свои следующие ходы, чтобы заманить свою цель теперь, когда Джек вышел из игры. — Полагаю, сейчас самое подходящее время сообщить, что Себастьян Модео — младший брат Анны Модео, и она была убита Молчаливым истребителем двенадцать лет назад. Если Хейз считает, что Истребитель все еще активен, возможно, нам следует дать ему повод пойти по тупиковому следу, который ведет прочь от Уэствью. Но не волнуйся, я расскажу тебе все о моем веселом вечере в подробностях, — я чокаюсь своим бокалом с Джеком, останавливаясь рядом с ним, допиваю свой напиток, прежде чем отставить бокал. — Твое здоровье. Хорошего вечера, Джек.

— Бетани, — произносит он, коротко кивая. Джек не поднимает глаз, не меняет своей расслабленной позы. Но мне кажется, я мельком замечаю, как его пальцы сжимают бокал, прежде чем отворачиваюсь.

Я проскальзываю в растущую толпу и направляюсь на танцпол. Этот огонек разочарования еще немного тлеет, когда я приближаюсь к своей цели, и застенчиво улыбаюсь Себастьяну, проходя мимо того места, где он стоит в короткой очереди к бару. Он отвечает на мою улыбку гораздо более развратной, проводя большим пальцем по нижней губе, пока следует за мной к танцующим. Я несколько шагов ловлю его взгляд через плечо, сияя улыбкой, словно приглашая следовать за мной. Я не смотрю, смотрит ли он, но уже знаю Себастьяна Модео, хотя мы не знакомы. Я знаю все его следующие шаги еще до того, как он их сделает.

Я пробираюсь в толпе ровно настолько, чтобы Себастьян мог легко найти меня, позволяя себе раствориться в музыке, тенях, телах и меняющемся освещении. Ритм проникает в мою грудь, обвиваясь вокруг вен. Мои мышцы больше не напряжены. Основание позвоночника расслабляется. Я двигаюсь вместе с людьми, и они приветствуют меня так, как будто я принадлежу к их кругу, даже несмотря на то, что я — смерть среди них. Когда диджей накладывает одну песню на другую и меняет мелодию на драйвовый ритм, я поднимаю руку, как и все остальные, закрываю глаза, и мои движения сливаются с гулом ударных.

Когда я открываю их, вижу, как Джек стоит там с выражением на лице, которого я никогда не видела, какая-то ярость, переплетенная с глубокой, режущей потребностью, желанием, которое прокладывает путь в моей груди, пробиваясь сквозь мои рушащиеся стены.

Я пытаюсь торжественно улыбнуться, надеясь скрыть бурный водоворот эмоций, бушующий в моем сердце. Я чувствую себя неудачницей, когда его внимание переключается на мои губы, а глаза интенсивно поблескивают в тусклом свете.

— О, да ладно, — говорю я, затаив дыхание, Джек делает шаг ближе, и его рука обвивается вокруг моей талии, кончики его пальцев холодят обнаженную кожу спины. — Есть только одна вещь, которая нравится Себастьяну больше, чем блондинка в платье с открытой спиной.

— И что же это? — спрашивает Джек, когда его пальцы сильнее прижимаются к моей коже, побуждая меня приблизиться. Его глаза прикованы к моим губам, их серебристые искорки теряются в окружающей нас темноте, хотя я все еще чувствую тяжесть его взгляда.

— Наблюдение. Он вуайерист. Я хотела заманить его ложью, типа соседка по комнате ищет группового развлечения. Если думаешь, что это маленькое представление положит конец моим действиям на сегодня, чтобы ты потом поймал его сам, — говорю я, бросая выразительный взгляд на другую руку Джека, скользящую по моему обнаженному плечу и поднимающуюся к шее, — ты ошибаешься.

Ладонь Джека останавливается на моем горле. Он запечатлевает каждый удар моего учащающегося сердца. Его большой палец скользит по моей шее, прослеживая линию, где находится подъязычная кость, скрытая под пылающей кожей. На мгновение мне кажется, что он уйдет, но он этого не делает.

Рука Джека на моей талии скользит по платью, пока не накрывает мою обнаженную спину прохладным плащом, притягивая меня ближе. Я кладу ладонь ему на грудь, мои пальцы впиваются в черную ткань. Мне следовало бы отстраниться. Я должна дать отпор его притягательной силе. Но это все равно, что пытаться мыслить по-своему, не подчиняясь гравитации, или стоять неподвижно в волнах цунами.

Ветивер. Мигающие огни. Гулкое биение, как будто я внутри гигантского сердца. Мое тело прижато вплотную к Джеку, каждая клеточка внутри пылает адом. Время замедляется. Я бессильна. И я нахожусь именно там, где хочу и боюсь быть.

— Лилль Мейер¹⁷, — шепчет Джек мне на ухо. Мои глаза медленно закрываются. Голова склоняется набок, когда его губы касаются мочки моего уха. Два маленьких слова, и я даже не знаю, что они означают, но они как заклинание, эликсир, который топит меня. — Я здесь не претендую ни на кого, кроме тебя.

Щека Джека касается моей, когда он отстраняется ровно настолько, чтобы встретиться со мной взглядом. Вспышка света на мгновение освещает его лицо, и его красота врезается в память.

А потом его губы прижимаются к моим.

Они теплые, живые. Электрические. Как будто только тончайшие нити удерживают его от того, чтобы забрать каждую частичку меня, пока он не поглотит саму душу. Мои губы приоткрываются, и его язык проникает в рот, не исследуя, а заявляя права, как он и обещал, мой пульс учащается в ответ на тепло его руки. И я хочу, чтобы это никогда не кончалось. Я хочу, чтобы время остановилось, чтобы вечно ощущала прекрасную пытку этого потока. Гнев и желание. Страх и облегчение. Своего рода голод, который никогда не будет утолен, который будет гореть в моем сердце, как неугасимый уголек.

Я хочу этого. Я хочу этого так сильно, что желание извивается у меня в животе, как огненная змея.

Но не могу этого допустить.

Потому что я не могу доверять Джеку. Я уверена. Он делает это только для того, чтобы разрушить мои стены и найти способ освободиться от тучи, которой я нависаю над его головой. И его ненасытное любопытство хочет проскользнуть мимо моей защиты. Скорее всего, так оно и есть. Он хочет найти мои слабости и сокрушить ими.

И что может быть лучше для уничтожения человека, чем наполнить его сердце, а затем расколоть пополам.

Я ослабляю хватку на рубашке Джека, пытаюсь сосредоточиться на воспоминаниях о

боли. На каждом жестоком слове. Когда он говорил мне, что я не заслуживаю того, что заработала. Когда он заставлял меня чувствовать себя недостойной или недооцененной. Мой разум сосредотачивается на образе Джека, стоящего в конце зала на торжестве, не более чем равнодушный зритель, в то время как яма гнева и обиды прожигала дыру в моих внутренностях. Я помню, как забыла его имя, когда поднимала награду Brentвуда. И стараюсь забыть, что когда-то статуэтка была сделана из стекла.

Я отпускаю рубашку Джека. Его рука убирается с моего горла, а губы отрываются от моих.

— Привет... Себастьян, да? — говорит Джек, отворачиваясь от меня с легкой усмешкой и протягивая правую руку. Себастьян стоит рядом с нами, сглаживая минутное замешательство под маской. — Я Адам. Мы виделись в «Вельвет Лаундж». Помнишь? Такая эпичная ночь, но, кажется, я забыл половину.

Так легко.

Мне кажется, что я все еще наслаждаюсь его поцелуем, пока наблюдаю, как Джек заманивает мою жертву горстью ниток и фальшивой улыбкой.

Вот как легко он уничтожит тебя и оставит умирать.

Себастьян пожимает протянутую Джеком руку, его улыбка становится более непринужденной, несмотря на продолжающуюся борьбу с воспоминаниями об их первой встрече.

— Да, Адам, конечно. Ты знаешь...

— Это моя... подруга... Бетани, — говорит Джек, прерывая попытку Себастьяна сложить воедино кусочки, которые никогда не подойдут друг к другу. В его представлении есть намек на то, что я — легкое достижение. Ту боль, которую я искала, не так уж трудно найти.

— Привет, — говорю я, прилагая больше усилий к своей фальшивой улыбке и протягивая руку. Я делаю шаг к Себастьяну, достаточно близко, чтобы Джек мог убрать руку с моей спины, но он этого не делает. — Я видела тебя в баре. Мы раньше не встречались?

Взгляд Себастьяна отрывается от моей груди и задерживается на губах.

— Я так не думаю. Я бы запомнил это лицо.

Я сияю, как будто его дополнение — это настоящее откровение. И продолжаю сиять от каждой идиотской шутки и глупого поступка Себастьяна, пока мы втираемся к нему в доверие. Это не займет много времени. Немного выпивки, несколько песен. К тому времени, когда Джек предлагает устроить вечеринку в моей квартире, где будет больше женщин, бесплатная кока-кола и полные бутылки алкоголя, Себастьян даже не задумывается. Он залпом выпивает свой напиток и направляется к двери.

Только когда мы заходим в лифт в кондоминиуме, я чувствую первую трещину в идеальной маске Джека.

Он берет меня за руку, как только я нажимаю кнопку двадцать пятого этажа, и, слегка потянув, подводит к себе, защищая от нетерпеливого взгляда Себастьяна. Я не улавливаю никакого напряжения в его словах, когда мы ведем светскую беседу о спиртном, но чувствую это в его пальцах, которые по-прежнему сжимают мои. Он не отпускает меня, когда открываются двери, пока я не высвобождаю руку, чтобы найти ключи в клатче.

Я вхожу внутрь первой, в квартире пусто и тихо, как в могиле. Приглушенный свет и вид на город из окон во всю стену освещают современное открытое пространство.

— Чувствуйте себя, как дома, — говорю я, направляясь на кухню, выкладывая свои

вещи на стойку, чтобы достать из шкафчика набор бокалов. — Выпьем по стаканчику, мальчики?

— Пожалуйста. Виски со льдом, — отвечает Джек, и его голос звучит глубже, чем я привыкла. Я ловлю его взгляд всего на мгновение, прежде чем он направляется к колонке на приставном столике, чтобы подключить свой телефон и запустить плей-лист.

— Отличное место, но где вечеринка? — спрашивает Себастьян, направляясь дальше в гостиную. Джек присоединяется к нему, выходя совершенно непринужденно, когда снимает пиджак и садится на серый секционный диван, положив руки на спинку.

— Аманда написала, они уже едут, — непринужденно улыбаюсь ему, принося напитки и ставя их на кофейный столик. Плечи Себастьяна, кажется, расслабляются от моей лжи и выпивки, которую я предлагаю, и он садится напротив Джека.

— Это не значит, что мы не можем начать развлекаться сами, — говорит Джек с тайной улыбкой Себастьяну, протягивая мне руку, приглашая присоединиться к нему на диване. — Что скажешь, милая?

Я проглатываю момент дискомфорта, но не из-за того, что устраиваю шоу, а из-за столкновения между моими настоящими чувствами и этим сфабрикованным моментом. Но скрываю все за милой улыбкой, когда вкладываю свою руку в руку Джека, и он сажает меня к себе на колени, усаживая верхом на свои бедра.

Ладни Джека скользят вверх по моей спине, пока он изучает каждый дюйм моего лица.

— Скажи, если не захочешь чего-то делать, — говорит он так, чтобы слышала только я. — Как светофор. Поняла?

Я смотрю на него в ответ мгновение, прежде чем кивнуть, немного удивленная. Когда я наклоняюсь, чтобы поцеловать его, энергия между нами вспыхивает другим видом горячего предвкушения. Я кладу руки на лицо Джека, и мой язык ласкает его рот, проводя по нему длинными движениями, а когда я отстраняюсь, то прикусываю нижнюю губу Джека. Джек стонет, мои зубы царапают чувствительную плоть. Он обхватывает руками мою задницу, притягивая меня ближе, пока я не чувствую его твердую длину между нами.

— Разве она не великолепна? — спрашивает Джек между поцелуями, пока я тру его член. Он прижимается к штанам, и я нажимаю сильнее, не только для вида, но и чтобы найти нужное трение для пульсирующей боли в клиторе.

— Держу пари, на вкус она такая же сладкая, как и на вид. Может, узнаешь, — отвечает Себастьян, и когда Джек отрывается от моей шеи, чтобы встретиться со мной взглядом, на меня смотрит хищный зверь.

Мы могли бы убить Себастьяна уже пять раз, но правда в том, что я хочу большего, чем просто предвкушение убийства. Я могу продолжать пытаться отгонять свои чувства, но я все равно хочу его. Я хочу, чтобы Джек прикасался ко мне, целовал меня. Поклонялся мне.

Пожирал меня.

Я с вызовом приподнимаю бровь.

В следующий миг Джек переворачивает меня на спину, его ладони оставляют прохладное клеймо на моих бедрах, скользят под подол платья. Он натягивает ткань повыше, и его рот оказывается на моей киске еще до того, как он стягивает трусики. Он, почти разочаровываясь, будто ожидал, что я буду без них, достает из кармана складной нож и срезает их одним плавным движением, к большому удовольствию Себастьяна. Потом Джек раздвигает мои губы, проводит языком по входу, и стонет прямо в мои глубины, как будто изголодался по вкусу.

— Так сладко, — шепчет Джек напротив клитора, прежде чем его облизать. Одна из его рук скользит вверх по моему телу, чтобы стянуть платье, подставить мою грудь прохладному воздуху. Вздох срывается с моих губ, когда ткань грубо срывается с соска, жжение сменяется пальцами Джека, когда он дразнит его, превращая в твердую горошину.

Я вся горю. Я в отчаянии. Я едва сдерживаю звуки, зарождающиеся в моем горле, приподнимаю бедра, когда Джек посасывает клитор, добываясь моего удовольствия своим языком. Чем больше я пытаюсь удержаться от стонов, тем больше у меня ничего не получается, и когда Джек вводит один палец в мою киску, а затем другой, глубоко скользя по моей точке G, я вообще прекращаю попытки.

— Твои звуки — мои, — шипит Джек, и, прежде чем я успеваю осознать, что происходит, он запикивает влажные трусики в мой открытый рот. Я смотрю вниз на свое тело, на яростный приказ в глазах Джека, и хнычу от эротического вкуса собственного возбуждения. Он проталкивает остатки ткани мимо моих губ и большим пальцем крепко сжимает мой подбородок. — Они только мои. А теперь кончи на мой язык и помалкивай.

Джек одаривает меня вспышкой злой ухмылки.

И опускается на клитор.

Он двигает пальцами и ласкает клитор до тех пор, пока мои мышцы не сокращаются, пульсируя вокруг него, втягивая его в себя. Крошечные бомбы искр взрываются перед взором. Удовольствие пробегает по спине и натягивает ее, как лук. Мое сердце заглушает каждый звук и мысль, и я даже не знаю, подчиняюсь ли я его приказу. Мои глаза все еще закрыты, когда Джек убирает ткань с моего рта и целует, разделяя мой вкус на языке.

Когда поцелуй замедляется, и Джек отстраняется, он остается нависать надо мной, положив одну руку рядом с моей головой, а другой расстегивая пряжку своего ремня.

— Мне сделали вазэктомию¹⁸, — говорит Джек, не сводя с меня глаз, как будто мы единственные люди, оставшиеся в мире. Я слышу, как расстегивается каждый зубчик его молнии, они похожи на тиканье времени. — Сдавал анализы, и я чист. Но ты должна знать, что презервативы для меня... не подходят. Тебя это устраивает?

— Да, — говорю я, и, хотя мне хочется спросить, что он имеет в виду, я не спрашиваю.

— Ты уверена? — спрашивает он. Я киваю, пока его брови не поднимаются, и я подтверждаю вслух. — Это может ощущаться... по-другому.

Я, наконец, опускаю взгляд между нами.

— Ох, мать божья.

Я смотрю на эрекцию Джека, на ствол, зажатый в его руке, и моему затуманенному оргазмом мозгу требуется мгновение, чтобы осмыслить увиденное. По всей длине нижней части его члена тянется

пирсинг с серьгами-штангами, а на головке маленькое колечко: принц Альберт, титаном поблескивает в тусклом свете. Себастьян вторит моим мыслям возгласами удивления и словами одобрения. Но для Джека он как будто не существует.

— Ты уверена?

Жар разливается по телу, киска умоляет быстрее моих мыслей.

— Да. Очень уверена. Очень, очень уверена.

Джек улыбается, и это так порочно, так сексуально, что я чуть не кончаю снова, прежде чем он успевает коснуться моего клитора титановым шариком на головке. Отчаянный возглас желания срывается с моих губ, и взгляд Джека предупреждающе сужается.

— Что я сказал, Лилль Мейер, — шепчет он.

— Не волнуйся, мой шипованный приятель, — пропевает Себастьян, его слова звучат невнятно, до меня доносится звук шуршащей ткани. Я слышу, как со звоном расстегивается пряжка его ремня. — У меня есть способ заставить ее замолчать.

Я моргаю, глядя на Джека, и на моем лице отражается тысяча мыслей, которые я, кажется, не могу облечь в звуки. Все они вращаются вокруг слова «страх».

В один момент Джек сидит рядом, нежно дразня, скользя своим пирсингом по моим чувствительным нервам.

В следующее мгновение он исчезает, и звук болезненного и панического крика перекрывает музыку.

— Согласен, она заслужила немного поразвлечься, — в голосе Джека слышится угроза в адрес нашего гостя. Я вскакиваю на ноги как раз в тот момент, когда Себастьян падает на колени. — Но, если извинишь меня за каламбур, я подведу *черту* под твоими мыслями, будто я позволю тебе прикоснуться к ней.

Джек удерживает мой взгляд, нанося удар по горлу Себастьяна раскладным ножом, разбрызгивая кровь по полу и одежде.

Себастьян с убывающей силой падает на грудь, его булькающие мольбы переходят в прерывистые выдохи.

Джек отбрасывает складной нож в тень и поворачивается, брюки едва держатся на его бедрах, а эрекция все еще тверда под трусами. Он стягивает с себя пропитанную кровью рубашку и направляется ко мне, смертоносный, всепоглощающий. Неизбежный. Когда Джек протягивает руку, словно магнит, я беру ее, следуя уверенными шагами, пока он ведет меня к растущей луже крови и тянет за собой на пол.

Джек обхватывает окровавленной рукой мое горло и опускает меня спиной в липкое тепло. Он стягивает с себя брюки с трусами и входит в меня одним движением под звук моего бесстыдного стона.

— Что я говорил тебе в клубе, Кайри? — говорит Джек сладким и манящим голосом, в его глазах вспыхивают серебристые искры ярости. Он выskalывает из моей киски дюйм за дюймом, каждый круглый титановый шарик вызывает покалывающий вихрь растущего отчаяния, разгорающийся у меня в животе. — *Что я тебе говорил?* — повторяет он, чуть крепче сжимая мою шею.

— Благополучие... в интересах... — это все, что я могу выдавить из себя между судорожными вдохами, стараясь не быстро кончить от обманчиво нежного скольжения его усеянного пирсингом члена.

— Нет. Попробуй еще раз.

— Заявляю...

— Хорошая девочка. Молодец. Я сказал, что не буду претендовать ни на кого, кроме тебя. Так что это именно то, — жестокий толчок заставляет меня взвыть от удовольствия, — что я собираюсь сделать. — И любой мужчина, который вообразит прикоснуться к тебе, будет разрезан на кусочки, — еще один мощный толчок, надвигающийся оргазм, который невозможно остановить. — А затем я трахну тебя в луже крови, пока его сердце отбивает последние удары.

Я стону, когда Джек хватает меня за бедро до синяков, перекидывая мою ногу на свою спину, чтобы погрузить свой член глубже, титановый шарик на его головке ласкает мою точку G с каждым движением.

— Это не препятствие... так у меня будет больше жертв, — выдавливаю я сквозь зубы

между нарастающими ударами.

— Я и не предполагал, что это будет препятствием.

Моя спина скрипит от остывающей крови. Джек отпускает мое горло, чтобы стянуть с меня парик и отбросить на пол. Он крепко сжимает мои волосы в кулаке и запрокидывает мою голову назад, подставляя шею своим укусам и поцелуям. И трахает меня. Он трахает меня так, словно это все, что он когда-либо хотел сделать. Как будто он берет что-то запретное.

Как будто он жаждет меня.

— Если этот план сработает... — говорю я задыхающимся голосом, проводя рукой по крови, собравшейся на полу. Джек откидывается назад, чтобы изучить меня, глубокие толчки не ослабевают, на его лице выражение яростной потребности. Я ухмыляюсь, нанося диагональный мазок на его сердце, а затем еще один, чтобы получился крестик. — Тогда я выиграю «Тандердом».

Джек усмехается, замедляя скольжение своего члена, хватая меня за волосы и другой рукой за спину. Он поднимает меня так, что я оказываюсь верхом на нем, а он опускается на колени в багровую лужу.

— На случай, если ты не заметила, я убил его.

— И, как обычно, это было бы невозможно без меня, — Джек открывает рот, чтобы возразить, но я прижимаю к его губам окровавленный палец. — О, и, кстати, если другая девушка вообразит прикоснуться к тебе, я отрежу ее гребаные руки и скормлю тебе. А потом возьму ее драгоценную подъязычную кость и раздавлю ее, и буду наслаждаться каждой гребаной секундой, заставляя тебя смотреть, как я спускаю ее в чертов унитаз. Понял, *лепесточек?*

Я невинно хлопаю ресницами и сжимаю плечо Джека одной рукой, насаживаясь на его толстую эрекцию, широко раздвигая бедра, чтобы с каждым толчком принимать его глубоко. Я хочу, чтобы он уничтожил меня на хрен. Чтобы разорвал меня на части, уничтожил к чертовой матери, потому что я буду продолжать возвращаться, как вечный огонь, сталкивающийся с его несокрушимой тьмой.

Джек крепче сжимает мои волосы, и его глаза темнеют, когда я кладу окровавленный палец на язык и обхватываю его губами. Он запрокидывает мою голову назад и прикусывает шею, достаточно сильно, чтобы оставить отметину. Его губы впиваются в соленый туман на моей коже, прокладывая дорожку вниз по горлу, по груди, пока он не обхватывает мой сосок, сильно посасывая его, обволакивая языком, отпускает, скрипнув зубами, отчего у меня перехватывает дыхание.

— Я запомню и помечу, — говорит он. — Но крики только одной девушки я хочу слышать, — Джек прикусывает мою грудь сбоку так сильно, чтобы с моих губ сорвался писк, и он хихикает. — *Лилль Мейер*, ты можешь лучше.

Джек швыряет нас обратно на окровавленный пол, но прикрывает мой затылок рукой, воздух со свистом вырывается из моих легких от удара, его ждущие губы забирают мое дыхание. Я теряюсь в ощущении его кожи и мышц под пальцами, когда они впиваются в его спину, в боли и удовольствии от укусов, которые он успокаивает поцелуями, в порочных толчках, наполняющих мою ноющую киску. Его характерный аромат ветивера наполняет мои чувства, когда я целую его шею и пробую на вкус его кожу. Когда мои стенки сжимаются вокруг его члена, Джек запускает руку в мои волосы, удерживая меня на месте, и пристально смотрит мне в лицо.

— Так чертовски красиво, — шепчет он и наблюдает за каждым моментом разрядки, которая прокатывается по моему телу. Я разваливаюсь на части, моя спина выгибается дугой, я пою гимн имени Джека, который звучит как экстаз, и как отчаяние. Клянусь, я чувствую каждое прикосновение металла к своей киске, каждую каплю жара, когда Джек с ревом изливается в меня. Каждый удар его сердца.

И мы долго лежали на окровавленных плитках, такие же безмолвные, как тело возле нас, три души, унесенные на двадцать пятый этаж.

Глава 13

Чирканье колесика

ДЖЕК

Трудность с сокрытием тела, когда пытаешься не скрывать тело, заключается в выборе места.

Будет слишком очевидно — дилетант. Слишком скрыто — искать будут годами.

А нам нужно, чтобы Себастьяна Модео нашли и связали с Молчаливым истребителем в течение нескольких дней, а не лет.

Я забрасываю лопату на заднее сиденье своего «Бимера», опершись рукой о багажник, и останавливаюсь на слове «нам» в своих мыслях. Представляю, как Кайри указала бы на это, приподняв одну из своих идеально выщипанных бровей в притворном изумлении. Затем она подразнила бы меня, будто всаживая нож.

Но она выглядела бы чертовски сексуально, если бы мучила меня.

Изредка улыбаясь, и я захопываю багажник, несмотря на самозакрывающийся механизм, просто чтобы заглушить бешеный стук своего сердца. Который не переставал разрывать мою грудную клетку с тех пор, как я заявил права на Кайри в луже крови Себастьяна.

Настоящее разочарование в этом сомнительном предприятии — это совершенно хорошие кости, которые я оставляю на съедение стервятникам. Череп Себастьяна стал бы ценным экспонатом возле моих трофеев; сувенир, напоминающий о том, как я смотрел в ее прекрасные голубые глаза, когда перерезал ему горло.

Этот момент был почти таким же оргазмическим, как ощущение того, как маленькая тугая киска Кайри пульсирует вокруг моего члена, пока она теряла рассудок от удовольствия.

Почти.

Но, черт возьми, с тех пор я не могу перестать думать ни о том, ни о другом.

Воздух раннего утра хрупок от чистого аромата холода. Я глубоко вдыхаю, когда обхожу машину со стороны водителя, свежий слой снега хрустит под ботинками. Белые снежинки освещаются бледным сиянием охотничьей луны¹⁹.

Под той же луной, под которой я родился.

Из глубин памяти я слышу звук колесика зажигалки. Помню, как онемение охватывало мое тело, пока я лежал в засаде под мягким снегом. Затем шелковистая струйка крови согревала мои руки, принося странное ощущение моей коже и остальным конечностям, пробуждая ненасытный голод, который с этого момента никогда не будет утолен.

Мое первое убийство.

Чувство оцепенения, к которому я уже привык. Поверхностный аффект обезболивает эмоции, психопатия притупляет эмпатию. Лежа под этим снежным одеялом, холод казался мне больше домом, чем любые четыре стены и люди, которые жили внутри. Но убийство...

В тот момент, когда я почувствовал, как острая сталь рассекает плоть и сухожилия, мои мертвые зоны ожили. Слыша прерывистые вдохи, глядя в расширенные зрачки, когда ужас наполнял последние секунды жизни жертвы... Это прорвалось сквозь каждый замороженный, оцепенелый слой, окружавший меня.

Впервые в жизни я испытал чистый, эйфорический экстаз.

В четырнадцать лет тефлоновая оболочка, покрывавшая меня, треснула ровно настолько, чтобы ускорить пульс. Адреналин ударил по моим надпочечникам. Этот порыв вызывал привыкание. Самое близкое описание к моим ощущениям.

И я знал, что никогда не остановлюсь.

В отличие от Кайри, я не был создан. Я был рожден, чтобы отнимать жизни. Чтобы убивать без угрызений совести. Жажда охоты закодирована в моей ДНК при зачатии. Всю свою жизнь я был волком-одиночкой, переходя от одного плана действий на случай непредвиденных обстоятельств к другому, мой единственный спутник — неумолимая жажда убийства.

Я сажусь за руль и завожу двигатель, оставляя нашу жертву и мысли о прошлом на обочине шоссе, погребенными под неглубоким слоем снега, который растает с рассветом.

Все замороженное оттаивает под лучами солнца.

Я ни разу не представлял себе, каково это — убить кого-то с партнером.

Теперь, внезапно, мне стало трудно представить свою жизнь без нее рядом.

Я признаю, что у Кайри есть разумный план. Если агенту Хейзу нужен убийца для преследования, то, дав ему ниточку из прошлого Истребителя, он развеет свою одержимость.

Большинство убийц не меняют своего поведения, в этом нет ничего шокирующего.

Я никогда не думал, что изменю своим безжалостным привычкам.

И все же я здесь, рискую всем — своей свободой, своей жизнью — чтобы обезопасить девушку, и думаю о том, как кровь бурлит у меня в жилах в ожидании нашего следующего убийства.

Час спустя я подъезжаю к Медицинскому учреждению Хоуп-Спрингс. Поскольку я не могу быть в двух местах одновременно, надо создать себе алиби, именно по этой причине я поехал через границу штата.

Медсестра Пэм приветствует меня у стойки регистрации, когда я записываюсь.

— У нее хороший день, Джек, — в ее улыбке искусно сочетаются надежда и жалость. — Хорошо, что ты пришел сегодня, хотя это немного неожиданно.

— Я скоро отправлюсь в длительную поездку, — говорю я в качестве объяснения отклонения от своего распорядка. Но не отклоняюсь от замысла. Даже малейшее отклонение от нормы привлекает внимание, и именно поэтому я стараюсь никогда не совершать этой ошибки.

С натренированной улыбкой я прикрепляю бирку посетителя к своему блейзеру, затем меня ведут в палату, которую я посещаю дважды в год. Сегодня не один из тех запланированных дней.

Я ставлю цветы в горшке — ее любимую сирень — на подоконник, прямо рядом с другими, собранными за эти годы. Психически здоровый человек почувствовал бы некоторую долю вины за то, что использовал своего любимого человека в качестве алиби.

— Они прелестны, — говорит медсестра Пэм. — Правда, Шарлин? — она одаривает меня лучезарной улыбкой. — Так мило, Джек.

Я торжественно киваю.

— Я буду в Канаде на ее день рождения. Решил, что должен принести их сейчас.

Когда я стою над женщиной в постели с тонкой, как бумага, кожей и беру ее за руку, я смотрю в стальные, пустые глаза, отражение моих собственных.

— Привет, мам.

Шарлин Соренсен ничего не говорит в ответ. Она не реагирует. Ее глаза рефлекторно моргают, рука вздрагивает в моей, но это не признак жизни. Ее взгляд не задерживается на мне; она не осознает, что я здесь, или что она здесь.

В течение двух лет мама в полностью вегетативном состоянии. Затем Шарлин немного пришла в себя и пришла в состояние минимального сознания, после чего ее прогресс застыл. Она не двигается с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать.

С самой первой секунды, как она посмотрела в мои холодные, бесчувственные глаза, она поняла, что я не в себе. Другой.

Ее муж тоже это знал. Хотя она приняла на себя основную тяжесть побоев за мою аномалию. Чем больше мое поведение беспокоило отца, тем сильнее он бил ее. Обвинял ее в том, что его сын «гребаный псих». Ночь, когда он нанес ей черепно-мозговую травму, из-за которой она на следующие два года оказалась в вегетативном состоянии, стала для него последней.

Он умер от рук своего сына-психа.

Зато в ту ночь побои прекратились.

Хотел бы я испытывать более глубокое раскаяние из-за того, что слишком поздно решил защитить ее. Правда в том, что для матери, у которой есть только один любимый ребенок, которая видит сквозь маску, которую я ношу для остального мира, не знать об убийце, которым вырос ее сын, почти милосердно.

Ей, по крайней мере, не придется страдать от этой боли.

Я наклоняюсь и целую ее в прохладную щеку. Отрегулировав термостат в ее комнате, я сажусь на стул напротив ее кровати, а она рассеянно смотрит в потолок.

Все врачи и медсестры утверждают, что разговаривать с человеком в таком состоянии полезно. Это не вернет их обратно, но их подсознание слышит наши слова, наш голос, устанавливает связь с нашими эмоциями, и это помогает им выстоять.

Я никогда долго не разговаривал со своей матерью в таком состоянии. Во-первых, в моем тоне нет никаких интонаций, которые могли бы передать какие-либо чувства. И, во-вторых, рассказывать стенам о хобби, которым я заполняю свои дни, — не разумно.

Однако сегодня я лезу в сумку, стоящую у моих ног, и достаю свой альбом для рисования. Листаю страницы, пока не перехожу к недавнему рисунку Кайри.

— Это девушка, с которой я... встречаюсь, — говорю я, понимая, что мне трудно определить глубину того, что Кайри значит для меня, и навесить ярлык на наши отношения.

Я перехожу к следующему изображению, тому, которое я набросал, следя за ней возле бара, пока она выслеживала свою жертву.

— Она блестящий биолог дикой природы, — говорю я. — Умная, хитрая, очаровательная, — я хихикаю. — Очень общительная. Очень... требовательная. На самом деле, моя полная противоположность. Она — свет в моей тьме, — я провожу подушечкой пальца по затененному изгибу ее щеки. — И, кажется, что сейчас я без нее ничего не смогу сделать.

Закрыв альбом для рисования, я смотрю на женщину, которая вырастила меня, которая делала все, что в ее силах, несмотря на монстра, которого ей подарили вместо сына. Я снова

беру ее за руку, чтобы попытаться согреть ее пальцы, но у меня мало тепла, которым я могу поделиться.

Все, что я смог ей дать, — это умершего мужа и страховку, гарантирующую наилучший уход. Я позаботился об этом, инсценировав последствия той ночи как вторжение в дом, будто воры украли что-то ценное.

Что касается меня, то я стал подопечным государства. В соответствии с завещанием меня поместили в школу-интернат, а какая-то бабушка со стороны мамы подписала для этого документы. В шестнадцать лет я досрочно окончил школу и считался самостоятельным. Большое наследство обеспечило мое образование в колледже.

С тех пор я был сам по себе.

— Я скоро уеду, — говорю я ей, ободряюще сжимая ее руку. — Слишком долго пробыл в этом районе. Слишком много всего произошло, так что, возможно, я не смогу навещать тебя какое-то время, но я позабочусь о тебе. Всегда, — вставая, я нежно целую ее в лоб. — Но сначала мне нужно принять одно последнее решение.

Я никогда в своей жизни ни в чем не сомневался. Я делаю выбор, основанный на выживании, а не на желании. К тому времени, как я переступаю порог своего дома, я решаюсь на одну вещь.

Первым делом в понедельник утром, уставившись на кремовый берберский ковролин, я звоню местному подрядчику. Когда парень на линии говорит, что замена ковра невозможна из-за напряженного графика и нехватки материалов, на линии воцаряется гробовое молчание.

После того, как я ударил Джека Соренсена-старшего бутылкой из-под виски по голове, впустую потратив его выпивку и обратив его ярость на себя, я подождал его в сугробе, а затем окрасил снег в красный цвет его кровью — той же самой кровью, которая течет по моим венам.

Если кто-то и виноват в генах, породивших монстра, так это человек, в честь которого меня называли.

Это тот, кто я есть.

— Я заплачу вдвое больше, — говорю я парню. — Хочу, чтобы привезли сегодня. Ключ под ковриком у входной двери, — я говорю ему адрес, затем: — Сегодня же, или позвоню вашим конкурентам из списка и предложу сумму в четыре раза больше.

Повисает продолжительная пауза.

— Какого цвета ковер вы хотите, сэр?

— Какого угодно, только не белого и не кремового.

Я завершаю звонок и запускаю приложение безопасности на своем телефоне, чтобы убедиться, что мои секреты остаются в секрете. Моя комната с трофеями надежно спрятана, но мне все равно не нравится мысль о незнакомцах, бродящих по моему дому, пока меня нет.

Для пущей уверенности я лезу в карман, чтобы дотронуться до прохладной стали «Зиппо», но снова возвращаюсь с пустыми руками. Качаю головой с жестким смешком.

— Моя злобная Лилль Мейер. Это необходимо исправить.

Я убивал ради своей матери. Я убивал ради выживания, по принуждению, чтобы утолить жажду и даже, временами, для развлечения.

Но решающая разница в том, что я бы не просто убил ради Кайри — я бы отдал свою жизнь. Черт, я бы даже позволил ей самой забрать ее.

Как только запасной ключ оказывается на месте под ковриком, я запираю дверь. Затем

отправляюсь на задание, чтобы забрать свой трофей.

Глава 14

Хрящ

ДЖЕК

— Джек, у тебя найдется минутка?

Доктор Кэннон стоит в дверях моего кабинета. Морщины вокруг его темных глаз придают ему озабоченное выражение. Я киваю и встаю, застегивая пиджак, когда он входит. Он закрывает за собой дверь, оставляя нас наедине.

— Что-нибудь не так? — спрашиваю я, подсказывая ему.

Он проводит рукой по нижней половине своего лица.

— Я не хотел тебя пугать. Особенно после всего, что произошло в последнее время. Все так... напряженно. Расследование, Мейсон, и... — он опускает голову. — Доктор Томпсон. Господи, — он бормочет проклятие себе под нос. — Я все еще не понимаю, что случилось с Брэдом.

Я должен выразить сочувствие. В конце концов, я несу ответственность за Брэда. И почти за все остальное. Что ж, Кайри виновата в смерти Мейсона. Когда два убийцы охотятся на одной территории, отстаивая свои права соперничеством, ситуация неизбежно должна была выйти из-под контроля.

Главная причина почему пора уходить.

— Но именно поэтому мне нужно поговорить с тобой, — говорит Хью, его голос становится серьезным.

У меня волосы встают дыбом. Мне уже не нравится, к чему все это ведет. Скрестив руки на груди, я говорю:

— Конечно.

— Я ищу замену доктору Рот, — Хью бросает взгляд через дверь в сторону кабинета Кайри.

Я в замешательстве морщу лоб.

— Не понимаю. Ты сказал, что у нее здесь все хорошо.

— Так и есть, — говорит он, затем выдыхает. — Она лучший биолог дикой природы, который когда-либо был в этом университете.

Я хихикаю.

— Тогда я, правда, в замешательстве. В чем проблема?

Озадаченное выражение искажает его обветренные черты.

— Джек, ты требовал отстранения доктора Рот с тех пор, как она начала работать. Я предлагаю тебе то, чего ты хочешь.

Я подозрительно смотрю на него.

— Что тебе от меня нужно, Хью?

Его пристальный взгляд удерживает мой с твердой решимостью.

— Мне нужно, чтобы ты стал председателем инициативы «Будущее Уэст-Пейна в ЕТИМ²⁰».

— Нет, — говорю я со строгой властью. — Я не желаю оспаривать целую инициативную программу для ваших доноров.

— Это и твои доноры, — его рот сжимается. — Послушай, Джек. Ты все равно уже одной ногой за дверью, — он проходит дальше в мой кабинет. — Университет страдает из-за

этого расследования. Пожертвования иссякают. Как студенты, так и профессора насторожены, напуганы. Уэст-Пейн нужно показать в хорошем свете, и общеузовская инициатива по привлечению новых талантов со всего мира поможет нам.

Я выпрямляю спину, вытягиваясь во весь рост.

— Это может занять месяцы.

— Месяцы, когда тебе не нужно беспокоиться об очередном инциденте с криофризером, — говорит он.

Я прочищаю горло.

— На самом деле это была вина Мадлен.

Он расправляет плечи.

— Это моя лучшая попытка найти компромисс, Джек. Ты оставишь меня с неразберихой в отделе, когда уйдешь. Итак... — он поворачивается и берется за дверную ручку, прежде чем посмотреть мне прямо в глаза. — Сделай это, и я не буду продлевать контракт с доктором Рот. Ты можешь сам выбрать, кто займет ее место.

Хью в отчаянии. Я был так сосредоточен на Кайри и Хейзе, что не заметил их влияния на университет. Год назад — черт возьми, неделю назад — ничто из этого не повлияло бы на меня. Это было бы просто еще одной причиной исчезнуть. Чем скорее, тем лучше.

От разговоров о моем предстоящем переводе у меня сводит челюсти, мысль закапывается глубоко внутрь. Я несправедливо относился к Кайри последние несколько лет, и сомневаюсь, что сейчас можно что-то сделать, чтобы исправить это, но я готов попытаться.

— Когда заканчивается контракт доктором Рот? — спрашиваю я, меняя позу.

— Через три месяца.

Три месяца. Мне потребовалось три года, чтобы увидеть ее — по-настоящему увидеть; тьму, скрытую в тенях, отбрасываемых ее светом, боль, которую она превратила в оружие, боль, за которую я частично несу ответственность, — и всего за три коротких месяца я могу потерять ее.

Этого не случится.

Я провожу рукой по галстуку.

— Значит, вам все равно понадобится доктор Рот для участия в инициативе ЕТИМ.

Он устало вздыхает.

— Да, это будет неприятный разговор. Мне не нравится просить об этом доктора Рот, зная, что вскоре после этого я уволю ее.

Я медленно киваю.

— Я поговорю с доктором Рот о ее участии в программе.

Его голова откидывается назад, шок очевиден по расширившимся глазам.

— Спасибо, Джек. Я буду признателен.

Как только Хью выходит из моего кабинета, я смотрю на Кайри. Она разговаривает по видеосвязи. Вероятно, с донором, судя по ее яркой, солнечной улыбке.

С хищной сосредоточенностью я наблюдаю, как она проводит ладонями по бедрам, разглаживая складки на своей узкой юбке-карандаш, затем скрещивает ноги. Как она откидывает голову назад со смехом.

И вдруг я выхожу из своего кабинета и пересекаю коридор.

Я вхожу без стука, чем зарабатываю обеспокоенный взгляд от нее, когда ее бледно-голубые глаза находят мои.

— Абсолютно, — говорит она человеку, не сводя с меня пристального взгляда. Она нажимает кнопку отключения звука на клавиатуре. — Что не так?

Я ничего не говорю, иду в угол и переключаю настройку пленки на стеклянных прозрачных стенах. Туманно-белая перегородка мгновенно скрывает ее кабинет, оставляя нас в уединенном коконе.

Из динамиков доносится женский голос, привлекающий ее внимание, и она смотрит на монитор и отключает звук на линии.

— О, извините, миссис Ванден. Почту принесли. На чем мы остановились?

Крадучись, я подхожу к столу Кайри и снимаю свой блейзер. Вешаю одежду на спинку кожаного кресла, пиная ножки, чтобы убрать его с дороги. Закатываю рукава рубашки.

Кайри изо всех сил старается уделить все свое внимание миссис Ванден, но ее взгляд скользит по мне, прежде чем вернуться к женщине на экране. Я не могу сдержать дьявольской улыбки, которая кривит мои губы, когда я опускаюсь на колени перед ее столом и заползаю под него.

— Джек... — шипит она.

— Делай свою работу, Кайри, — я обхватываю рукой ее лодыжку и ловко раздвигаю ее ноги.

— Верно, — говорит она, и в ее голосе чувствуется дрожь. — Мы так многого достигли, пока я была в Уэст-Пейне.

Нависая над ее коленями, я просовываю пальцы под обтягивающий подол ее юбки и приподнимаю ткань до ее красивых округлых бедер, мое горячее дыхание касается ее кожи, я вдыхаю аромат ее дорогого жасминового лосьона для тела.

Ее колени остаются сомкнутыми, пока она отвечает на один из ненужных вопросов миссис Ванден, и я прикусываю нежную кожу над коленом. Она с придыханием вздрагивает, и я в полной мере пользуюсь тем, что Кайри занята своими мыслями.

Еще раз слегка прикусив ее бедро сбоку, я просовываю руку ей между колен. Она борется со мной в течение бесполезной секунды, пока борьба не привлекает внимание женщины на экране.

— Доктор Рот, все в порядке?

— Конечно. Помехи какие-то...

Я с силой раздвигаю ее бедра.

— Вы немного пропадаете. Извините, — Кайри прочищает горло, скрывая мой одобрительный стон, когда я проталкиваюсь между ее мягкими бедрами. — Я говорю, наши бассовые поля — третья по величине исследовательская ферма в стране.

Голод сжигает мою угасающую сдержанность при виде ее идеальной киски, обтянутой тонким материалом стрингов. Я словно одержимый, зарываюсь лицом между внутренней поверхностью ее бедер и зажимаю ткань зубами, затем облизываю грубый шов, обводя контур ее сладкого клитора.

Я вознагражден ощущением ее промокших трусиков, теплом, пробуждающим ненасытное желание, когда ее бедра прижимаются к моим вискам, что заставляет меня жадно ласкать ее клитор через эти чертовы мокрые трусики, как изголодавшегося зверя.

Меня не волнуют первобытные стоны, вырывающиеся на свободу, поскольку я ставлю своей задачей услышать ее тихие гортанные всхлипы. Кайри ослабляет хватку на моей голове, вонзая каблук своей туфли-лодочки мне в бедро.

Я стону напротив ее мягких губ, боль восхитительно дразнит. В ответ я обхватываю

рукой ее попку. Другой рукой отодвигаю край ее трусиков и зубами разрываю ткань.

— Джек... — ее руки зарываются в мои волосы, пальцы скручиваются, а ногти царапают кожу головы.

— Джек? — спрашивает женщина. — О, доктор Соренсен. Я слышала ропот среди членов комитета о том, что он будет участвовать в инициативе ЕТИМ в Уэст-Пейне. Это будет таким замечательным удовольствием.

Звонкий смех срывается с приоткрытых губ Кайри.

— К сожалению, я могу заверить вас, что доктор Соренсен не будет возглавлять никаких инициатив.

— Что ж, это очень плохо. Его присутствие было бы очень важно для комитета.

Ее гладкая киска открыта для меня, я беру ее клитор в рот.

Кайри делает все возможное, чтобы скрыть стон.

— Ммм-хмм. Да, что ж, доктор Соренсен — одиночка. Блестящий специалист, безусловно. Но не силен в общении.

— Да ну, — отвечает женщина. — Он такой очаровательный, когда удастся его разговорить.

— Ммм, — произносит Кайри нараспев, ее грудь поднимается, она пытается выровнять дыхание.

Погружаясь в ее мокрую киску, я пробую ее на вкус, трахая ее влагалище своим языком. Мой член напрягается, упираясь в зубцы молнии, я никогда еще не хотел ее так сильно.

Она выпускает протяжный вздох, поглаживая пальцами мой затылок, пытаюсь унять дрожь, пробегающую по ее телу. Пытаясь замедлить мой жадный язык, она снова вонзает каблук мне в ногу.

Я отступаю ровно настолько, чтобы снять с нее каблуки и зашвырнуть их под стол. Затем обхватываю руками ее лодыжки и подтягиваю ее задницу ближе к себе на стуле.

Ее визг пугает миссис Ванден, и я прячу свой смех в киску Кайри, лакая сладкие соки с жадным, гедонистическим удовольствием.

— О боже... — она выгибает спину, поднимая руку, неловко потягиваясь, что заставляет меня улыбнуться, прижавшись к ней. — То есть... конечно, вы правы. Какая замечательная идея, миссис Ванден. Я обязательно передам ваше предложение доктору Кэннону, — она дергает меня за волосы. — Приношу извинения, но давайте обсудим это позже. Видимо, у меня проблемы со связью.

— О... Ладно. Пожалуйста, передайте привет доктору Кэннону...

Кайри завершает видеозвонок.

— Господи, Джек. Ты до сих пор пытаешься добиться моего увольнения?

Я резко останавливаюсь от ее обвинения, чувствуя легкий укол неуверенности. Это проходит так же быстро, и я беру ее за задницу обеими руками и подтягиваю к краю стула.

— Тащи сюда свою чертову попку и оседлай мое лицо, Лилль Мейер, — я обхватываю ее предплечьем за талию и стаскиваю со стула, опуская на пол вместе с собой.

Я приглушаю ее визг рукой, затем двигаю ее так, чтобы ее бедра оказались по обе стороны от моей головы.

— Потришь своей идеальной киской о мой язык.

Она упирается руками в край стола, чтобы не упасть, когда я прижимаю ее к своему рту.

— Что это значит? — спрашивает она, затаив дыхание.

Я улыбаюсь, прижимаясь к ней.

— Я думал, ты достаточно умна, чтобы понять, как тереться своей киской, доктор Рот...

— Джек... — она тянет меня за волосы.

Я издаю стон, мой взгляд приковывается к ее, когда она смотрит на меня сверху вниз.

— Маленькая жрица, — говорю я, затем толкаю ее бедра вперед, погружая свой язык глубоко внутрь нее.

Ее бедра покачиваются короткими сексуальными движениями, от которых моя кровь воспламеняется, и я покусываю клитор, прежде чем провести языком, а затем втянуть его в рот, наслаждаясь ее хриплыми стонами, которые она не может сдержать.

Ее бедра дрожат, когда я поднимаю руку и обхватываю ее грудь, находя заостренный бутон соска под шелковистой блузкой. Затем другой рукой хватаю ее бедро и сильнее прижимаю к своему рту, запуская пальцы в тугой карман ее юбки, когда она вздрагивает от безмолвного, надвигающегося оргазма.

Насаживаясь на меня сильнее, она достигает оргазма, выкрикивает мое имя, и я позволяю ей впиться зубами в мою руку, пока она бьется об меня. Я просовываю свой язык глубоко внутрь, жадно исследуя пульсирующую, набухшую плоть, пока она приближается к кульминации.

Когда она кончает, ее грудь поднимается и опускается в соблазнительных вдохах, ноги дрожат, я хватаю ее за талию и приподнимаюсь, прижимая ее к своим бедрам.

Она вскрикивает, затем устраивается на моем торсе.

— Спасибо за предупреждение.

С мрачной ухмылкой я протягиваю руку и забираю ее туфли. Надеваю их обратно ей на ступни.

— Можно мне надеть трусики? — спрашивает она, хватаясь за край стола, чтобы подтянуться и встать. Она опускает юбку до колен. — Или я должна весь день ходить без них, доктор Соренсен?

Я поднимаюсь на ноги, становлюсь над ней, обхватываю ее затылок и наклоняю ее лицо к своему.

— Да. Я хочу, чтобы ты весь день не забывала о своей обнаженной киске, думая о том, как я пробовал тебя на вкус, и о том, как позже вечером я затрахую тебя до бесчувствия.

Затем я целую ее, долго и чувственно, уже изголодавшись по вкусу ее рта, смешивающемся со вкусом ее киски, такому восхитительному.

Когда отстраняюсь, я выдерживаю ее взгляд и шепчу:

— Оставлю это себе, — поднимаю ее порванные трусики, прежде чем засунуть их обратно в карман.

— Какой ты настырный, — язвит она.

Я вытираю рукой рот, чтобы скрыть улыбку, затем надеваю пиджак, прежде чем направиться к двери.

— Сегодня вечером? — спрашивает она, и в ее бодром тоне слышится нотка нерешительности.

Я останавливаюсь у двери.

— Ты знаешь, где я живу.

Она насмешливо склоняет голову набок.

— Еще бы.

— Как это похоже на преследование с вашей стороны, доктор Рот, — я подмигиваю. — Будь у меня в пять.

На ее лице мелькает что-то неуверенное, прежде чем она маскирует это милой улыбкой, затем кивает. Я наблюдаю, как она проводит ладонями по юбке, чтобы разгладить ее еще больше, ее рука останавливается на пустом кармане.

Я открываю и затем закрываю крышку зажигалки. Щелк. Щелк. Щелк. Щелк.

— О, и еще, доктор Рот, ты будешь участвовать в инициативе ЕТИМ. В которой участвую и я. Ты мой главный профессор.

Она приподнимает бровь.

— Все это очень нехарактерно для великого доктора Джека Соренсена. Должна ли я беспокоиться?

Я закрываю свою зажигалку «Зиппо» и кладу в карман. Теперь, когда о теле Себастьяна позаботились, агент Хейз скоро будет далеко от нее, и мое окончательное решение о том, как эта безжалостная женщина вписывается в мою жизнь, — возможно, я действительно испытываю некоторое облегчение.

Облизывая губы, чтобы еще раз ощутить ее вкус, я говорю:

— Возможно, твоя раздражающая позитивность передается и мне. Давай кончай со всеми делами, и обязательно приходи сегодня вечером подготовленной к передаче Тандердома. Акцент на слове «кончай».

Затем я достаю свой телефон из кармана и открываю аудиозапись Кайри. Повернув телефон так, чтобы она могла видеть экран, я удаляю файл.

Ее пристальный взгляд ловит мой, в блестящих бледно-голубых глазах затаился вопрос. В этот самый момент, когда Кайри слишком ошеломлена, чтобы говорить, я решаю избавиться от бедренной кости Мейсона. Я знаю свою натуру, на что я способен — и я не хочу, чтобы в моем распоряжении было что-то, что может как-то повлиять на нее.

Я оставляю ее стоять в центре комнаты, довольную и покрасневшую, может быть, даже взволнованную, и выхожу из кабинета.

Когда я возвращаюсь к себе, Хью проходит мимо меня по коридору.

— Все уладил с доктором Рот? — спрашивает он.

Я коротко киваю в знак подтверждения.

— Я позаботился о ней.

— Отличная работа, Джек.

Ухмылка искривляет мои губы.

Все еще ощущая соблазнительный вкус Кайри на языке, я расстегиваю пиджак и сажусь за стол, чтобы включить экран ноутбука. Несколько дней назад я нанял частного детектива, чтобы он кое-что разузнал об агенте Хейзе. Неуверенный в том, что он найдет, я не мог избавиться от навязчивой мысли, что что-то не так. Особенно когда дело касается его интереса к Кайри.

Электронное письмо в верхней части почтового ящика подтверждает это подозрение и многое другое, снова нагнетая напряжение взамен такому недолгому облегчению. Существом, подобным нам, недолго светит Фортуна. Где бы мы ни прятались, темнота всегда находит нас.

Глава 15

Голубой

КАЙРИ

Я уже много раз стояла на этой улице раньше. Я наблюдала за ним из тени. Я медленно

ехала по широкой, обсаженной деревьями дороге. Я видела их в любое время года, в любом цвете, при дневном освещении и в темноте ночи.

Но я никогда не осмеливалась подойти к входной двери дома Джека Соренсена.

Я неподвижно стою на тротуаре, прохладный осенний ветерок обдувает мои щеки и откидывает волосы с плеч. Может быть, Джек уже видит меня. Он может наблюдать, как я пытаюсь убедить себя вызвать второй Убер и вернуться домой. Это то, что я должна сделать.

Но уже знаю, что не сделаю.

Магнетическая сила его присутствия притягивает меня к себе, как привязь в груди, приказывая мне переставлять одну ногу за другой, пока я не окажусь у двери.

Не думаю, что я когда-либо испытывала такой трепет по поводу простого куска дерева. Мне требуется добрых тридцать секунд, прежде чем я, наконец, вытаскиваю руку из глубин кармана и нажимаю кнопку дверного звонка. Если Джек наблюдал изнутри, у него хватило такта подождать минутку, прежде чем открыть дверь.

Я видела Джека Соренсена тысячу раз, в тысяче мест. Но здесь, стоя у входа в его дом, я словно вижу его впервые. Его темные волосы. Его пухлые губы. Неизменный черный наряд, подогнанный под его смертоносную фигуру. У меня перехватывает дыхание от интенсивности этих пронзительных глаз, которые оценивают каждую деталь моего лица долгим пристальным взглядом. Я не выдыхаю, пока он не бросает взгляд за мою спину, на дорогу.

— Я не видела Хейза, — говорю я, когда Джек тянется вперед, чтобы положить руку мне на плечо и пропустить мимо себя, стоя на пороге. Электрический гул сотрясает кровь в моих венах от его прикосновения, но я скрываю это под коварной улыбкой. — Это не значит, что он не придет подглядывать в окно.

Черная дверь закрывается за мной и запирается на замок.

— Если посмеет, черт возьми, я сдеру кожу с его лица и скормлю ему, — говорит Джек.

— А говорят, романтика умерла.

Джек смотрит на меня с ухмылкой, поворачивая второй замок.

— Даже не притворяйся, что от этого твои трусики не мокнут насквозь, Лилль Мейер.

— Извини, но я без трусиков, один профессор, помешанный на холодильных камерах и кунилингусе в офисе, украл мои, — третий и последний замок защелкивается под раскатистый смешок Джека, прежде чем он заходит мне за спину, чтобы взять мое пальто. — Три замка? Немного слишком, доктор Соренсен. Может быть, заведешь сторожевую собаку, чтобы отпугивать Хейза. Они с Корнетто не ладили, — говорю я, кивая в сторону двери. Дыхание его смеха согревает мою шею, когда Джек распутывает мой шарф, проводя пальцам по коже.

— Если бы завел, ты бы дала ему какую-нибудь нелепую кличку.

— Точно. Тебе бы подошла акита по кличке Вкусняшка.

Тихое ворчание Джека обрывается, когда мое пальто сползает с плеч, открывая рубашку, которую он одолжил мне в тот день, когда зашивал рану. Она свежестиранная, но, возможно, я побрызгала на воротничок немного духов «Angélique Noire», когда надевала. Рукава закатаны до локтя, верхние пуговицы расстегнуты, чтобы можно было разглядеть черный кружевной лифчик, и простые леггинсы.

— Что не так? — спрашиваю я с притворной невинностью, медленно поворачиваясь лицом к Джеку, его глаза темнеют, когда он скользит взглядом по моему телу. Он вешает мое пальто рядом с дверью и облизывает губы, переводя пристальный взгляд на меня. — Ты

сказал, что нельзя разорвать ее в клочья. Мне некого в ней хоронить, по крайней мере, пока что. И поскольку мои трусики у тебя, я думаю, это честный обмен.

Его ноздри слегка раздуваются, он глубоко вдыхает. Я подхожу на шаг ближе, и он сглатывает. Еще один, и он отодвигается за пределы досягаемости.

— Вы что, убегаете от меня, доктор Соренсен?

Противоречивый стон срывается с его губ.

— Нам нужно обсудить кое-что важное. Но если я прикоснусь к тебе сейчас, то не смогу заставить себя остановиться, — признается он, когда я пытаюсь приблизиться на дюйм, и он отступает еще на шаг. — У меня нет такой сдержанности.

— Хорошо, что в таком случае я не надела фиолетовую рубашку с бантиком на шее, — говорю я с усмешкой. — Ты мог бы сделать с помощью завязок множество ужасных вещей.

— Кайри...

— Мне интересно, доктор Соренсен, что бы ты конкретно сделал? Может, связал мне руки и трахнул в рот? Или что... похуже... не знаю даже.

Выбросив вперед руку, Джек хватается меня за горло, его ладонь плотно прижимается к моему подбородку. Он притягивает меня к себе и заглядывает мне в лицо.

— Обязательно всегда проверять мои пределы, доктор Рот?

Моя улыбка такая же яркая, как солнце в небе пустыни.

— Да, — шепчу я под усиливающимся давлением руки Джека. — Всегда.

Его серебряные глаза подобны полированной стали клинка. Желание. Ярость. Я бы вечно балансировала на острие этого ножа, если бы могла.

Джек, не ослабляя хватки, тянет нас ближе друг к другу, притягивая меня к себе, пока моя грудь не оказывается на одном уровне с его грудью. Его губы касаются моей щеки совсем рядом с переносицей.

— Пощади меня, хотя бы ненадолго. Это важно, — говорит он и оставляет легкий поцелуй на моей коже, мои глаза закрываются, его дыхание шевелит мои ресницы. — Пожалуйста, Кайри.

Я киваю, и пальцы Джека один за другим разжимаются на моей шее. Его другая рука берет мою и прижимается к швам, согревая мою рану, но не причиняя боли.

— Располагайся, — говорит Джек, вытягивая мою руку вперед и отпуская ее, чтобы я шла впереди него, он касается моей поясницы. — Чувствуй себя как дома.

Я, наверное, слышала такие слова сотню раз. Но это первый случай, когда я действительно почувствовала, что мое присутствие вдохнуло жизнь в дремлющее пространство.

Мы поднимаемся на три ступеньки от входа, минуем лестницу на второй этаж, пространство переходит в гостиную справа, окна на наклонных высоких потолках пропускают лучи заходящего солнца. К нему примыкает столовая в задней части дома, полированная черная поверхность длинного стола украшена простым букетом в керамической вазе. Я узнаю синие цветы того же вида, что Джек оставил в моем кабинете. Слева находится кухня с гладкими белыми шкафами и безупречно чистыми столешницами из кварца. Между кухней и столовой есть открытая дверь, которая, кажется, ведет в теплицу, но вход слишком узкий, чтобы разглядеть, что находится там. И по всему дому Джека витает аромат чего-то нового. Может быть, не краска, а пластик. Возможно, дело в мебели, большая часть которой выглядит неиспользуемой. С этими нетронутыми, безличными деталями в оттенках черного и серого, дом мог принадлежать кому угодно или вообще никому. Здесь

нет семейных фотографий. Никаких картин. Музыка, которая льется из динамиков, расположенных по всему дому, — единственное, что дает мне хоть какое-то представление о Джеке, хотя на самом деле это не похоже на его стиль. Я знаю, что это не может быть правдой, но похоже будто пространство находилось в ступоре, ожидая вдоха жизни. Ожидая меня.

— Ты пила Шираз в клубе, — говорит Джек, отвлекая меня от оценки дома, его пристальный взгляд тяжелым грузом ложится мне на плечи. Когда я поворачиваюсь к нему лицом, он жестом указывает на диван в гостиной, предлагая присесть. — Ты хочешь то же самое?

— Конечно, было бы чудесно, спасибо.

Джек коротко кивает, и я сажусь на диван серого цвета, поворачиваясь, чтобы посмотреть, как он уходит на кухню. Он открывает бутылку и наливает бокал красного вина в черный металлический бокал без ножки, затем доликает себе в бокал лед и скотч, прежде чем принести их оба вместе с пачкой бумаг, зажатой под мышкой. На кофейном столике передо мной разложена мясная нарезка с оливками от фирмы Кастельветрано, хумусом, сырами и чатни, нарезанными овощами, сухофруктами и мясной нарезкой. Когда Джек садится рядом со мной, я не могу удержаться от вопросительного взгляда широко раскрытых глаз, который бросаю между ним и угощением на столе.

— Ты не ужинала, — просто говорит он, передавая мне вино, а затем маленькую тарелку с соседнего стола. Его взгляд скользит по моим швам, затем по груди в непосредственной близости от шрамов, затем по мне в целом. Едва заметная морщинка пробегает по его лицу.

Мое сердце скребется о кости.

— Спасибо, — говорю я, желая одержать маленькую победу в своей постоянной битве со временем. Я сижу неподвижно, сжимая в руках тарелку, просто чтобы насладиться выражением лица Джека. Это вызывает беспокойство. Может, небольшую путаницу. Его вспыльчивая натура требует, чтобы жизнь подчинялась его планам, и мне нравится отказывать ему. Но есть что-то бесхитростное в его очевидной заботе о моих потребностях в питании, и я смягчаюсь, ставя тарелку на колени, протягиваю руку и беру с доски оливки и сыр. Честно говоря, я на самом деле не слежу за тем, что беру. Я наблюдаю за лицом Джека, за тем, как он отслеживает движение моей раненой руки, за тем, как он фиксирует то, что я решаю взять, чего избегаю. Я даже не знаю половины того, что беру, я просто беру, пока не наберется достаточно еды на тарелке, чтобы он казался довольным. Только тогда он наполняет свою тарелку и ждет, пока я не поем и не попью, прежде чем положить бумаги к себе на колени.

— Я сегодня кое-что раскопал, — начинает Джек, передавая мне лист бумаги. Зернистая фотография Хейза находится вверху страницы, хотя на снимке он выглядит немного моложе, чем сейчас. Много волос. Меньше морщин. Второй подбородок не виден. Более яркая искра в глазах, несмотря на плохое качество. Под фотографией приведены его данные. Его полное имя. Дата рождения. Образование.

Годы службы в ФБР.

И ниже — подтверждение его лицензии частного детектива.

Холодок пробегает по моим рукам. Я перевожу взгляд с газеты на Джека, его губы сжаты в мрачную линию.

— Что это, Джек? — спрашиваю я, хотя кусочки головоломки уже встают на свои

места.

— Что-то в нем мне не нравилось. Я не мог выбросить это из головы, — отвечает Джек, когда я начинаю читать следующую страницу. На верхнем левом поле страницы расположен логотип ФБР.

— Джек... ты что... взломал записи ФБР?

Одно его плечо слегка приподнимается. Он пытается скрыть самодовольную ухмылку, жуя оливку, но ему это не удается, когда искорка загорается в его глазах.

— Ты сделал это. Ты взломал гребаных ФБР. Как...

— Более важным вопросом, вероятно, является вот это, — говорит Джек, указывая на середину абзаца на листе, который, по-видимому, является кратким изложением внутреннего слушания персонала. Он выделил одно предложение.

Решением комитета Управления по профессиональной ответственности является увольнение Эрика Кристофера Хейза с должности активного агента Федерального бюро расследований.

Я бегло просматриваю детали, открыв рот, пока информация проникает в мои клетки, словно ледяная жила, кристаллизирующаяся в плоти.

— Его отпустили пять гребаных лет назад?

В ответ Джек протягивает мне следующий лист бумаги.

Джек кивает, протягивая мне остальное.

— Подробности слушания. Если короче, он получил выговор за негативное влияние, его одержимость делом Молчаливого истребителя затронула его работу. Похоже, расследование по этому делу все еще продолжалось, но было отложено, когда Истребитель впал в спячку. Но Хейз не подчинился. Пострадала и другая его работа по делу. Было несколько вспышек гнева, и когда его обследовали, оказалось, что он воинственный и сопротивляется авторитетам. В конце концов, они отпустили его. Похоже, он взял годовой отпуск, а затем снова появился, когда получил лицензию частного детектива. Он мошенник, Кайри. Он мошенник, и он сосредоточен на тебе, ведь ты ключ к делу, которое он не может раскрыть.

Кончики моих пальцев холодеют, когда я перелистываю страницы, с трудом разбирая слова в расшифровках. Мои мысли закручиваются по спирали в более темные места. Они погружаются в мщение. В кровь и ярость. Потому что я знаю то, чего не знает Джек. Хейз сосредоточен не только на мне. Ведь я истинный приз для человека, которого он считает виновным.

Доктор Джек Соренсен.

Я крепче сжимаю края страниц, пока костяшки пальцев не белеют, мое сердце скачет галопом, я изо всех сил пытаюсь подавить желание выбежать из дома Джека и самой выследить Хейза.

— Тебе следует остаться здесь, пока мы не придумаем, как от него избавиться, — говорит Джек, отвлекая меня от мыслей о справедливости и возмездии.

Я моргаю, как будто это простое движение может вернуть меня из альтернативной вселенной, в которую я, кажется, попала.

— Что?

— Я не хочу, чтобы ты была рядом с Хейзом.

— Я... ты... что за хрень?

— Он не в порядке, Кайри. Возможно, сошел с ума. Здесь ты в большей безопасности.

Я трачу время на то, чтобы изучить Джека. На его лице то же выражение беспокойства,

что было на днях в лаборатории, когда он давал мне подъязычную кость Истребителя, как будто что-то глубокое, чреватое опасностями и незнакомое выползло на поверхность, и он не знает, что с этим делать.

Я отвожу от него взгляд и смотрю на еду на кофейном столике. Бокал вина в моей руке, который вовсе не стеклянный, а металлический. Слушаю музыку. Эта песня есть на одном из моих альбомов.

Это все... для меня.

— Я... эм... — пытаюсь проглотить внезапный комок, который появляется у меня в горле и требует всей моей боли. Возникает мысль, что и для Джека безопаснее, если я останусь. Если Хейз верит, что Джек убийца, а я нет, возможно, мое присутствие здесь сможет защитить его. Этого может быть достаточно, чтобы побудить Хейза пересмотреть свою теорию, и, возможно, у нас будет достаточно времени пустить его по ложному следу.

Я снова бросаю взгляд на Джека, а потом в другую часть комнаты.

— У меня есть собака.

Джек смеется. На самом деле смеется. Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы заметить, как улыбка освещает его лицо, морщинки собираются в уголках глаз, как складываются вместе его темные ресницы.

— Я знаю, — говорит он. — Очевидно, я теряю пять баллов по произвольной системе начисления очков Тандердома каждый раз, когда забываю его кличку. Что, кстати, невозможно забыть, потому что она ужасна.

С моих губ срывается хриплый вздох, я переключаю внимание на бумаги, которые смялись в моих руках. Джек обхватывает мое запястье, но я изо всех сил пытаюсь поднять взгляд, мой пульс отбивает свой ритм в его хватке.

«Мое благополучие в твоих наилучших интересах», — говорит мой голос, на заднем плане журчит ручей. Когда я закрываю глаза, я вижу Джека там, в луче лунного света, готового убить меня. Может, он бы так и сделал, если бы я не выступила с этой угрозой.

Я никогда так сильно не сожалела о своих словах. Возможно, они и уберегли бы меня, но из-за них невозможно отличить фантазию от реальности.

— Я серьезно, Кайри, — говорит Джек, и я с трудом сплываю, пытаюсь собраться с мыслями. — Хейз опасен. Он лгал о том, что является федеральным агентом. Он уже несколько дней разгуливает по кампусу с гребаным поддельным значком. Как ты думаешь, насколько далеко он готов зайти, чтобы получить то, что хочет?

Я делаю большой глоток вина. Затем еще один. Мне понадобится что-нибудь покрепче Шираза, чтобы пережить этот вечер.

Джек делает резкий вдох, чтобы наверняка пуститься в следующий многоточечный спор о том, почему это хорошая идея, когда у него в кармане звонит телефон. Он достает его и хмуро смотрит на экран.

— Извини. Я должен ответить, — говорит он, слегка сжимая мое запястье, прежде чем отпустить и подняться. Бросив мимолетный взгляд, полный едва заметной озабоченности, он отвечает на звонок формальным приветствием и направляется в темный коридор между гостиной и столовой.

— Господи Иисусе, — шепчу я, прежде чем допить остатки Шираза. Швы стягивают рану, запутываясь в волосах. Дискомфорт почти не ощущается.

Я бросила взгляд на свой пустой стакан и поставила его на стол.

— К черту вино.

Голос Джека доносится из коридора тихо, и я не разбираю, что он говорит, только интонацию его случайных высказываний, тон, передающий его обычный прагматичный, даже пугающий, стиль. Я не задерживаюсь, вместо этого иду на кухню, подлить вина, со второй попытки мне удастся найти шкафчик со спиртным. Там есть недопитая бутылка шотландского виски «Боумэн 25-ти летний скотч». Дорогое, что неудивительно. Несколько бутылок красного, в том числе две одинаковых «Рокфорд Флакман Шираз», которое я пила в клубе. А за бутылкой водки спрятана черная неоткрытая бутылка текилы «Адиктиво Экстра Анеджо».

— О, слава Богу, — я поднимаюсь на цыпочки и снимаю бутылку с полки. — Вы такой хороший хозяин, доктор Соренсен. Спасибо за бухло.

Я направляюсь к ряду выдвижных ящиков под микроволновой печью, предполагая, что в первом из них может быть острый нож, чтобы разрезать пластик, которым запечатана крышка. Но не это лежит внутри.

С правой стороны ящика лежат ручки и блокнот с чистой бумагой.

С левой стороны — несколько сложенных писем, которые получил Джек.

Вверху — письмо от канадского правительства.

Мой взгляд устремляется в коридор, голос Джека все еще слабо доносится до меня сквозь гулкое биение сердца.

Я разворачиваю письмо, датированное семью днями ранее.

Дорогой Джек Виктор Соренсен,

Это относится к вашему заявлению на получение постоянного вида на жительство. По вашему запросу было принято решение. Нам потребуется ваш паспорт, чтобы завершить обработку заявления. Ваш паспорт должен быть получен Отделом гражданства и иммиграции Канады в течение 30 дней с даты получения этого письма. Невыполнение этого требования может привести к отклонению вашей заявки.

После этого я перестаю читать.

Внезапная трещина в моем сердце широко раскрывается, сжимая мне горло и застилая глаза.

У меня скручивает желудок. Я чувствую обжигающий жар, тонкая пленка пота покрывает кожу. Почему вдруг стало так чертовски жарко? У меня возникает непреодолимое желание сорвать с себя рубашку, просто чтобы беспрепятственно почувствовать воздух. Мое сердце рвется на свободу из своей костяной клетки, и на мгновение мне кажется, что я, возможно, погружаюсь в воспоминания, поэтому хватаюсь за столешницу, острый край кварца впивается в рану на моей ладони, пока боль не усиливается и не привязывает меня к настоящему.

— Возьми себя в руки, — шиплю я на себя, складываю письмо и закрываю ящик, пробуя следующий, где нахожу набор маленьких отверток. Трясущейся рукой я беру самую острую и прокалываю пластик, закрывающий колпачок, чуть не порезав другую ладонь в своем отчаянии. В тот момент, когда снимается крышка, бутылка оказывается у моих губ, и я делаю самый большой глоток текилы в своей жизни.

Ожог озаряет мою грудь. Я моргаю до тех пор, пока не убеждаюсь, что слезы высохли. Несколько глубоких, дрожащих вдохов становятся более ровными. Я заставляю себя повторять мантру: *ты обещала заставить Джека страдать.*

Точно. Я, правда, обещала это. Я хотела возмездия за все те многочисленные случаи, когда он был черствым и жестоким. И еще хуже...

Он сказал, что хочет уйти. На самом деле он сказал это буквально на днях. И скоро Уэст-Пейн будет твоим. Он проиграет и будет скрываться, а ты будешь победителем. Это расплата, на которую ты надеялась. Разве это не то, чего ты хотела?

Наверное...

Я продолжаю говорить себе все это, когда оставляю неиспользованный металлический стакан на столешнице, делаю еще один плоток из бутылки и ухожу прочь. Мое сердце жаждет выйти на улицу, подышать свежим воздухом. Ощутить что-то чистое, вдали от этого запаха новизны, как колючее напоминание о том, что я нахожусь во временном месте, в демонстрационном зале. На самом деле я не обращаю внимания на то, куда иду, когда направляюсь в столовую, но сворачиваю налево. Но мое сердце, должно быть, само знало, потому что оно привело меня в заколдованное, волшебное царство.

В оранжерею.

Вдоль стеклянных стен тянутся ряды белых деревянных полок, каждая из которых заставлена горшками разных форм и размеров. На некоторых полках стоят растения без цветков. Над другими расположены небольшие светильники для выращивания, которые стимулируют распускание бутонов. Изумрудные листья и яркие цветы ниспадают каскадом из корзин, свисающих с остроконечного потолка, облака за наклонными окнами окрашены в оранжево-розовый цвет последними лучами заходящего солнца. Выложенный красным кирпичом пол велочку ведет к небольшому столу и плетеным стульям в дальнем конце теплицы, где стоит незажженная дровяная печь.

И повсюду синева.

Я знаю не все цветы, но некоторые из них мне знакомы. Есть голубые георгины с коническими лепестками, концы которых приобретают оттенок индиго и фиолетового. Голубые розы, которых я никогда раньше не видела, я провожу пальцами по одной из них, наклоняясь, чтобы вдохнуть ее сладкий аромат. Воздух наполнен ароматом голубого жасмина и белых лилий с оттенками лазурного. И самыми распространенными из всех являются те синие цветы, которые Джек оставил в моем кабинете, сгруппированные в разные оттенки. Немного светлых. Какие-то темные. Какие-то яркие. Где-то бледные. У каждого цветка свой неповторимый цвет, их горшки пронумерованы аккуратно подписанными этикетками.

Я приближаюсь к одной группе цветов, когда мое внимание привлекает движение снаружи, в задней части сада. На мгновение я вздрагиваю. Меня больше всего беспокоит то, что это Хейз. Я наклоняюсь ближе к стеклу и вижу мужчину, но это не агент-мошенник. Он одет в белую куртку с надписью на спине, которую я не могу разобрать, и поднимает что-то с земли рядом с открытой калиткой в заборе под сенью еловых веток. Это свернутый ковер, кремово-белого цвета. Он загружает его в открытый кузов фургона. Ковровая компания «Морнингстар», гласит наклейка на дверях, когда он их закрывает.

— Кража алкоголя, доктор Рот?

Я вздрагиваю и чуть не роняю бутылку, зажатую в руке, шипя проклятия, когда моя вторая ладонь ложится на разбитое сердце.

— Ты сказал, почувствуй себя как дома, — выдавливаю я, мой голос едва ли громче неуверенного шепота.

Джек забирает бутылку у меня из рук и читает этикетку.

— Кажется, тебе не очень хочется остаться здесь, если твоя немедленная реакция — найти самый крепкий алкоголь в доме и пить прямо из бутылки, — говорит он. Ухмылка не

достигает его глаз, когда он встречается со мной взглядом. — Возможно, мне придется еще потрудиться, чтобы уговорить тебя.

— Точно... — повторяю я, теряя все слова, когда оглядываюсь на ворота. Они закрываются, и фургон отъезжает. Я наклоняюсь ближе к стеклу. Я, наверное, вообразила этот проблеск чего-то такого, чего Джек Соренсен, конечно, никогда бы не сделал... Но запах в остальной части дома настоящий. Это не запах новой мебели... а ковра...? Я почувствовала это всего минуту назад...

Я поворачиваюсь, чуть не наткнувшись на поднос с голубыми цветами Джека. Он придерживает меня за руку и заставляет отступить на шаг от стола.

— Осторожно, — говорит он. — Эти маки довольно редкие. Мне потребовалось несколько лет, чтобы довести их до совершенства.

Я еще раз бросаю взгляд в сторону ворот, прежде чем встретиться взглядом с Джеком. Тот кирпич, что был раньше, вернулся к моему горлу, решив сдавить мой голос в тисках боли. Глотание не помогает, только усугубляет ситуацию.

— Ты... поменял сегодня ковер? Он был кремовый²¹? — спрашиваю я, пытаюсь контролировать выражение своего лица и придать голосу беспечность.

Джек ставит бутылку текилы на полку и прижимает ладони к краю стола, наклоняясь вперед, чтобы посмотреть на ворота с тихим и задумчивым «хм».

— Если я скажу «да», приведет ли это к большому количеству краж алкоголя или к меньшему?

Он бросает мне короткую, слабую улыбку через плечо.

Даже те, кто хорошо его знает, посмотрели бы на Джека и никогда не заметили бы множества слабых следов эмоций под его утонченным выражением лица. Беспокойство. Желание. Боль. Возможно, даже страх. Никто другой не смог бы выследить их в его неосвященных глубинах.

Никто, кроме меня.

Джек переводит взгляд с меня на цветы, потом снова обратно. В уголках его глаз мелькает движение, когда он прищуривается, всего лишь маленький намек, а затем оно исчезает еще до того, как он снова поворачивается к окну. Но для меня этого следа достаточно, чтобы идти по нему.

Я стою в тени его мыслей, когда внутрь пробирается луч света.

И этого мне хватает, чтобы увидеть то, что внутри.

Глава 16

Elskede

КАЙРИ

Время словно останавливается.

Начинается с тремора в губах. Дрожи в плечах. Дыхание, застрявшее в легких, просится наружу со свистом, заманчивое облегчение от боли, которая клубится в белесых потеках под костями. Я пытаюсь скрыть это в прерывистом выдохе, но Джек сразу замечает, его плечи напрягаются. Ему требуется мгновение, чтобы повернуться ко мне лицом, как будто он должен собраться с духом, чтобы посмотреть, как я разваливаюсь прямо рядом с ним.

— Почему все цветы голубые, — шепчу я, слезы собираются на моих ресницах, одна падает, оставляя дорожку на щеке.

Джек мог бы солгать сотней вариантов.

Может, он обдумывает это, подходя на шаг ближе.

Он поднимает руку к моему лицу. Его глаза следят за тем, как его большой палец вытирает другую слезу, которая следует по пути, проложенному первой.

— Ты задаешь вопросы, на которые уже знаешь ответы, Лилль Мейер, — говорит Джек.

Проходит целая вечность, прежде чем он поднимает свой пристальный взгляд на короткое расстояние от моей щеки к глазам. Он наклоняется, не убирая руку с моего лица, его дыхание согревает мои слезы. Нежнейший поцелуй касается моих ресниц, я закрываю глаза.

Я могла бы спросить его зачем. Зачем ему тратить годы, пытаясь подобрать цветок по цвету к моим глазам, а остальное время подталкивать меня покинуть Уэст-Пэйн? Но если я спрошу, будет ли он вообще знать ответ? Что бы он ни чувствовал, оно скрыто в коконе, и когда его самые сильные эмоции прорываются сквозь гробницу из шелковой ткани, не думаю, что он их понимает.

Моя рука обхватывает его запястье. Швы давят на его пульс. Свидетельство его заботы прямо здесь, на моей коже, в биении его сердца напротив раны, которую он помог залечить.

— Это никогда не было связано с благодарностью, или доказательством, что ты заслуживаешь быть в Уэст-Пэйн, или даже с тем, что я оставил тебя умирать в твоём доме, не так ли, — говорит Джек, отстраняясь ровно настолько, чтобы понаблюдать за моей реакцией. Когда я продолжаю молчать, его брови приподнимаются в молчаливой просьбе об ответе, и он обхватывает мое лицо ладонями.

Я сглатываю и качаю головой. И все же он ждет, вглядываясь в меня, зарываясь под каждый слой, пока каждый из них не будет сорван. Когда я пытаюсь отвести взгляд, он слегка приподнимает мое лицо, безмолвно умоляя не отстраняться.

— Нет, — наконец шепчу я.

— Я заставлял тебя чувствовать себя одинокой. Ненужной.

Одинокой.

Ненужной.

Эти слова взрываются в воздухе, как маленькие бомбы.

У меня болит грудь. На ресницах появляется еще больше слез, но Джек смахивает их большими пальцами.

— Прекрати, — говорю я, хотя не отпускаю его и не пытаюсь вырваться из его хватки.

— Нет, — отвечает он. Просто нет. Это самое мягкое, что он когда-либо говорил мне, и все же это ранит так же глубоко, как и его самые жестокие слова. Это срез скальпеля. Взгляд под разрез, жажда вытащить то, что скрывается под плотью.

— Прекрати. Пожалуйста, Джек.

— Нет. Я потратил впустую так много времени. А теперь мне кажется, что этого недостаточно.

Я открываю рот, чтобы умолять. Потому что, если он соскревет этот слой, не останется ничего, что могло бы его удержать. Не останется тонкой завесы ярости, за которой можно спрятаться.

Но Джек заговаривает прежде, чем я успеваю подобрать слова.

— Я не могу обещать, что больше не причиню тебе боли. Мы оба знаем, что жизнь устроена не так, — говорит Джек, его глаза прикованы к моим, хотя я не отрываю взгляда от его губ. Я чувствую его серебристые глаза, сверлящий мой разум, как шурупы. — Но оглянись вокруг, Лилль Мейер. Ты очень нужный человек. Ты не одинока. Ты уникальна, —

Джек наклоняет голову, пока его глаза не оказываются на одном уровне с моими, и у меня нет другого выбора, кроме как встретить их обостренную решимость. — Ты — яркий и ослепляющий свет в темноте. Ты светишься. И мне жаль, что я заставил тебя почувствовать себя недостойной.

Джек удерживает мой взгляд, ожидая, пока слова проникнут в рану, которую он нанес, прежде чем прижаться своими губами к моим, запечатывая ее. Поцелуй длится не дольше прерывистого вдоха, а затем он заключает меня в объятия.

И это все, что нужно, чтобы открыться.

Просто объятие. Мысли превратились в действия, которые могут показаться незначительными, но они — ключи к запертым дверям. Он дает мне то, что нужно. И он это знает. Медь вместо разбитого стекла. Швы на ране. Последние останки моего врага, ценный трофей. Извинение, даже если он, возможно, не способен испытывать угрызения совести. Но он пытается.

Если это не любовь, то что?

Может, Джек никогда этого не почувствует. Может, почувствует, но сам не поймет.

Но я чувствую. Я знаю его формы и цвета, его камуфляж. Я стала тем, кто я есть, за одну ночь и последовавшие за ней дни боли. Я не была рождена и воспитана таким образом. Я любила и была любима, но потеряла все это.

Когда я смотрю через его плечо сквозь свои подсыхающие ресницы, окруженная оттенками синего и ароматом цветов, укрытая в его крепких объятиях, я понимаю, что влюбляюсь в Джека Соренсена.

Даже если он уйдет.

Даже если он никогда не сможет полюбить меня в ответ так же сильно.

Я не могу остановиться. И даже если бы могла, не хочу пытаться. Я изо всех сил старалась сокрушить его и победить, готова была дать волю своему гневу. И я потерпела неудачу. Возможно, я пожалею об этом, когда он исчезнет, куда бы он ни планировал отправиться, но прямо сейчас это все, чего я когда-либо хотела. Не чувствовать себя одинокой. Чувствовать, что меня принимают такой, какая я есть, кем я хочу быть. Той, кто приняла тьму, что пыталась завладеть ею, и сделала ее своей собственностью. Не та, кого любили бы только за наигранную маску.

Мало-помалу я расслабляюсь в объятиях Джека, кладу голову ему на шею и плечо. Небо над нами темнеет до темно-синего цвета, когда солнце опускается за далекий горизонт. Сердце Джека отбивает ровный ритм, мое дыхание замедляется и становится ровным. Он не кажется беспокойным или готовым расстаться. Он просто проводит рукой по моим волосам в медленном, мелодичном ритме, останавливаясь каждый раз, когда осенний ветер подхватывает маленькую прядь, а потом начиная сначала.

Только когда таймер выключает лампы для выращивания растений и единственный свет, достигающий нас, проникает через узкую дверь, Джек останавливает движение своей руки.

— Min elskede, bliv venligst²² — шепчет Джек, не разжимая объятий.

— Я не понимаю... что это?

— Датский.

— Я не знаю датского языка.

— Я в курсе, — говорит он, его руки слегка сжимаются. Может, он думает, что я не замечу, но я замечаю. — Останься.

— У меня собака.

— Я уже понял.

— Он линяет.

— Я умею пылесосить, доктор Рот.

— Он лает.

— Так делают сторожевые собаки, ну, мне говорили. Мы можем вернуться и забрать его прямо сейчас, и все, что тебе еще понадобится.

— Он у Джой.

Джек приподнимает плечо.

— Тогда мы заедем за ним завтра по пути, заберем еще что-нибудь из вещей из твоего дома.

— Мы?

— Именно так я и сказал.

— Ты не думаешь, что у Джой возникнут вопросы?

Джек снова в замешательстве пожимает плечами.

— Джек... даже если она никому не скажет ни слова, люди все равно заметят, особенно если я останусь на несколько дней. Мы даже не знаем, как долго Хейз может пробыть здесь. Люди будут болтать.

— Хорошо. Пусть. Чем больше внимания будет приковано к тебе, тем меньше вероятность того, что Хейз совершит опрометчивый шаг, — говорит Джек, разжимая объятия, чтобы взять меня за плечи.

— Но...

— *Останься.* Мне наплевать, что все подумают, Кайри. Нам нужно ограничить его доступ к тебе. Я сомневаюсь, что он стал бы что-то предпринимать в кампусе, но он мог бы сделать это у тебя дома. Он уже приходил. Он, блять, был внутри, — ярость в его словах хлещет, как удар хлыста, его пальцы сжимаются на моих плечах. Даже в тусклом свете глаза Джека, кажется, вспыхивают, прорубая путь сквозь ночь. — Я больше не подпущу его так близко.

Долгое мгновение никто из нас не двигается в тишине. Мои внутренности словно оголились.

«Я потратил впустую столько времени», — говорил Джек.

«А теперь мне кажется, что этого недостаточно».

Никогда не хватает времени на то, чем дорожишь, и всегда слишком много на то, чего не хочешь. Каким бы заманчивым это ни было, мне страшно находиться во владениях Джека ночь за ночью, не имея собственного логова для убежища. Но мне также ненавистна мысль о том, что время одержит надо мной еще одну победу.

— Ты не показал мне весь дом, — говорю я, наблюдая, как напряжение спадает с плеч Джека по мере того, как мои слова доходят до него. — А вдруг у тебя есть коллекция фарфоровых кукол? Я ненавижу это.

— К счастью, я убрал их на чердак до твоего прихода.

— Мда, я же сказала «весь дом», я имела в виду весь дом целиком, — я вызывающе приподнимаю бровь, делая сильный акцент на своих последних словах. Если я собираюсь остаться здесь, я хочу увидеть все. Я хочу снять слой с Джека, точно так же как он поступил со мной.

Мысли, тревоги и невысказанные страхи, кажется, утяжеляют воздух между нами

толстыми невидимыми нитями. Джек скользит взглядом с одного моего глаза на другой, возможно, пытаюсь разглядеть мои эмоции по нейтральному выражению лица. Через мгновение он коротко кивает и убирает руки с моих плеч, предлагая мне взять одну из них.

— Я проведу для тебя экскурсию. И тогда ты останешься.

Я вкладываю свою ладонь в руку Джека, и он ведет меня мимо столовой по коридору, где ответил на звонок. Справа находятся ванная комната и прачечная, слева — офис и домашний тренажерный зал со штангами, велотренажером и беговой дорожкой.

— Пользуйся, когда захочешь, — говорит Джек, когда я медленно описываю круг в центре комнаты.

— Я бегаю с Корнетто. У реки.

Джек приподнимает плечо, как будто это не новая информация.

Я вздыхаю. Кажется, ему нравится, что я слегка возникаю.

— Полагаю, ты присоединишься к нам.

Молчание Джека — единственное подтверждение, в котором я нуждаюсь, и он выключает свет прежде, чем я успеваю насладиться веселым блеском в его глазах.

Затем Джек ведет меня обратно по коридору на кухню, оставляет меня там, забрав бутылку текилы из оранжереи. Он наливает щедрую порцию в металлический бокал без ножки, который я оставила на столешнице, с острым, предостерегающим взглядом, что заставляет меня улыбнуться. Обновив виски в бокале, Джек идет через весь дом к лестнице.

На втором этаже находится большая ванная комната с темно-серой плиткой и очень широкой душевой кабиной, еще одна ваза с голубыми цветами на стойке между двойными раковинами, на этот раз с лилиями. Есть две гостевые спальни, в которые Джек почти не заглядывает и, вероятно, никогда не приглашал гостей. А затем главная спальня с туалетом, комната простая и со вкусом обставленная, обстановка лаконичная.

Я подхожу к одному из окон, выходящих на задний двор и остроконечную крышу оранжереи.

Когда я поворачиваюсь к нему лицом, Джек стоит у входа, кровать возвышается между нами, как крепость. Он изучает меня, прислоняясь к дверному косяку и делая глоток своего напитка. Другая его рука глубоко засунута в карман, он что-то переворачивает в методичном ритме. Зажигалка. Я скучаю по ее весу в моей ладони, по металлическому щелчку крышки.

— Какая комната моя? — спрашиваю я, кивая в сторону коридора.

— Эта.

— Тогда какая твоя?

— Эта.

— Я могу остановиться в одной из гостевых, — говорю я, заправляя выбившуюся прядь волос за ухо.

Глаза Джека темнеют.

— Нет. Ты этого не сделаешь.

— Я не хочу причинять неудобства.

— Ты реально хочешь лишиться меня повода поглазеть на твою задницу?

— Я уверена, ты найдешь другой повод.

Мы обмениваемся фальшивыми улыбками, за которыми скрывается возбуждение. Я стараюсь не смотреть на кровать, пряча эмоции за большим глотком текилы. Даже сейчас я не могу устоять перед желанием прикусить нижнюю губу в тишине, которая повисает между нами.

— Куклы на чердаке, — говорит Джек. — Хочешь посмотреть?

— Пас. Покажи мне что-нибудь еще. То, что ты никогда никому не показывал.

Легкомыслие исчезает из глаз Джека.

Кажется, он знает, что я не останусь, если он не отведет меня туда, куда я хочу. И если бы это была игра, победа была бы за мной. Джек, возможно, и разрушил мою защиту сегодня, но он тоже должен отказаться от чего-то. Он должен сделать выбор: рискнуть своими самыми темными тайнами...

...или рискнуть мной.

Я слежу за каждым движением Джека, каким бы незначительным оно ни было. Как он смотрит в свой стакан с виски, моргает чуть дольше обычного. Подергивание мускула на челюсти, когда он сжимает зубы вместе. Движение кадыка, когда сглатывает.

Джек делает еще один глоток и отпускает зажигалку, прежде чем протянуть руку.

— Пошли. Я покажу тебе то, что ты хочешь увидеть.

Когда я обхожу кровать и кладу свою ладонь в его, он не отходит от двери, вместо этого притягивая меня ближе. Его пристальный взгляд скользит по моему лицу, словно кристаллы льда, и моя улыбка расцветает дерзким цветком под снегом.

— Однажды, Лилль Мейер, я перестану недооценивать твою способность обратить что-либо в свою пользу.

Я вытягиваюсь на цыпочках, притягивая Джека ближе, чтобы прошептать ему на ухо с коварной улыбкой.

— Я очень надеюсь, что нет, доктор Соренсен. Это помешает моему веселью.

Наши взгляды встречаются, хотя мы стоим так близко, что черты лица Джека расплываются. Мои губы скользят по его щетине, я отстраняюсь. Не поцелуй, а соблазн. Обещание. Может быть, награда. Я чуть крепче сжимаю пальцами его руку, и, в последний раз задумчиво нахмурившись, Джек первым спускается по лестнице.

В конце концов, мы возвращаемся в его кабинет, где он останавливается у одного из трех книжных шкафов, стоящих вдоль стен. Джек наклоняется и просовывает палец под нижнюю полку, ожидая, пока раздастся тихий звуковой сигнал, подтверждающий его отпечаток. Книжный шкаф открывается и отодвигается от стены, показывая узкий винный погреб с ромбовидными полками, уставленными бутылками.

— Ты добавишь меня в свою систему с биометрическими данными? — спрашиваю я, когда Джек проходит в другой конец комнаты и находит еще один датчик, спрятанный под рамкой ниши в дальней стене. Еще один негромкий цифровой сигнал, еще одна полка распаивается, открывая потайную дверцу. — У меня должен быть доступ, по крайней мере, к запасам вина.

— Зная тебя, ты найдешь дорогу внутрь без моего разрешения, — отвечает Джек, отпирая железную дверь.

— Я заметила, что это не ответ на мой вопрос, доктор Соренсен.

Он лишь коротко улыбается, прежде чем щелкнуть выключателем и жестом пригласить меня войти внутрь.

Комната трофеев Джека — первая в доме, где я получаю истинное представление о нем. Даже оранжерея больше похожа на окно, которое позволяет мне только заглянуть в его мысли обо мне. Но комната трофеев — это все равно, что распахнуть дверь в его душу.

Комната длинная и узкая, вдоль одной стены стоит старый диван, его потертая обивка покрыта покрывалами и разномастными подушками, которые каким-то образом все еще

гармоничны. Помимо цветов, я впервые заметила в доме какой-либо цвет и узор, хотя тона по-прежнему темные и глубокие. Напротив дивана и прикроватных тумбочек находится стол и книжная полка, на которой размещены тексты с аннотациями и ряд переплетов. В конце комнаты небольшой стеллаж для хранения, а рядом с ним запертая стальная дверь, от ее неумолимой поверхности исходит холод.

И повсюду на стенах картины Джека.

Карандашом. Угольным. Наброски плоти, отделенной от костей, — стиль клинический, но вызывающий воспоминания. На некоторых из них бедренные кости, каждая из которых представляет собой уникальное исследование определенных особенностей. Блеск гладкой поверхности надколенника. Крошечные бороздки на межвертельной линии возле шейки кости. На других — ключицы, нижние челюсти, малоберцовые кости. Но наиболее распространенные подъязычные кости. Красивая и нежная, изображенная под разными углами. Неглубокие вогнутости. Меньшие рога, которые соединяют плавающую кость с шиловидно-подъязычной мышцей. А рядом с набросками — сами кости, хранящиеся в запертых стеклянных витринах.

Я трачу время на то, чтобы рассмотреть многие из них, сравнивая сходства и различия между набросками и костями. Иногда рисунки являются точными изображениями. На других набросках кажется, что Джек рисовал по другой модели.

— Ты рисуешь их перед тем, как убить, да? Вот почему они не всегда похожи, — говорю я, наклоняясь ближе, чтобы рассмотреть одну кость и ее нарисованную пару, которые заметно не совпадают.

— Да, — говорит Джек, останавливаясь рядом со мной. Он наклоняет свой напиток к футляру, лед внутри звенит о металл. — Я удивился, что получилось непохоже.

— Уверена, удивился не больше, чем мужчина, у которого ты ее взяла, — говорю я с усмешкой, прежде чем отвернуться.

Я направляюсь к стальной двери, на каждом шагу уделяя время тому, чтобы оценить работы Джека и его трофеи. Я замечаю один набросок, приклеенный скотчем к стене, который не похож на другие, и сразу узнаю обстановку. Это моя квартира, где мы убили Себастьяна. На снимке я сплю на диване, что действительно произошло после того, как мы потратили время на уборку, а Джек отправился забирать свою машину с парковки рядом с клубом, чтобы перевезти тело через границу штата. Однако на снимке Джека на мне нет никакой одежды, хотя я знаю, что переделалась в спортивные штаны и майку, чтобы поспать, пока ждала, когда он вернется. Я помню, как проснулась и обнаружила, что Джек уже вернулся в мою гостиную, он наблюдал за мной темным, нечитаемым взглядом, который, как мне показалось, был больше связан с холодным телом на полу между нами, чем со мной.

Может, я была неправа.

Я хочу высказать свои вопросы о том, почему на рисунке не так, как в реальности, но Джек уводит меня от эскиза к моей истинной цели, к моему желанному месту назначения.

Холодная стальная дверь.

Мой пульс учащается в предвкушении. Я не хочу просто видеть тщательно сохраненные последствия его усилий. Я хочу увидеть, как Джек стоит в комнате, где ангел смерти рвется сквозь его тонкие оковы.

Я стою рядом с запертой ручкой и поворачиваюсь лицом к Джеку, приподняв брови, он долго смотрит на меня, прежде чем подойти и достать ключ из кармана. Он едва смотрит на защелку, когда отпирает ее, вместо этого не сводя глаз с меня. С глубоким вздохом

нерешительности он открывает дверь и придерживает ее, чтобы я могла шагнуть в поток холодного воздуха.

Пять бетонных ступенек спускаются в квадратную комнату, стены которой от пола до потолка облицованы белыми панелями из ПВХ. Это очень похоже на медицинский кабинет, с полками из нержавеющей стали, прилавками и столами на колесиках. В одном углу комнаты стоит капельница. На одной полке стоит ряд пузырьков с лекарствами, рядом с ними — поднос со шприцами. На одном из передвижных столов разложены скальпели, реберные ножницы и зубчатые щипцы. В воздухе витает слабый запах отбеливателя. Мое внимание привлекает голубая ваза с маками, стоящая на столешнице рядом с глубокой раковиной из нержавеющей стали.

А в центре комнаты — каталка с тонкой черной обивкой и оковами, свисающими с откидных боковых поручней.

Я осушаю текилу одним глотком, прежде чем повернуться лицом к Джеку. Он неподвижно стоит на нижней ступеньке, одной рукой сжимая бокал слишком крепко для своей беспечной позы, другой поворачивая зажигалку в кармане.

— Итак, — говорю я, мое дыхание выходит паром, когда я ставлю свой стакан на стойку и неторопливо подхожу ближе, проводя пальцем по матрасу каталки, медленно приближаясь к нему. — Вот где происходит волшебство.

В глазах Джека появляется подозрение, когда я останавливаюсь достаточно близко, чтобы почувствовать тепло его тела сквозь одежду. Но холодный воздух все равно проникает внутрь, и в тот момент, когда по моему телу пробегает легкая дрожь, его взгляд скользит по мне — губы, горло, грудь, снова возвращается к губам. Остается у меня на губах, как будто слился с ними, даже когда я беру напиток у него из рук.

— Почему у меня такое чувство, что я должен опасаться за свою жизнь? — спрашивает он.

Я продолжаю держать стакан Джека, а другую ладонь кладу ему на грудь, улавливая биение его сердца, прослеживая за линией мышц, которая сужается к ключице. От моего внимания не ускользает, что его пульс быстрее обычного ровного ритма, биение учащается, когда мое прикосновение поднимается вверх по его яремной вене и останавливается на задней части шеи.

— Ты сказал пощадить тебя, совсем ненадолго, — отвечаю я, притягивая его вниз, пока его губы не встречаются с моими. — Время вышло.

Я прижимаюсь поцелуем к губам Джека, который становится глубже с каждым вздохом. Мой язык требует попробовать скотч, который задержался на его языке. Легкое касание губ Джека разрушает слой его сдержанности, и он толкает меня обратно к центру комнаты. Одна его рука сжимает мое бедро с такой силой, что остаются синяки, в то время как другая ныряет под подол моей рубашки, чтобы проследить линии ребер, его большой палец медленно обводит нижнюю часть моей груди через кружево. Он возвращается к набухшему соску, стонет, прерывая поцелуй, чтобы впитаться зубами в холодную плоть моей шеи.

— Ты заронил мне в голову идею, доктор Соренсен. И как только она появилось, я не смогла от нее избавиться, — говорю я хриплым от желания голосом, пока губы и зубы Джека прокладывают дорожку вверх по моей яремной вене.

— И что это, Лилль Мейер? — шепчет он между настойчивыми поцелуями.

Моя ладонь следует по всей длине его твердой эрекции, и я улыбаюсь его ответному стону. Более сильный укус впивается в мою кожу, когда я крепко обхватываю его член через

брюки.

Звук скрежещущего металла наполняет холодный воздух обещанием, когда я отпускаю защелку на пряжке ремня Джека.

— Холодильная камера в кампусе. Ты помнишь, что сказал перед совещанием?²³

— Неужели ты думаешь, что я бы забыл?

Я качаю головой, и Джек сжимает мою челюсть, удерживая меня на месте, пожирая меня отчаянным поцелуем. Мое желание совпадает с его, моя потребность в нем свирепа, скручивает естество требовательной болью. Но я заставляю себя подавить это. Я отстраняюсь, прижимая руку к бьющемуся сердцу Джека, и когда он смотрит на меня, нахмутив брови, как будто спрашивая, не сделал ли он что-то не так, я лукаво улыбаюсь ему в ответ.

— Знаешь, — говорю я, держа руку на груди Джека, его дыхание ощущается под моей ладонью, — Мне потребовалось слишком много времени, чтобы собрать все это воедино и кое-что придумать, — я поднимаю палец над металлическим стаканом, прося о минутной передышке, и допиваю остатки его скотча. В глазах Джека читается тревога, и я мучаю его немного дольше, чем необходимо, прежде чем объяснить, что я имею в виду. — Холод. Поцелуй, когда я дразнила тебя насчет того, что тебе жарко. Пирсинг.

В глазах Джека смертельная жажда.

Я не отвожу взгляда, когда подношу холодный металл к губам и запрокидываю голову назад, пока осколок льда не скользит по моему языку. Когда я опускаю стакан, то демонстративно протягиваю кусочек льда сквозь поджатые губы, держа его, как приз. Затем я ставлю стакан на столик в пределах досягаемости и хватаюсь за пояс брюк Джека, притягивая его ближе.

— Ты будешь милым со мной, Джек? — спрашиваю я, мои широко раскрытые глаза являют собой воплощение добродетели, когда я прижимаюсь к его груди, с мучительной медлительностью опуская руку вниз, чтобы освободить его эрекцию. Джек хватается меня за локоть и поддерживает, пока я опускаюсь коленями на твердый бетон.

— Блять, ни за что, лепесточек.

Невинность на моем лице рассеивается, как маска из тумана, сгорает, обнажая порочное существо, скрывающееся под ней.

— Спасибо за это, черт возьми, — говорю я, сжимая его эрекцию. Я провожу кусочком льда по одному из шипов, расположенных ближе всего к основанию его члена, облизывая пирсинг «Альберт», наслаждаясь капелькой соленого предъязыкулята на головке. Дыхание Джека становится прерывистым, когда лед медленно движется по титану кругами, от одного шипа к другому, охлаждая их, гранича между удовольствием и болью. Он стягивает с себя рубашку, выражение его лица почти страдальческое, как будто он горит и отчаянно нуждается в объятиях холодного воздуха. Но если он страдает, я здесь не для того, чтобы предлагать милосердие. Я ласкаю головку его члена нежными, дразнящими облизываниями, прослеживаю линию его пирсинга, прежде чем взять его зубами нежным рывком, от которого Джек шипит.

— Господи... блять... — Джек откидывает голову, его руки запутываются в моих волосах, глаза закрываются, когда он погружается в удовольствие от противоречивых ощущений, холодный лед борется с моими теплыми губами. Я провожу кончиком языка по пирсингу в виде колечка, и он стонет, крепче сжимая мои пряди.

Мои движения замедляются, пока он не встречается со мной взглядом, и я отстраняюсь,

чтобы положить тающий лед на язык, держа его эрекцию у основания и облизывая каждую ступеньку из пирсинга в виде штанг. Когда Джек вздрагивает, а его глаза становятся чуть больше тонкой полоски серебра вокруг расширенных зрачков, я хрущу кусочком льда и беру другой из стакана на столе.

— Однажды я пообещала себе, что заставлю тебя страдать, — шепчу я, проводя льдом вверх по одной стороне титановых шипов и вниз по другой. — Это было не то, что я сначала имела в виду, но должна признать, доктор Соренсен, мне это нравится гораздо больше.

Я не тороплюсь со штангами, катаю лед по кольцу, посасываю другие шипы, провожу ногтями по его яйцам, прижимаюсь к ним губами, втягиваю их в рот. Иногда он шипит мое имя, как проклятие. Что-то на датском слетает с его губ при прерывистом дыхании. *Din skide gudinde. Du dræber mig*²⁴...

Хорошенько и по-настоящему помучав, я беру головку его члена в рот и сосу, закрыв глаза и постанывая.

Его сдержанность разлетается вдребезги от жара моего рта.

— Открой глаза, — приказывает Джек, сжимая в кулаке мои волосы и придвигаясь ближе, проталкивая свой член глубже.

Я делаю, как он говорит. Но я не тороплюсь встретиться с ожидающим меня взглядом, скользя по каждому дюйму напряженных мышц, возвышающихся надо мной. Когда наши взгляды встречаются, магниты словно встают на место. Я не могу отвести взгляд.

— Я задушу это прелестное горло своим членом, и ты будешь смотреть. Ты возьмешь все, что я тебе дам. Ты проглотишь каждую штангу и каждую каплю спермы. И не сведешь с меня своих прекрасных голубых глаз. Поняла?

Мой единственный ответ — мрачная улыбка, которая освещает глаза, и поворот языка по пирсингу.

— Хорошая девочка.

И с этим приглашением Джек Соренсен трахает меня в рот.

Он хватается за волосы, запрокидывает мою голову назад, открывает мое горло для вторжения своей длины. Пирсинг проходит по задней поверхности моего языка и стенкам горла, я давлюсь, слезы текут по лицу. Но я не отрываю глаз от Джека. Несмотря на зверскую боль в челюсти и непривычное ощущение титана, скользящего во рту, я все равно хочу большего. Я не могу насытиться им. Ощущаю боль во всей голове. Пульсацию в клиторе. Жгучую потребность в трении. Я хочу всего этого.

Каждый толчок проникает глубже, давая мне ровно столько времени, чтобы привыкнуть к его длине и толщине, прежде чем его член снова заполняет мое горло. Я сглатываю и принимаю все это, каждую штангу, пока мое лицо не оказывается почти на одном уровне с его пахом, а запах секса и ветивера не наполняет ноздри. Я провожу руками по его прессу, и он вздрагивает от моего прикосновения, скользящего сквозь пот, собравшийся на его коже с мурашками от холодного воздуха. А затем я обхватываю его за талию и беру еще немного глубже, покачивая головой в такт толчкам, удовлетворенно мыча вокруг его члена.

— Кайри... — шипит он сквозь стиснутые зубы. Одна из его рук крепко обхватывает мое горло, и он толкается долго, глубоко и жестко. Я чувствую, как напрягаются его мышцы под моими кончиками пальцев, как его твердая длина пульсирует над моим языком. А потом он выкрикивает мое имя, звук прорезает холодный воздух, его сперма — горячее вторжение, которое я проглатываю со сдавленным стоном.

Я высасываю каждый дюйм его члена, медленно выпуская его изо рта с громким

хлопком. Джек дрожит, воздух загуманивается от его выдохов. Он поворачивается, хватаясь за край каталки, как будто у него подкашиваются ноги, а я поднимаюсь, вытирая рот и щеки рукавом одолженной у него рубашки.

— Это еще не все, да, Джек? — спрашиваю я, отворачиваясь к полкам.

Он не отвечает, но я чувствую, как его вопрос повисает в воздухе.

Я смотрю на аккуратный ряд пузырьков с лекарствами.

Сукцинилхолин. Адреналин. Лавнокс.

Мидазолам.

С лукавой улыбкой я достаю флакон с полки.

— Холод. Ты им не можешь насытиться, — говорю я, беря шприц с подноса рядом с ампулами. Мои зубы сжимают розовый колпачок на игле, и я выплевываю его на столешницу, чисто для театральности. Погружаю заостренный кончик во флакон с мидазоламом и переворачиваю его вверх дном, извлекая 2,5 мг прозрачной жидкости.

Когда я ставлю флакон обратно на поднос и поворачиваюсь лицом к Джеку, его взгляд прожигает меня насквозь. Возможно, он только что кончил мне в глотку, но вид иглы и всего, что это значит, заставляет его выпрямиться, поскольку адреналин, несомненно, заполняет каверны в его сердце. Пройдет совсем немного времени, прежде чем он будет готов к следующему раунду.

— Ты хочешь спящую красавицу, — говорю я, останавливаясь на краю каталки напротив Джека, пока он натягивает штаны и трусы. Движения его рук замедляются, когда он переводит взгляд со шприца на меня. — Сомнофилия.

— Кайри...

— Это твой шанс овладеть мной, пока я спокойна, — говорю я, нахально подмигивая и греховно улыбаясь. Я держу иглу между пальцами, другой рукой подцепляю пояс своих леггинсов и стягиваю их. Джек проводит рукой по волосам, когда замечает мои голые ноги под его рубашкой, моя кожа покрывается мурашками на холодном воздухе. — Разве ты не хочешь, чтобы я хоть раз была молчаливой и уступчивой? Ты можешь делать со мной все, что захочешь. Попробуй меня на вкус. Трахни меня. Манипулируй мной. Доминируй. Обрызгай меня своей спермой, пока мои глаза закрыты, а конечности безвольны. Может быть, я проснусь и увижу, что твой член проникает по самые яйца в мою набухшую киску, и буду умолять тебя продолжать. Я разрешаю тебе взять все. Разве ты не хочешь этого, Джек? Разве ты не хочешь меня?

— Кайри, Господи Иисусе...

— Перестань бороться с собой. Ты сказал, что тебе надоело стоять на пути к тому, чего ты хотел. Я предлагаю, — говорю я, хватаясь свободной рукой за бортик каталки и забираясь на матрас, поверхность ПВХ холодит мою обнаженную кожу, когда я сажусь лицом к нему. Я подношу иглу в непосредственной близости от своей яремной вены. — Я тоже этого хочу, Джек. Я доверяю тебе.

Конфликт в глазах Джека — это восхитительная мука, которую я поглощаю, как изголодавшийся зверь.

— Это опасно, Кайри. Ты употребляла алкоголь.

Вздых срывается с моих губ, когда я раздраженно надуваю губы, отводя шприц от шеи, чтобы проверить дозировку. Я нажимаю на поршень до тех пор, пока несколько капель не просачиваются сквозь иглу, прежде чем снова прижать ее к коже.

— Вот. Теперь ты счастлив?

Между нами воцаряется тишина. Джек разрывается на части, момент мучительный. Одна часть нуждается. Его фантазия. Другая боится. Хотя он никогда не боится, берет то, что хочет, без сожаления или угрызений совести. Но он боится сейчас, и оттого будет намного приятнее, когда он сдастся мне.

Я вонзаю иглу в свою кожу ровно настолько, чтобы почувствовать легкую боль и пускаю каплю крови. Сдержанность Джека покрывается волдырями. Это пузырь, почти готовый лопнуть.

— Я даже не знаю, туда ли ввожу. Ты хочешь, чтобы я промахнулась? — спрашиваю я, и, прежде чем вопрос успеет сорваться с моих губ, он выхватывает иглу из моей руки и вонзает ее в яремную вену, вводя лекарство.

Моя торжествующая ухмылка слабеет под горячим взглядом Джека, и я проваливаюсь в сон без сновидений.

Глава 17

Инерция

ДЖЕК

Горькие ноты дягиля и сладкой ванили наполняют мою холодную комнату. Даже в бессознательном состоянии, присутствие Кайри в моих владениях столь же непреодолимо и всепоглощающе, как и сами ее духи.

Как и сам цветок дягиля, родом из арктических пейзажей, она создана для меня, ее увядшие лепестки ждут, когда их оживят.

Я вынимаю иглу и поднимаю ее обмякшее тело на руки. Осторожно опускаю ее на каталку и провожу тыльной стороной пальцев по ее ничего не выражающему лицу. Я убираю рыжеватые пряди с ее закрытых глаз, любясь тем, как густая бахрома ресниц неподвижно лежит над высокими скулами.

Сжимая в руке шприц, я наклоняюсь к ее уху и шепчу:

— Ты знаешь, как сделать меня чертовски диким, лепесточек.

Я бросаю шприц на стальной поддон и направляюсь к термостату. Температура понижается на несколько градусов. Не так холодно, чтобы она замерзла, но достаточно зябко, чтобы я мог разглядеть, как ее теплое дыхание затуманивает воздух при флуоресцентном освещении. Искусственный свет придает ее коже бледный оттенок, а ее пухлые от природы розовые губы приобрели легчайший оттенок голубого.

Прям как в тот раз, когда я впервые увидел ее в камере, где она проверяла мою сдержанность, нажимая на все мои кнопки, пока я не захотел задушить ее, либо трахнуть.

Мой член становится тверже при этой мысли. Ослабляя давление брюк, я расстегиваю молнию, мой хищный взгляд устремлен на спящую красавицу, беспомощно лежащую на моей территории.

Сколько раз я представлял ее себе именно такой. С самого первого момента, когда услышал звенящую мелодию ее смеха, и он прокрался, как гребаный вор, прямо под мою защиту. Застигнутый врасплох, я не был готов, когда повернулся и увидел ее с сияющей улыбкой.словно яркий солнечный луч, вторгшийся в мое темное убежище.

Я посмотрел в ее пленительные бледно-голубые глаза и понял — через долю секунды — что она станет моей погибелью.

И все темные, порочные мысли, которые я изо всех сил старался отогнать, когда пытался убрать ее подальше от себя, — я чувствовал себя бессильным. Она была так

чертовски красива. Ее запах мучил меня. Ее смех вызвал огненный жар под моей холодной кожей, когда я тщетно пытался представить, как звучали бы ее крики в агонии.

Она проглотила меня с первого дня.

И с безжалостной яростью я жажду наказать ее за это.

Эта чертова рубашка с бантиком на шее подталкивала к тому, чтобы я сломался, и я хотел поскорее снять ее.

Я утолил голод, сначала сделав набросок ее фигуры, запоминая каждый контур ее лица. Каждый соблазнительный, сексуальный изгиб ее тела я запечатлевал в своей памяти очередным мазком.

Единственная из моих одержимостей, с которой я никогда не снимал плоть. Лишь изредка позволяя себе фантазировать о том, как выглядели бы ее хрупкие кости, я был слишком осторожен, чтобы облечь эти образы в физическую форму, опасаясь, что не смогу остановиться.

Когда я не мог выбросить из головы ее голубые глаза, я вывел гималайские голубые маки, чтобы они точно соответствовали оттенку ее поразительных ирисовых глаз, и вся моя оранжерея превратилась в святилище ее красоты.

В любой момент я мог бы прекратить свои мучения. Я мог бы сломаться и вспороть ее, мучительно содрать с нее кожу, вознаградиться призом, который, как я уверен, скрывается под ней; той нежной подъязычной костью, которую я почувствовал, когда моя рука сдавила ее красивое, стройное горло. Настоящая звезда для моей витрины с трофеями. Я мог бы превратить ее в пепел, воспоминание легко стереть из памяти, а останки развеять по маковым грядкам.

Потребность отдаться неутомимому влечению и заставить ее исчезнуть была мучительной, я боролся с этим каждый день, входя в двери университета. В противном случае, если бы одержимость продолжалась, — это привело бы к нарушению моих собственных правил.

Она искушала меня бросить вызов своей природе.

Она была угрозой.

И прямо сейчас вызывающий вид ее нежной кожи — слишком большое искушение, манящее меня потянуться за скальпелем на подносе.

Доведенный до дикости, я разрываю последние остатки своей слабой сдержанности, бросаясь к ее успокоенной ангельской фигуре на каталке и просовывая острое, как бритва, лезвие инструмента ей под рубашку.

Звук рвущейся ткани скользит по моей коже с болезненным удовлетворением, когда я провожу скальпелем вверх по центру, разрезая одежду, которую я ей подарил, и кружевной лифчик, чтобы полностью обнажить ее тело. Я позволяю рубашке соскользнуть с ее груди, любясь ее затвердевшими сосками, равномерным подъемом и опусканием ребер.

Я не тороплюсь, изучая каждый дюйм ее обнаженного тела, нежного и уязвимого.

Я знаю, что Кайри не была рождена убийцей. У нее есть совесть, душа, сочувствие. Она хочет любить и быть любимой — и, несмотря на мои ограничения в этом, я сделаю все возможное, чтобы дать ей то, в чем она нуждается. Но сейчас...

Это все для меня.

Развратно. Отклонение от нормы. Как на показ.

Нечестивый способ, которым я сейчас овладею ею, заставил бы даже ангелов раскаться.

С порочным голодом я трогаю два шрама под ее нижними ребрами. Мои пальцы обводят скошенные края, прослеживая грубые вмятины там, где лезвие рассекало ее кожу.

Неистовый гнев поднимается из недр моей черной как смоль души, ярость от того, что другой мужчина посмел прикоснуться к ней, причинить ей вред, попытался уничтожить ее. Ярость пронзает мои внутренности, скальпель сжимается в дрожащей руке, когда я представляю себе безумный способ, которым я сначала пытал бы его и изувечил.

Резня, которую я учинил в этой очень холодной комнате, побледнела бы в кровавом сравнении с тем, чему я подверг бы Уинтерса, если бы он стоял сейчас передо мной.

Я убил его слишком быстро.

И я оттачиваю эту дику похоть. Заиклившись на спящей красавице, распростертой передо мной на каталке, я отбрасываю скальпель, засовываю руку в карман брюк и хватаюсь за свой твердый как камень член. Сдавленное шипение вырывается между моих стиснутых зубов, когда я сжимаю основание, а затем провожу холодной ладонью вверх по ступенькам из пирсинга. Я поглаживаю по всей длине, бедра двигаются в такт с каждым подергиванием моей бушующей эрекции, когда я смотрю на ее раздвинутые бедра, на прелестный розовый клитор, выглядывающий между ее гладких губ, и почти ощущаю вкус ее влажного жара.

Свободной рукой я обхватываю одну из ее лодыжек и раскрываю ее ноги еще шире. Я раздвигаю ее колени до тех пор, пока они не касаются стальных перил с обеих сторон, широко открывая ее для себя, как драгоценную куклу — ту, которую я могу поставить в любую непристойную позу, какую пожелаю.

После того, как я снимаю брюки, я опускаюсь на ее спящее тело и вдыхаю ее запах, просто чтобы пробудить голод, прежде чем впиться зубами в мясистую выпуклость внизу ее груди. Мои пальцы ищут теплую щелочку ее киски, языком облизываю ее сосок. Погружая два пальца внутрь, я стону от мягкой податливости ее плоти, без всякого сопротивления. Ее скользкое возбуждение покрывает мои пальцы, когда я погружаюсь глубже.

Она не двигается, пока я вхожу и выхожу, становясь все более диким, пока она впитывает мои пальцы. Потребность трахнуть ее с беспощадной развратностью сковывает каждый мускул вдоль моего позвоночника. Мои зубы находят опору в нежном месте между ее шеей и плечом, где я впитываю вкус ее кожи, мой язык скользит вдоль ее ключицы.

Я вынимаю свои пальцы из ее горячей маленькой киски и выгибаюсь дугой над ее распростертым телом. Сильная дрожь пробегает по моим мышцам, когда я провожу скользкой подушечкой пальца по ее бесцветным губам.

Болезненное желание наконец-то расслабиться и снять с нее все слои, охватывает меня яростной, неукротимой потребностью, и, прежде чем я успеваю обуздать желание, я протягиваю руку через стеллаж и беру мягкую угольную палочку.

Свободной рукой держась за холодный поручень каталки, я приподнимаюсь и приставляю палочку к нижней части ее таза. Я начинаю с обрисовки ее бедер, используя промежуток между лобком, чтобы точно очертить поясничные позвонки.

На грудину я надавливаю и провожу мягким кончиком вверх, пока не добираюсь до толстого манубрия, где смягчаю линии. Разветвляясь, я очерчиваю контур каждого ребра вдоль клетки. Затем обвожу ключицы, оставляя напоследок изгиб шеи, запрокидываю ее голову назад и не торопясь растушевываю нижнюю челюсть. Мое сердце бешено колотится, а член пульсирует, когда я очерчиваю контур ее подъязычной кости при воспоминании о своих прикосновениях.

Я поднимаюсь и окидываю взглядом ее прекрасное тело, силуэт ее скелета лишь смутно

очерчен на коже — четкость отсутствует, аккуратность тоже, но глубина и размер настолько точны, что я превращаюсь в хищного зверя.

Я прижимаю ладонь к ложбинке ее живота и погружаю головку своего члена в ее скользкий вход, зачарованно наблюдая, как ее сладкая киска проглатывает каждую ступеньку. Я опускаюсь ровно настолько, чтобы насладиться восхитительным вкусом ее рта, делаю глубокий вдох между ее приоткрытыми губами, вдыхая в свои легкие.

Явное желание разорвать ее плотные стенки своим усеянным шипами членом — это демон, терзающий мои внутренности — ощущение, как титан ударяется о кости, и вибрация рикошетом проходит через мой член, когда я скребу по ее скелету.

Эта извращенная любовь, взращенная в темноте, принадлежит только нам.

Вид ее обнаженных костей — такая божественная пытка, что я едва сдерживаюсь, когда вонзаюсь в нее с животной яростью. Я провожу рукой по ее тазу, размазывая уголь, обхватываю руками ее бедра и вонзаюсь в нее с низменным, плотским желанием.

Я мог сломать ее. Моя кукла такая хрупкая, что я могу разбить ее вдребезги. Рычание вырывается из глубины моего горла.

— Чертовски идеально, Лилль Мейер. Я хочу трахнуть тебя так жестоко, чтобы вывернуть наизнанку.

Я не тот, кто все контролирует. Я принадлежу ей. Каждым нейроном моего существа, каждой клеточкой, проходящей через мой костный мозг, она доминирует надо мной, а я просто порочный монстр, подчиняющийся ее командам.

Ее тело направляет мой следующий шаг, и я охотно подчиняюсь, давая моей маленькой жрице именно то, чего она жаждет. Я медленно выхожу из нее и собираю ее влагу своими скользкими пальцами, чтобы смазать тугое колечко ее попки.

Я провожу ладонью вниз по своему члену, обмазываясь ее соками, затем толкаюсь в маленькую дырочку, проталкиваясь до самого основания члена, чувствую, как ее анал рефлекторно сжимается вокруг меня.

— Черт возьми, — я падаю на нее, моя рука погружается в ее холодные волосы, в которые я вплетаю пальцы, прогибая ее тело под своим, прижимая ее ближе. — Я возьму твою сладкую, идеальную попку, и ты будешь чувствовать каждый болезненный толчок, пока не откроешь свои прекрасные глаза.

Я трахаю ее жестко, с беспощадной потребностью, отдаваясь внутреннему дьяволу, который жаждет поглотить ее. С каждым неосторожным толчком ее попка сжимается вокруг моего члена, подводя меня прямо к гребаному краю.

При введенной дозировке период полувыведения седативного средства составляет сорок пять минут, и я уже чувствую, как крепнут ее мышцы, слышу, как учащается ее дыхание. Ее веки подергиваются, и вид того, как она пробуждается ото сна, лишает меня блядского рассудка.

— Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, Кайри, — шепчу я ей на ухо. Опускаясь бедрами между теплой вершиной ее мягких бедер, я врываюсь в ее попку, обезумевший, дикий. — Открой свои гребаные глаза, Лилль Мейер.

Она резко выдыхает, ее глаза распахиваются, кристально-голубой цвет захватывает неистовую мышцу у меня в груди. Рычание вырывается наружу, и когда ее прелестный ротик приоткрывается, чтобы издать стон, я накрываю ее губы своими, поглощая этот сладкий звук.

Ее попка так сильно сжимается вокруг моего члена, что кровь бурлит у меня в венах. Я

протягиваю руку между нами и провожу грубыми подушечками пальцев по ее клитору, наслаждаясь неконтролируемыми спазмами удовольствия в ее мышцах.

Она увлекает меня за собой прямо с обрыва, разбивая вдребезги, прижимается ко мне, наши тела готовы к удару. Мое освобождение захватывает целиком, ее тугая дырочка доит мой член, пока я наполняю ее.

В груди горит, я приподнимаюсь на локтях, чтобы не раздавить Кайри. Ее разум и тело все еще выходят из-под действия успокоительного.

— Господи, — выдыхаю я ей в шею, затем нежно целую впадинку в центре. — Ты вывернула меня наизнанку, лепесточек.

У нее вырывается тихий смешок, и я чувствую, как ее пальцы пробегают по моим мокрым от пота волосам.

— Учитывая, что ты все еще у меня в заднице, я чувствую себя очень даже расслабленной.

Я сдавленно смеюсь, приподнимаюсь поцеловать ее в губы. Она слаба после успокоительного, и, вероятно, пробудет такой в течение следующих нескольких часов. Я быстро привожу себя в порядок и натягиваю штаны, необходимость позаботиться о ней торопит мои действия.

Кайри садится на каталке и оглядывает свою обнаженную кожу.

— Ты нарисовал на мне скелет, — говорит она, и в ее тоне не слышится шока. — Я не удивлена, Джек.

Я подхватываю ее на руки, радуясь ее тихому взвизгу.

— Радуйся, что я на этом остановился.

Я выношу ее обнаженной из холодильной камеры в основную часть дома. Когда мы добираемся до коридора и проходим мимо гостевой комнаты, Кайри постукивает пальцами по моей груди.

— Куда ты меня ведешь? — спрашивает она.

— Просто доверься мне.

— Хорошо, — говорит она, и я опускаю взгляд, чтобы встретиться с ее остекленевшими глазами.

Я сглатываю. Она, правда, полностью мне доверяет.

— Тебе не нужно было это доказывать, — говорю я.

Она слегка пожимает плечами в моих объятиях.

— Теперь ты знаешь.

Мы заходим в ванную комнату моей спальни, и я опускаю ее на кафельный пол, убеждаясь, что она твердо стоит на ногах, прежде чем направиться к ванне в углу.

Повернув кран на чуть теплую температуру, я проверяю воду, затем снова подхватываю ее и опускаю в ванну. Она дрожит, ее зубы стучат, я набираю воду в ладонь и поливаю ею покрытую мурашками кожу на спине.

Присутствие Кайри в моих владениях противоречит моей натуре. Я ни с кем не делю эту жизнь. Я создан для секретности, для одиночества. Этот замысел предназначен не только для моего выживания; он создан для того, чтобы защитить невинных людей от попадания в мою паутину.

Но в тот момент, когда она хватает закрытую бутылку пены для ванны, добавляя немного в воду, я понимаю, что никогда ее не отпущу.

Она запуталась в моей паутине, и мне придется только вырезать ее из себя, чтобы

избавиться от нее. Она так глубоко проникла, что срослась с моими костями.

Если этот день когда-нибудь настанет, потеря будет отзываться во мне до глубины души. У меня не будет желания выживать без нее.

Пока я лью ей на плечи воду, она обхватывает своими изящными пальчиками мое запястье.

— В чем дело, Джек? Ты более задумчивый и мрачный, чем обычно.

Слабая улыбка появляется на моих губах. Я наклоняюсь и целую ее в висок.

— Я просто за тобой ухаживаю.

— И...

Делаю глубокий вдох.

— И я думаю о Хейзе и других вещах, — закрываю кран. — Все становится сложнее. Не уверен, как долго еще Уэствью будет пригоден для жилья.

Она отводит взгляд, набирает полную ладонь мыльных пузырей и размазывает по угольным линиям на груди.

— Я доверяю тебе, — вот и все, что она говорит.

Ее слова остаются со мной, заполняя темное пространство моих мыслей, пока мы молча лежим в постели в ожидании власти сна. Они еще долго остаются со мной и после.

Глава 18

Бездна

КАЙРИ

Я жила у Джека чуть больше недели, и уже знаю, что никакого количества времени мне будет недостаточно.

Я наслаждаюсь каждым мгновением. Наши блюда расположены рядом за обеденным столом, ваза с голубыми цветами всегда стоит в качестве акцента в центре стола. Джек ждет у двери моего кабинета, чтобы мы могли вместе пойти домой после работы. Бегаем бок о бок вдоль реки с Корнетто, следуя извилистой тропинкой против течения, пока мимо змеится серая вода. Занимаемся любовью, когда хотим и где хотим. Иногда по ночам я просыпаюсь от шепота на ухо, Джек уже скользит в меня, его прикосновения ласкают мою грудь, опускаются ниже, смазывая клитор моим же собственным возбуждением, скопившимся у входа, как будто мое тело было готово раньше, чем разум. Прекрасная пытка проглатывать слова, которые я хочу сказать, любовь усиливается по мере того, как эти моменты растут вокруг нас, как виноградные лозы.

Я хочу верить, что все может остаться именно так.

Что я счастлива.

Но тревога неустанно накатывает на меня, как волна, угрожая утопить в этой зыби.

Я знаю, что это решение — остаться у Джека — лишь временное. Хотя Хейз по-прежнему ежедневно околачивается в кампусе, со временем он сдастся, ведь мы неизбежно найдем способ выманить его. И пусть Джек больше ничего не говорит о своих планах за пределами Уэст-Пейна, я все равно знаю, что он намерен уйти. Канадские документы на иммиграцию, которые лежали в кухонном ящике, исчезли на следующий день после того, как я решила остаться.

Мне нужно оставаться сосредоточенной. Практичной. Ведь я больше не вижу разницы между фантазией и реальностью.

Итак, я стараюсь не увязать в этой жизни. Я пытаюсь изменить свой распорядок дня.

Однажды я просыпаюсь рано. На следующий день опаздываю. Как-то я работала до позднего вечера. Уезжала пораньше на следующий день. Проводила больше времени в полевых условиях, изучая существ, которые приходят и уходят. Мне удавалось ускользнуть на несколько часов в середине недели, чтобы пополнить запасы для моего заложника — Колби, а именно — готовых к употреблению сухпайков, которые позволяют ему оставаться сытым, хотя он немного похудел из-за стресса, вызванного пленом. Как обычно, он умоляет о своем освобождении, но я ничего не чувствую к его мольбам. Я знаю, что он сделал и что продолжал бы делать, если бы я его отпустила. Такие люди, как он, не меняются. Некоторые болезни невозможно вылечить. Некоторых зверей нужно усыпить.

Если не считать моей короткой вылазки в хижину, покровительственный взгляд Джека ощущается как призрачное, настороженное присутствие, хотя я вижу его в кампусе не чаще, чем до этого. В такое трудно поверить, учитывая, как долго я наблюдала за ним, но, возможно, сейчас я еще больше одержима им. Его присутствие не душит. На самом деле это странно освобождает. Он никогда не пытается указывать мне, что делать или куда идти, он просто рядом, как дополнительный барьер между мной и Хейзом, хотя я редко сталкиваюсь с ним, переходя из одного класса или здания в другое.

И, возможно, в результате влияния Джека, Хейз обычно оставляет меня в покое. ...обычно.

Пока он стоит в задней части моего лекционного зала в тени на верхней части аудитории рядом с выходом, я понимаю, что Хейз начинает проявлять беспокойство. Мне тоже знакомо чувство, когда тобой овладевает одержимость, когда ее корни прорастают слишком глубоко, и их невозможно выкопать.

И на самом деле его одержимость связана не со мной. Я знаю, что Хейз испытывает ко мне симпатию. Он все еще видит во мне девушку, которой я когда-то была, ту, которая пережила жестокое нападение серийного убийцы. Он все еще видит мою маску, и, возможно, он никогда не получит и намека на то, что скрывается под ней. Но, в конце концов, все мы просто животные. Как долго эти добродетельные идеалы поимки убийцы смогут противостоять его одержимости, если я — ключ к его призу?

Я отвожу от него взгляд и смотрю в ноутбук, пультом дистанционного управления в руке перемещая слайды, отображаемые позади меня. На снимке изображено сильно разложившееся тело в открытом поле, где поблизости нет деревьев. Я щелкаю еще раз, чтобы сделать снимок останков поближе: тело скелетировано, но кости все еще присутствуют и сочленены. Мой взгляд скользит по студентам второго курса «судебно-медицинских расследований» и «уничтожения останков».

— Какой вывод мог бы сделать судебно-медицинский эксперт по телу в таком состоянии, учитывая обстановку на снимке?

Несколько студентов поднимают руки. Я указываю на Мэйзи, тихую, но умную, вдумчивую студентку в третьем ряду.

— Все кости еще на месте, несмотря на открытое местоположение. У птиц-падальщиков был бы свободный доступ к телу, у других позвоночных — тоже. Останки скелета, вероятно, были бы расчленены и раскиданы по более обширной территории, если бы у животных был доступ. Возможно, тело было перенесено туда после того, как его истребили насекомые.

— Хорошо, Мэйзи, — говорю я, и она сияет от комплимента. — Потенциальные факторы, опровергающие эту теорию?

Она на мгновение задумывается.

— Одежды, похоже, никакой нет... Ммм, погода?

— Почему?

— Погода влияет на поведение падальщиков, снижая вероятность того, что они будут взаимодействовать с телом в дни сильного дождя или плохих условий.

— Верно. Им нравится промокать не больше, чем нам, отчасти из-за расхода калорий, необходимых для того, чтобы оставаться в тепле. И еще потому, что это просто стремно, — говорю я, перемещая слайд к одной из фотографий Зайки, лежащей, свернувшись калачиком, под низко нависшими ветвями сосен, ее мех мокрый от сильного ливня. Она выглядит несчастной, и я улыбаюсь, когда класс смеется. — Перед началом занятий на следующей неделе я хочу, чтобы вы прочитали «Этапы уничтожения останков с помощью собак» Хаглунда из учебной программы и были готовы обсудить, что отсутствие останков скелета может рассказать нам о месте разложения и возможном времени смерти, — говорю я, когда студенты начинают собирать вещи, чтобы успеть на следующие занятия. — И мне почти неприятно напоминать вам, но выпускные экзамены всего через пару недель, ребята, так что начинайте учиться прямо сейчас. До тех пор я продлю часы работы своего офиса с двух до четырех по вторникам и четвергам.

Студенты одаривают меня благодарными улыбками. Некоторые задерживаются, чтобы задать наводящие вопросы б экзаменах, но я даю им достаточно информации только для того, чтобы пустить их в правильном направлении. Остальное зависит от них самих и их собственного стремления к успеху.

Когда последние студенты покидают лекционный зал, остаемся только я и бывший агент Эрик Хейз.

— Агент Хейз, — говорю я, проверяя его реакцию на прозвище. Он никак не реагирует, и это меня немного беспокоит. Ложь ему дается слишком легко. — Нравится узнавать об уничтожителях?

— Пожалуйста, зовите меня Эрик, — говорит он, приземляясь на последнюю ступеньку. Выражение его лица светится гордостью. — И это было увлекательно, но мне еще больше нравится видеть, как ты процветаешь.

Я одариваю его своей обаятельной улыбкой, на этот раз милой и немного застенчивой.

«Улыбки продают, детка!»

— Что я могу сделать для тебя, Эрик? — надеваю пальто и убираю ноутбук в сумку, бросая на него беглый взгляд, когда он делает несколько шагов ближе к подиуму.

— Я хотел провести тебя, узнать, как дела. Я видел тебя, но у нас давненько не было возможности как следует поговорить. Как заживает рука?

— Все в порядке, спасибо, — говорю я, опуская взгляд на красный порез, плоть под шрамом все еще чувствительная. Джек снял швы в начале недели, и я почти скучаю по ним, по тому, как они натягивали мою кожу и запутывались в волосах. В период между их удалением и тем, как Джек нашел свою зажигалку я чувствую себя какой-то опустошенной. Поникшей.

— Я видел сломанную награду, которую заменил доктор Соренсен. Это... удивительно.

Я смотрю на Хейза, нахмутив брови, засовываю бумаги в сумку для ноутбука и застегиваю ее на молнию. Мои пальцы остаются на маленькой ручке, чтобы не выдать мою закипающую ярость.

— В смысле?

— Из того, что я слышал, между вами и доктором Соренсеном существовала вражда.

Я наклоняю голову, стараясь придать лицу задумчивое выражение.

— Я бы не сказала, что вражда...

...иногда мы хотели только убить и, возможно, обвинить друг друга в убийстве...

Хейз издает смешок, делающий его слишком похожим на отца, который пытается выведать информацию о новом бойфренде своей дочери.

— Ну, теперь, кажется, стало лучше. Слышал, ты остановилась у него дома... да?

— Слухи быстро распространяются по кампусу, — отвечаю я, пожимая плечами.

— Тогда, возможно, ты сможешь просветить меня относительно местонахождения доктора Соренсена в позапрошлые выходные.

Мое сердце гоняет кристаллы льда по венам. Мурашки пробегают по рукам, ледяной поцелуй тревоги покалывает кожу.

— В чем дело, Эрик?

Хейз набирает полную грудь воздуха, проталкивая его сквозь свои тонкие, поджатые губы. Он хочет, чтобы все выглядело так, будто то, что он собирается сказать, — прискорбная новость, но я вижу правду в его глазах. Он взволнован.

— На прошлой неделе недалеко от границы штата было обнаружено тело. Официально это расследование убийства, — отвечает Хейз, подходя на шаг ближе. — У этого человека была связь с другой жертвой Молчаливого истребителя. Но он из Лейкпорта, Кайри. Это меньше чем в часе езды отсюда, в районе Три-Сити. Тревожно близко к тому месту, где живет единственная выжившая жертва Истребителя, тебе не кажется?

Я издаю недоверчивый смешок, позволяя звуку затихнуть, как будто я поражена.

— И в чем именно заключается теория?

— Где был доктор Соренсен в те выходные, не знаешь?

Наступает долгая пауза. Мои плечи напрягаются, лоб хмурится. Я улавливаю мимолетный проблеск жалости в глазах Хейза.

— Ты думаешь... ты думаешь, Джек имеет к этому какое-то отношение? Гребаный Джек Соренсен, который потратил всю свою знаменитую карьеру на совершенствование методов поимки преступников?

Мое действие не требует усилий. Настолько убедительно, что даже я почти купилась на это.

И хотя Хейз, возможно, тоже купился бы, то только из-за симпатии ко мне, а не к Джеку. Он смотрит на меня так, будто я выжила из ума.

— Ты знаешь, где он был, Кайри? — спрашивает Хейз мягко, подходя ближе. Мне приходится впиться ногтями в красный порез на ладони, обернутой вокруг ручки сумки для ноутбука, чтобы не задушить его ремешком.

— А где был Брэд Томпсон? — возражаю я. — Раз уж тебе так интересны мои коллеги, возможно, следует начать с того, кого недавно арестовали.

— У доктора Томпсона есть алиби на тот уик-энд. Я хочу знать о местонахождении доктора Соренсена.

— Он был со мной, — отвечаю я, изо всех сил стараясь не наполнить свои слова ядом. — Мы оба были в лаборатории допоздна в пятницу. Ты приходил ко мне в субботу утром. Я была с ним в субботу вечером, до поздней ночи. В воскресенье он уехал рано утром навестить свою мать, и я связывалась с ним по дороге домой.

— Итак... ты не была с ним все время в те выходные, верно? Были периоды, когда ты

оставалась одна?

— Серьезно? Спрашиваешь меня, является ли доктор Соренсен гребаным серийным убийцей, убившим мою семью?

Агент Хейз вздыхает, и, к его чести, он проделывает замечательную работу по сдерживанию своего разочарования.

— Изабель, — я бросаю на него убийственный взгляд, слишком поздно понимая, что использование им моего старого имени, возможно, было тактикой, чтобы нервировать меня, а не безобидной оговоркой. — Кайри, пойми, что в его интересе к тебе может быть нечто большее, чем ты думаешь. Он был в Эшгроуве, когда ты там жила. Я знаю, что он приехал в Уэст-Пейн раньше тебя, но доктор Кэннон сказал, что доктор Соренсен планировал переехать в то время, когда ты только сюда устроилась. Он не собирался продлевать свой контракт с университетом. А потом появилась ты, и на той же неделе он решил сменить курс и остаться.

— Слушай, у тебя был профиль убийцы, которого ты искал, — говорю я, используя все свое самообладание, чтобы это звучало искренне, а не саркастично. — Имеет ли Джек вообще какое-либо отношение к этому профилю?

— Созданные профили не высечены в камне, Кайри. Они уточняются с учетом доказательств, которые выявляются по мере развития дела.

— Не могу не заметить, что ты на самом деле не ответил на мой вопрос, мистер Хейз. Поскольку, похоже, мы не выходим за рамки предположений, я предположу, что Джек не соответствует параметрам твоего профиля для Молчаливого истребителя. Вместо этого ты делаешь вывод о пригодности Джека в качестве подозреваемого на основании того факта, что мы жили в одном городе и что он случайно навестил хронически больного родственника в том же штате, что и жертва убийства.

Хейз слегка наклоняется вперед, будто умоляет меня увидеть что-то, к чему я слепа.

— Ты можешь оказаться в серьезной опасности. Ты сказала в своих полицейских отчетах, что Убийца был в маске, когда напал, — настаивает он, не зная, что я так легко солгала властям, чтобы защитить своего ангела мщения. — Ты уверена, что это не доктор Соренсен?

— Да, уверена. Он не тот же самый человек.

— Ты пережила чрезвычайно травмирующее событие, которое негативно повлияло на психическое здоровье, и он мог использовать это в своих интересах. Возможно ли, что тобой манипулируют?

Я вся киплю. Горю. Я хочу вырвать его трахею из горла, но не могу воспользоваться единственным рычагом, который у меня есть. Тот, в котором Хейз считает, что я могу быть только жертвой.

Хейз подходит на шаг ближе. В его глазах появилась стальная решимость, которой раньше там не было. Хищный взгляд.

Я делаю шаг назад.

— То, через что ты прошла в Эшгроуве, было очень трудным, Кайри. Должно быть, это оказало значительное и долговременное влияние на твое психологическое благополучие.

— Ты всё знаешь, да? Ты читал об обследованиях, которые я была вынуждена проходить, пока не повзрослела и не вышла из-под опеки государства.

— Конечно. Это была моя работа.

Была.

Я прикусываю язык между зубами, чтобы не выплеснуть мысли наружу. Кровь струится по моим вкусовым рецепторам.

— Ты можешь сказать мне, Кайри.

— Мистер Хейз, это опасный скачок в ложных заявлениях...

— Ты, должно быть, чувствуешь себя очень одинокой и сбитой с толку, — говорит он, придвигаясь ближе. — Если скажешь мне правду, я смогу найти способ помочь тебе. Мы можем...

— Добрый день, *агент Хейз*, — раздаётся от дверей голос с глубоким и ровным тембром.

Это чистая угроза, замаскированная под тонкую завесу вежливости.

Мы с Хейзом оба смотрим в дальний конец зала — Джек выходит из тени, глубоко засунув руки в карманы, и медленно спускается по первым нескольким ступенькам прохода между ярусами кресел.

— Я надеюсь, вы не загоняете мою девушку в угол одну в лекционном зале, — говорит он.

Джек одаривает меня обворожительной улыбкой, и мое сердце готово выпрыгнуть из груди.

Он прекрасен, как грех. Смертоносен, как меч.

И иногда приходит не вовремя.

По тому, как взгляд Джека скользит между мной и Хейзом, я могу сказать, что он уловил только часть разговора, где Хейз якобы пытается заставить меня признаться в убийстве. Он выглядит так, словно готов выпотрошить Хейза и размазать его внутренности по лекционному залу.

Хейз прочищает горло и выпрямляется, снимая давление своего навязчивого присутствия.

— Доктор. Соренсен. Рад снова вас видеть. Я бы никогда не сделал ничего такого, что заставило бы Кайри бояться.

— Действительно... — Джек продолжает поглядывать на меня, будто задавая вопрос, но не для подтверждения слов Хейза.

А как если бы он спрашивал у меня разрешения его убить.

И в этот момент я знаю с абсолютной уверенностью, что он сделал бы это.

Он бы наслаждался этим. Он не сводил бы с меня глаз, пока резал плоть и проливал кровь на пол. Он трахал бы меня в её липком тепле. Он не остановился бы, пока я не начала выкрикивать его имя.

Власть командовать одним из самых смертоносных хищников на планете находится в моей покрытой шрамами ладони. И это искушение опьяняет.

Я сильнее впиваюсь ногтями в кожу и почти незаметно качаю головой Джеку.

Джек прищуривается на Хейза и не отводит свой пристальный взгляд.

— Ты спрашивал Кайри, что она чувствует? Или ты просто предположил, что ей комфортно находиться наедине с незнакомым мужчиной в звукоизолированной комнате?

Хейз бросает на меня взгляд, когда я снимаю сумку с ноутбуком со стола и делаю еще один шаг назад.

— На случай, если нужно напомнить, доктор Соренсен, я агент правоохранительных органов. Я выполнял свою работу, расспрашивая Кайри о подробностях, связанных с недавним расследованием убийства, — отвечает Хейз, избегая вопроса о моем комфорте.

Когда Джек спускается по последним ступенькам и огибает подиум, чтобы остановиться рядом со мной, Хейз упирает руки в бока, откидывая край своего коричневого пиджака, демонстративно показывая пистолет в кобуре на боку. — Она сказала, что была с тобой в позапрошлые выходные, это верно?

— Да. Так и есть.

— Все выходные?

— Почти.

— За исключением того случая, когда ты пересек границу штата в воскресенье утром.

— Правильно.

— Какая именно была для этого причина?

— Визит к матери в Медицинском институте Хоуп Спрингс.

— И Кайри не поехала с тобой?

— Нет, — глаза Джека на мгновение темнеют, но он знает, что лучше не лгать, даже если ему ненавистна эта правда. — Я позвонил ей по дороге домой. Она тогда только вернулась с пробежки со своей собакой.

Вообще-то, я тогда вернулась домой после того, как проведала Колби в коттедже, но я не собираюсь его поправлять.

Наступает момент напряженной тишины, растягивающейся до тех пор, пока я не начинаю отчаянно пытаться заполнить ее, пустоту там, где должны быть голоса. Я знаю, что лучше не давать такому человеку, как Хейз, больше ответов, чем он просил, но тишина все равно цепляется и вгрызается в мой мозг, как паразит.

— Я постараюсь взять свою девушку с собой в следующий раз, если это тебя успокоит, — говорит Джек холодным, уверенным тоном, как будто знает, что я больше не могу выносить тишину. Я борюсь с желанием застонать от того, как Хейз мог воспринять его слова.

Бывший агент делает шаг вперед, и я вкладываю свою руку в руку Джека, это движение привлекает внимание Хейза.

— Извините, но у нас совещание по бюджету в исследовательском корпусе Басса через десять минут, — говорю я, когда Джек забирает у меня сумку, другой рукой сжимая мою. — Хорошего дня, мистер Хейз.

Хейз сдержанно кивает, но больше ничего не говорит, когда мы уходим.

Я не оглядываюсь, но знаю, что он наблюдает.

Мы с Джеком молчим, выходя из здания, наши руки все еще сжаты, даже когда мы выходим на улицу и порыв ледяного воздуха ударяет по нашей открытой коже. Все притворство могло быть унесено ветром. Но я держусь, по крайней мере, до тех пор, пока не смогу обмотать вокруг себя свои вновь формирующиеся планы, пучки и нити прядущихся мыслей, тонких и прочных, как паутиный шелк.

Пока мы идем, я поднимаю глаза на Джека и смотрю достаточно долго, чтобы он встретился со мной взглядом. Его глаза сужаются при виде моей сияющей улыбки.

— Я твоя девушка?

Его взгляд становится еще острее.

— В самом деле? Это все, что ты вынесла из разговора?

Я пожимаю плечами, и моя улыбка расцветает еще ярче.

— На самом деле, это единственная неожиданная вещь. Я надеялась, что идея насчет Себастьяна сработает, но это была авантюра, — я сосредотачиваюсь на дороге, прежде чем

Джек сможет слишком глубоко вникнуть в детали выражения моего лица. — Не идеальный результат, но и не последнее наше средство.

— Не идеальный...твоя способность видеть положительную сторону в определенных ситуациях... огорчает, — Джек отпускает мою руку, но только на время, достаточное для того, чтобы обнять меня за плечи и притянуть к себе. — Он думает, что ты не в себе, — говорит он мне на ухо, понизив голос, когда мы проходим мимо группы незнакомых студентов.

Я фыркаю от смеха.

— Он не ошибается.

— Он, очевидно, беспокоится о нас обоих, если спрашивал о моей поездке.

— И ты проделал хорошую работу, изображая из себя саму невинность, сказав, что возьмешь меня с собой в следующий раз. Это совсем не прозвучало угрожающе.

— Мне нужно отвлечь его внимание от тебя, *elskede*²⁵.

Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Джеком. Момент, когда я это делаю, подтверждает, что мне нужно действовать сейчас, пока у меня есть преимущество перед Хейзом. Потому что ярость — не единственный огонь, который освещает ртуть, окружающую расширенные зрачки Джека.

Волнение. Жгучая жажда. Для нас убийство — это не просто желание, а потребность, и как только оно овладевает нами, то уже не отпускает.

Джек хочет поохотиться на него. И мой инстинкт подсказывает, что Хейз будет готов, если Джек это сделает.

Челюсть Джека дергается, его пристальный взгляд скользит по моему лицу. Ему удастся подавить свою хищническую тягу, но недостаточно быстро.

— Нам нужно как можно скорее убрать Хейза с глаз долой, пока он не наткнулся на что-то стоящее. Чем дольше он тут, тем выше риск.

Он, конечно, прав. Хейз не так уж сильно отличается от нас. Одичавший. Непредсказуемый. Хейз не обязан этим никакой травме, никакому мастеру, кроме своей одержимости.

Я одариваю Джека сияющей улыбкой, чей блеск доходит до глаз, прежде чем обратить внимание на здание вдалеке.

— Не волнуйся, лепесточек, — отвечаю я, похлопывая Джека по руке. — У меня есть план.

Наступает долгая пауза, пока мы продолжаем спускаться по извилистой тропинке.

— Не хочешь поделиться?

— Пока нет, не-а.

Джек ворчит что-то по-датски, но не отпускает меня, даже когда мы замолкаем и проходим мимо трех студентов-криминалистов, которые приветствуют нас ухмылками, готовые к сплетням. Только когда мы оказываемся в исследовательской лаборатории, между нами появляется какое-то пространство, и впервые это расстояние приносит облегчение.

Глоток воздуха перед погружением в бездну.

Глава 19

Сияние

КАЙРИ

Мы с Джеком обмениваемся лишь несколькими взглядами, поскольку совещание по бюджету тянется почти два часа, и мы покидаем кампус, как только оно заканчивается. Мы

едем напрямиком к дому Джека, и, хотя мне этого не хочется, я болтаю о всякой ерунде во время короткой поездки, сохраняя маску счастья на месте, в то время как мой разум бурлит до изнеможения. К тому времени, как мы входим в дверь под звук восторженного скулежа Корнетто и жужжания мотора нового робота-пылесоса, я решаю допить остатки текилы, которую не допила вчера вечером, прямо с горла.

Но потом отбрасываю эту мысль. Я должна сохранять ясность в голове, даже несмотря на то, что отчаянно пытаюсь заглушить это неумолимое, растущее беспокойство, которое расползается по моему черепу.

В конце дня я стою перед зеркалом в ванной, просто любуюсь своими глазами, их цвет так похож на цвет глаз папы, а форма так похожа на мамины. Все, что стоит за ними, отличается от того, какой мои родители ожидали бы меня видеть. То, чего они хотели бы. Может, я должна чувствовать себя виноватой за это. В конце концов, я — их живое наследие. И все же чувство вины не приходит.

Все, что я чувствую, — это потребность.

Потребность вонзить нож в горло Хейза. Потребность почувствовать, как его последний вздох дрожит на моей руке.

Потребность защитить Джека.

Я сжимаю край квадратной раковины так, что побелели костяшки пальцев, когда Джек останавливается в дверях, будто мои мысли вызвали его.

— Думаешь о Хейзе? — спрашивает он, прислоняясь к дверному косяку, скрестив руки на обнаженной груди, спортивные штаны низко висят на его бедрах. Я отрываю взгляд от восхитительной демонстрации мускулов, внезапная боль протестует во мне, когда я опускаю внимание на свою обесцвеченную кожу, тонко натянутую на изгибы костей.

— Может быть, немного.

— Ты волнуешься.

— Конечно. Наверное.

— Поделишься со мной своим планом?

Я встречаюсь взглядом с Джеком через отражение в зеркале. Хотя я улыбаюсь, у меня осталось мало энергии, чтобы улыбка показалась яркой.

— Да, после того как улажу кое-какие дела. Конечно.

— И сколько времени все это займет?

Мои плечи поднимаются и опускаются в уклончивом пожатии.

— Самое большее, пару дней.

Я отпускаю раковину и поворачиваюсь лицом к Джеку. Это единственная ложь, которую я хотела бы не говорить. Сожаление распускается в моей груди, как цветок, тянущийся к далекому свету. Интересно, не забыла ли я это чувство? Ощущение грубое и незнакомое.

Джек не двигается, не требует большего. Если он знает, что я лгу, он не вызывает меня на дуэль. Может, он просто думает, что Хейз меня выбесил, и это правда. Джек просто поднимает брови, вопрос так ясно читается в его утонченном выражении лица.

Что тебе нужно?

Я подхожу ближе, каждый шаг медленный и размеренный, и когда я оказываюсь в пределах досягаемости, Джек разжимает руки и выпрямляется. Мои пальцы скользят по его ребрам, когда я обнимаю его, очерчивая выступы мышц и костей на его спине, его кожа мягкая и гладкая под моими легкими прикосновениями. Закрываю глаза, когда прижимаюсь

щечкой к ровному биению сердца Джека и вздыхаю. У меня перехватывает дыхание, будто к некоторым нежным моментам все еще нужно привыкнуть, но затем его руки обхватывают меня и крепко прижимают к себе.

Я наслаждаюсь ровным гулом дыханий и сердцебиений в течение долгого мгновения, прежде чем делаю шаг назад в ванную, увлекая Джека за собой. Потом еще один, и еще, пока мы не останавливаемся на краю душевой, и я отпускаю его.

Мы молчим, пока я стягиваю через голову футболку, бросаю ее на пол, затем сбрасываю шорты для сна. Выпрямившись, я захожу в душ и включаю его, не разрывая связи наших слившихся взглядов. Каскад холодной воды вызывает дрожь, она покалывает скальп и стекает по плечам, превращая мои соски в болезненные бутоны, струи каскадом стекают по мурашкам на коже. Но я не повышаю температуру. Вместо этого я протягиваю руку Джеку.

Он ее не принимает. Ещё нет.

Прикосновение его взгляда начинается с кончиков моих пальцев ног и воды, которая стекает по лодыжкам. Он следит за каждым ручейком, который змеится по моим голеним, проходя по старым шрамам, следам давно забытых несчастных случаев. Его взгляд прокладывает жаркую дорожку вверх по моим бедрам, задерживаясь на моей киске и узкой полоске волос, блестящих от холодной воды. Проходит долгое мгновение, и он поднимает взгляд по моему животу, я опять покрываюсь гусиной кожей, бледнею, когда кровь приливает к моему сердцу, чтобы согреть жизненно важные органы. Взгляд Джека снова задерживается на моих двух шрамах и темнеет. С того момента, как мы впервые встретились, наша история была вшита в мою кожу, некоторые нити заканчивались там, где переплетались новые.

Джек сглатывает, прежде чем переместить свое внимание выше, сначала на одну грудь, затем на другую, наблюдая за тем, как она с каждым вдохом поднимается и опускается. Он останавливается на моем сердце, его учащенное биение скрыто во тьме. Его глаза следят за струйкой воды, которая течет между моими ключицами, поднимается вверх по шее, задерживается на моих губах, на щеке, где ему иногда нравится нежно целовать меня, щекоча ресницами. Когда он, наконец, встречается со мной взглядом, я чувствую себя обожаемой. Драгоценной и уникальной.

Священной.

Джек снимает штаны и пинком отбрасывает их обратно к двери. Титановая серьга в верхней части его эрекции отликает оттенком темно-серого металла в мягком свете бра из дымчатого стекла. Он берет меня за руку, не отводя взгляда, пока его губы не касаются моих.

Медленное шевеление языками. Благоговейная прогрессия прикосновения. Наслаждение общим дыханием и теплом под холодными струями воды. Парфюм и ветивер, зубная паста, последний слабый глоток красного вина, которое Джек выпил за ужином. Все это смывается.

Я теряюсь в каждом прикосновении губ Джека и ласке его рук по моей коже. Он целует меня так, словно у наших ног может быть миллион таких мгновений, готовых быть вырванными из холодного ручья, как нежные цветы.

Джек прерывает наш поцелуй, чтобы прижаться губами к моему подбородку, убирая мои намокшие волосы с плеча, прослеживает линию моего пульса. Он прижимает меня к себе, одной рукой обхватывая поясницу, другой опуская руку вниз, чтобы провести большим пальцем по набухшему соску. Мои пальцы обводят каждый дюйм плоти, до которой могут дотянуться, от нежной кожи во впадинке на его шее до широких бугров мышц,

охватывающих его плечи, от изгибов позвоночника до упругой задницы.

Джек вздрагивает, когда я обхватываю рукой его член, пальцам проводя по штангам, их круглым шарообразным застёжкам и изогнутому кольцу у головки.

Когда я дрожу от холода, он отстраняется, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Ты будешь милым со мной, Джек? — шепчу я.

Ладонь Джека лежит на моей щеке, и он заглядывает сквозь каждый разорванный слой моей души.

— Jeg vil være alt for dig, elskede²⁶, — говорит он, а затем прижимается своими губами к моим.

Когда я закидываю одну ногу ему на спину, Джек обхватывает мое бедро ладонью, его большой палец поглаживает мою кожу. Он прижимает меня к стене, и моя спина скользит по холодному кафелю, когда он поднимает меня. Я закидываю другую ногу ему за спину, одной рукой хватаю его за плечо, а другой прижимаю его эрекцию к своему входу.

Наш поцелуй прерывается. Но пристальный взгляд — нет.

— Min lysende stjerne²⁷ — говорит он, медленно опуская меня на свою длину, его глаза не отрываются от моих. Я чувствую каждое прикосновение металла, когда он скользит в меня. Он наблюдает за мной, словно фиксируя нюансы моей растущей потребности своими серебристыми глазами. — Min elskede²⁸.

— Скажи мне что-нибудь понятное.

Слабая улыбка приподнимает уголок губ Джека.

— Ты и так понимаешь.

— Все равно, скажи мне. Что-то настоящее.

— Ты моя.

Это настоящее.

Ритм нарастает медленно, каждое скольжение члена Джека — плавный толчок удовольствия. Я обвиваю руками его шею, прижимаюсь лбом к его лбу. Я смотрю ему в глаза. Теплое дыхание, разгоряченная кожа и ледяные капли сталкиваются между нами. И я бы ничего не стала менять.

Ярываю наш пристальный взгляд, обвиваю руками шею Джека сзади, наслаждаясь теплом его груди на своей холодной коже. Он скользит руками дальше вверх по моим ногам, пока не обхватывает мою попку, задавая ритм каждому глубокому удару. Я дрожу, когда металлические шарики и стержни, которые проходят по всей длине эрекции Джека, скользят по моей плоти, возбуждая нервы. Он сильнее прижимает мою спину к плитке и целует мое плечо. Когда он поднимает меня немного выше и наклоняет, чтобы войти глубже, я стону его имя. Я провожу пальцами по его влажным волосам. Мои стенки сжимают его член при каждом толчке.

Удовольствие нарастает до предела. Но я чувствую, что он сдерживается. Когда я прикладываю руку к его прохладной щеке и привлекаю его внимание, я вижу это в его глазах, его расширенные зрачки сливаются с моими.

Я знаю, что многие из его страхов такие же, как и у меня. Но я также знаю много его секретов. И не могу спросить, что это — страхи или секреты в его глазах. Потому что мне нужно придерживаться своего плана, и, если он подпустит меня сейчас слишком близко, я, возможно, не смогу заставить себя довести дело до конца.

— Пойдем со мной, — шепчу я ему в губы, прежде чем прижаться своей дрожащей плотью к его. Джек стонет мне в рот, и моя спина скрипит на плитке, когда он толкается

сильнее, воздух вырывается из моих легких с каждым толчком.

Я больше не чувствую холодной воды. Только поглощающее удовольствие, пронизывающее мои нервы, пожирающее чувства, оставляющее меня равнодушной ко всему, кроме разрядки, которая накатывает волнами. Я чувствую себя сотканной из света, тону в нем, в голове у меня гремит от ударов сердца, перед глазами вспыхивают искры, когда я закрываю глаза. Сдавленный крик срывается с моих губ, когда Джек отстраняется, чтобы впиться зубами в нежную плоть на стыке моих шеи и плеча. Он вонзается в меня с рычанием, когда высвобождается, его член пульсирует, изливаясь в меня.

Мы стоим так в объятиях до тех пор, пока наше дыхание не начинает замедляться. Джек так же неохотно отпускает меня, как и я. Мой разум был бы рад остаться здесь навсегда, но тело слишком рано протестует против холода, когда мои зубы начинают стучать, Джек опускает меня со вспышкой улыбки, прежде чем поставить на нетвердые ноги. Он увеличивает температуру, и первая струя горячей воды приятно покалывает кожу.

— В постель? — вот его единственный вопрос. Я киваю, и он запечатлевает поцелуй на моих ресницах, прежде чем выйти из душа, чтобы вытереться и почистить зубы. Бросив короткую улыбку через плечо, он отправляется в спальню.

Как только он уходит, я сажусь под душ, подтянув колени к груди, пока вода не обжигает мое тело, оставляя красные пятна.

Высушив волосы, я забираюсь под одеяло. Джек почти спит, просыпается лишь для того, чтобы обнять меня за талию.

Но я не сплю.

Я жду.

Дыхание Джека становится глубже. Судороги сновидений проходят. Если ему и снятся кошмары, они его не будят. Когда он ускользает за пределы царства грез, я встаю с кровати, жестом приглашая Корнетто следовать за мной.

Мы спускаемся вниз в темной тишине. Я не включаю свет, пока не оказываюсь в кабинете Джека, сначала иду к шкафу за сумкой, которую спрятала за коробкой с научными журналами. Переодеваюсь в ту одежду, которая находится внутри. Черная футболка. Старый камуфляжный свитер, который папа купил мне перед нашей последней совместной охотой. Мои любимые зеленые походные брюки. Зашнуровываю ботинки, куртку застегиваю на молнию до подбородка. К тому времени, как я сажусь за стол Джека, все готово к работе.

Кроме меня.

Я вынимаю ручку из коробки на столе и открываю один из ящичков, чтобы достать немного бумаги. Кожаный альбом для зарисовок лежит на толстой стопке незапятнанных листов личной канцелярской бумаги Джека, и я кладу его на стол перед собой. Мои пальцы надолго задерживаются на обложке, пока я пытаюсь убедить себя, что это слишком личное, но, в конце концов, любопытство побеждает, и я пролистываю толстые, кремового цвета пачки бумаги.

Некоторые наброски представляют собой этюды рук. Нежные, но сильные. Выразительные и элегантные. Другие — силуэты, их черты женственны, но расплывчаты. Сидит, как будто глубоко задумавшись, или жестикулирует в сторону кого-то. Смотрит в окно на тенистый пейзаж, нарисованный грубыми мазками углем.

Я переворачиваю еще одну страницу, и у меня перехватывает дыхание.

Это женщина, подпирающая подбородок рукой, с задумчивым выражением лица она наблюдает за чем-то вдалеке. Детали прорисованы с педантичной точностью графитовым

карандашом различной твердости.

Но глаза у нее ярко-голубые.

На следующей странице еще одно изображение ее лица, на этот раз гораздо ближе. Тот же стиль, растушевка настолько тонкая, что карандашные штрихи едва заметны. Голубые глаза с темным центром, который бледнеет по направлению к глубокому кольцу вокруг радужной оболочки, пестрые всполохи расходятся от зрачка. Цвет точный, безошибочный.

Переворачиваю еще несколько страниц. Разные позы. Разные эмоции. Та же самая женщина с голубыми глазами.

Я.

Захлопываю тетрадь и вдыхаю, минуя комок, который застрял у меня в горле. Всего три вдоха. Это самое долгое, что я позволю себе.

Когда проходит третий вдох, я беру лист чистой бумаги из блокнота на столе и пишу свое письмо, складываю его, прежде чем положить в карман.

На втором листе я пишу всего три слова:

Отвлекающий замерзший паяльник.

Я держу вторую записку в руке, прежде чем повернуться к Корнетто, который сидит рядом со мной, его красновато-карие глаза следят за выражением моего лица. Он издает тихий скулеж, и я глажу его серебристый мех, прижимаясь к нему головой.

— На этот раз ты не пойдешь, — шепчу я, и он снова скулит. Каким-то образом он всегда знает, когда я отправляюсь на охоту без него. — Ты должен присмотреть за Джеком. Возвращайся в постель, Корн-Дог.

Всхлипнув в последний раз, Корнетто поворачивается и трусцой направляется обратно вверх.

Я выключаю свет и долгое время просто сижу в уютной темноте.

Когда я, наконец, готова идти, я кладу вторую записку на кухонный стол. Затем покидаю дом Джека Соренсена и шагаю прочь, в усыпанную звездами ночь.

Глава 20

Стрелы

КАЙРИ

— Ты пришел, — говорю я. Джек приближается ко мне по узкой тропинке, ломкие листья деревьев царапают друг друга, когда он убирает со своего пути низко свисающие ветви. Я не могу сдержать улыбку, которой одариваю его, когда он выходит на небольшую поляну и останавливается осмотреть бревенчатую хижину позади меня.

— Ты напугала меня до чертиков, Кайри, — говорит Джек, пригвоздив меня взглядом. — Я чуть не пропустил записку.

— Но увидел же, — говорю я, стараясь не позволить его беспокойству слишком глубоко запасть в память. Моя улыбка становится ярче, и я широко раскидываю руки. — И вот мы здесь.

Взгляд Джека, наконец, немного смягчается, когда он смотрит в сторону хижины. Я поворачиваюсь на пятках проследить за его взглядом, восхищаясь темными линиями древесины и изношенным крыльцом, оригинальными элементами в сочетании с моими собственными модификациями солнечных панелей и скрытых камер. Когда я снова поворачиваюсь к нему лицом, Джек наблюдает за мной, в его глазах такой блеск, как будто он видит меня впервые.

— Ты построила это сама? — спрашивает он, кивая в сторону хижины.

— Нет, — говорю я с легким смешком. — Нет, домик принадлежал моему дедушке. Но за эти годы я кое-что изменила.

Джек кивает, его взгляд останавливается на одной из наиболее заметных камер, закрепленных под выступом крыши. Когда его внимание возвращается ко мне, он делает осторожный шаг вперед, затем еще один. Может, он думает, что это какая-то ловушка. Может, в возбуждении, которое я едва могу сдерживать, есть что-то слишком дикое, слишком подозрительное. Поэтому, когда Джек останавливается передо мной с руками в карманах, я первой сокращаю расстояние между нами, приподнимаюсь на цыпочки, чтобы положить руку ему на затылок и притянуть к себе для поцелуя. Свободной рукой я хватаюсь за край его расстегнутой куртки, металлические зубцы молнии впиваются мне в ладонь, когда я притягиваю его ближе. Мой язык пробегает по изгибу его губ, требуя проникновения, чтобы наполнить его рот вкусом желаяния, которое пламенем охватывает мою грудь.

Он не может устоять передо мной.

Я уже знаю, что он этого не хочет, даже если так долго пытался настоять на своем. Руки Джека лежат на моем лице, принося тепло моей холодной коже, когда он проводит кончиками пальцев по скулам, пока искры от его прикосновения не начинают пробегать по моему телу. Нехотя, я прерываю поцелуй. Энтузиазм тянет меня назад, и страх тоже, если честно. Есть какая-то радость следовать своим инстинктам, но осознание того, что я могу ошибаться, хотя и несет в себе свое собственное опьяняющее желание, которое уносит меня прочь, как прилив.

— Что мы здесь делаем? — спрашивает он, делая шаг в сторону хижины. Я крепче вцепляюсь в его куртку, чтобы не дать ему подойти ближе.

— У меня есть для тебя маленький подарок, — отвечаю я, не переставая улыбаться, и отворачиваюсь к походному рюкзаку, лежащему на краю поляны. Настороженный взгляд, который он бросает на меня, доказывает, что он узнает этот рюкзак, но вместо отрубленной конечности какого-то аспиранта я достаю планшет, включаю его, чтобы выбрать изображение, которую увеличиваю, прежде чем передать Джеку. Его глаза задерживаются на мне на долгое мгновение, наконец он смотрит на экран, и его губы приоткрываются, когда он видит живую трансляцию. — Тебе нравится?

— Колби Камерон, — шепчет Джек, и в его голосе слышится благоговейная молитва. Я даю ему время, сохраняя молчание, пока он не будет готов оторвать взгляд от экрана. — Он у тебя здесь.

Я киваю, прежде чем вернуться к своим вещам, доставая из рюкзака ржавую металлическую цепь.

— Он в подвале. Но ты не можешь войти. Это испортит нам все веселье.

Я подмигиваю, проходя мимо с цепью, перекинутой через плечо. То, что болтается у меня за спиной, привлекает внимание Джека, и он следит за каждым движением металлической штуковины, пока я направляюсь к началу тропинки, с которой он только что вышел. Я опускаюсь на колени и устанавливаю ловушку для ног на узкую, изношенную дорожку, открывая челюсти и приводя в действие пружинные рычаги, прежде чем засыпать участок опавшими листьями. Не идеально, но я знаю, что Колби будет в отчаянии, чтобы обращать внимание на что-то на земле.

— Не ходи нигде. Вокруг дома еще больше подобных ловушек, и эти ловушки древние и жестокие, — предупреждаю я, возвращаясь к своему рюкзаку и лежащему под ним футляру с камуфляжным принтом. Я бросаю Джеку походный рюкзак, и он ловит его, нахмутив брови,

встречаясь со мной взглядом. — Там есть удавка. И несколько ножей. Надеюсь, что-нибудь понравится. Я здесь просто в качестве плана Б на случай непредвиденных обстоятельств.

Я одариваю Джека улыбкой и опускаю взгляд на футляр, который расстегнула и развернула, показывая составной лук и двенадцать стрел. Я вытаскиваю первую стрелу и дважды проверяю оперение, рюкзак приземляется рядом со мной.

— Давай ты сделаешь это, — говорит Джек. Когда я поднимаю взгляд, его глаза цвета оружейного металла прикрыты, тени горят безмянным огнем, воспаляющим мои вены, как фитили.

— Но он был твоим, — отвечаю я, откидываясь на корточки, чтобы изучить его.

— Тогда мы будем квиты, так как я забрал одну из намеченных тобой жертв.

— Верно, — говорю я с легким смешком. — Райан Янг. Я с нетерпением ждала этого момента. И ты даже не рассказал мне никаких подробностей о том, как все произошло. И вообще, что побудило тебя пойти за ним?

Плечи Джека напрягаются, будто он готовится к неизвестному.

— Я был раздражен. Надоедливая коллега пробиравалась мне под кожу. Мне нужно было немного выпустить пар.

Я выдавила смешок.

— Я в шоке. Ты считаешь меня надоедливой. Как романтично, — язвительно замечаю я с широкой улыбкой, которая становится еще шире, когда между бровями Джека появляется складка. Мое внимание возвращается к стрелам, я достаю из футляра еще одну.

— Нет, Кайри. Я был раздражен тем, что не мог избавиться от тебя, как бы сильно ни старался, — Джек подходит на шаг ближе, отвлекая меня от стрел. Он приближается медленно и методично, как охотник, надеющийся не спровоцировать нападение непредсказуемого животного. Оказавшись в пределах досягаемости, он садится на корточки, чтобы изучить меня, балансируя на носках. — Меня раздражало, что я не мог выкинуть тебя из своих мыслей, и чем сильнее я старался, тем невозможнее это становилось. Ты единственный человек, которого я не смог остановить. Единственный человек, которого я не смог одолеть, — Джек протягивает руку и заправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо, кладя ладонь на мою щеку. — Я был расстроен, потому что не думал, что смогу заполучить тебя, а ты — единственное, чего я действительно хотел.

Я кладу свою руку на руку Джека и прижимаюсь щекой к его прохладной ладони. Жаль, что у меня не хватило смелости сказать это вслух, рассказать ему, что я на самом деле чувствую. Что я люблю его. Интересно, слышал ли он когда-нибудь это раньше? Если да, то действительно ли тот человек имел это в виду? Или это был обман? Узнает ли Джек, что мои слова — правда? Отпугнет ли это его?

— У тебя есть я, Джек, — говорю я. И, хотя я не могу сказать ему больше, я могу показать. Я притягиваю его ближе, пока его губы не оказываются на расстоянии вытянутой руки от моих. — Я твоя, всегда. И ты мой.

Дыхание Джека согревает мою кожу, медленный выдох. Энергия течет между нами, как зыбкие волны под внезапным дуновением ветерка. И именно Джек придвигается на дюйм ближе, прижимается своими губами к моим, его рука погружается в мои волосы, чтобы обхватить сзади за шею, когда он углубляет поцелуй, проводя своим языком по моему. Его свободная рука находит мою талию, чтобы удержать равновесие, когда он прижимается ближе, требуя больше моих прикосновений, больше моих мыслей, пока внешний мир не исчезнет. Стрелы выпадают из моей руки, и я хватаюсь за его куртку, целуя его в ответ со

всей остротой чувств, которые я пока не могу выразить словами, но которые ему нужно знать.

Я почти готова сорвать с него одежду, когда Джек замедляет поцелуй, прижимаясь своим лбом к моему, как будто разлука для него так же болезненна, как и для меня.

— Я хочу наблюдать за тобой, — шепчет он, не отрывая взгляда от моих губ. Мои глаза закрываются, он запечатлевает долгий поцелуй на моей щеке, задевая ресницы. Джек высвобождает мою руку из-под своей куртки и кладет выпавшие стрелы мне на ладонь. Его поцелуй оставляет мою кожу только для того, чтобы еще раз прижаться к моему лбу, а затем его прикосновение исчезает, мое сердце бьется о кости до боли.

Джек молча наблюдает, как я готовлю лук, вынимаю еще несколько стрел и убираю их в колчан. Я отодвигаю рюкзак и кейс к стене, где они будут вне поля зрения, а затем жестом подзываю его, поднимая планшет. Мы прижимаемся к бревнам в углу коттеджа, откуда сквозь перила крыльца нам видна узкая тропинка. Я передаю планшет Джеку и перемещаюсь по меню, чтобы открыть дверные замки и элементы управления.

— Это ты все установила? — спрашивает Джек, когда я навожу курсор на команду открыть все двери, включая ту, что ведет в стеклянную клетку, где Колби сидит на своей кровати, обхватив голову руками.

— Конечно. Не нанимать же мне кого-то. Это может вызвать вопросы, не кажется? — я нажимаю кнопку подтверждения, и мы наблюдаем на экране, как стеклянная дверь отпирается и распахивается, Колби вздрагивает и поднимается на ноги, рассматривая свою потенциальную свободу с обоснованным подозрением.

— Это реально впечатляет, Кайри.

Я фыркаю от смеха, услышав восхищение в низком голосе Джека.

— Теперь ты знаешь, почему я была так зла, когда ты обвинил меня в инциденте с криофризером.

Мы замолкаем, наблюдая, как Колби использует свой шанс сбежать. Он выходит из стеклянной клетки и кружит по комнате в поисках оружия, вытаскивает большой нож из ряда лезвий на стене. Он ускоряется, открывает дверь внизу лестницы и поднимается по ней, останавливаясь, когда достигает второй двери, ведущей в подвал. Когда он находит выход на главный этаж, я накладываю стрелу на тетиву и бросаю взгляд и коварную улыбку Джеку, прежде чем подняться и выглянуть из-за угла.

Колби старается ступать легко по половицам, но я все равно слышу каждый звук его босых ног, когда он пересекает гостиную, входная дверь уже достаточно приоткрыта, чтобы он мог выйти. Я отклоняюсь назад, скрываясь из виду, когда он замирает, дойдя до крыльца.

Мгновение спустя он бежит, как загнанный олень.

Я готовлю стрелу, наблюдая, как Колби несется по доскам, дикий и рассеянный, даже не касаясь ступенек крыльца, спрыгивает и приземляется на траву, устремляясь к дорожке. Он набирает скорость на небольшой поляне. Бежит, спасая свою жизнь.

Нога Колби со всей силы ныряет в капкан, металлические челюсти щелкают по его костям под звук его крика.

Крики, наполняющие поляну, полны боли и отчаяния, Колби пытается осмыслить то, сейчас произошло, и справиться со своей болью. Я наблюдаю через прицел, как он хватается челюсти и тянет, крича на них, когда они не отпускают его ногу. Заостренные железные зубы вонзятся глубоко, вероятно, задев кость. Волнение пробегает у меня по спине, когда я представляю момент, когда смогу увидеть повреждения вблизи. Когда Колби, кажется,

понимает, что его усилия тщетны, он встает на здоровую ногу и, прихрамывая, делает шаг вперед, забыв нож среди хрустящих опавших листьев.

Я разжимаю пальцы и пускаю стрелу в полет.

Колби с отчаянным криком падает на колени. Я поворачиваюсь к Джеку, прикрыв рот рукой, безуспешно пытаюсь подавить смех.

— Кажется, я выстрелила ему в зад, — шепчу я, пока Колби продолжает вопить на краю поляны. Мы выглядываем из-за угла хижины, чтобы посмотреть, как он корчится в агонии. Его рука болтается за спиной, он пытается сообразить, что делать со стрелой, торчащей между ягодиц.

— Она определённо там, — говорит Джек. Колби отвлекается от стрелы и снова сосредотачивается на тропинке, вскрикивая при каждом тяжелом движении в своих тщетных попытках убежать. — Впечатляющий выстрел.

— Спасибо. Этот даже лучше, чем в тот раз, когда я проткнула Майку Коннорсу член и яйца одним выстрелом, — отвечаю я, передавая лук Джеку. — Думаю, мне следует положить конец его страданиям.

Колби не успел далеко уйти, даже не скрылся из виду с поляны, пока тащился по тропинке. Он не слышит, как я приближаюсь, не понимает, что я прямо за ним, пока я не хватаюсь за цепь ловушки и не дергаю. Он вскрикивает, я наваливаюсь на него всем своим весом, перекидывая ржавые звенья через плечо, поворачиваюсь к коттеджу и тащу его обратно на поляну. Джек выходит на крыльцо, чтобы понаблюдать за нашими успехами, он вынимает из карманов руки и сжимает в кулаки, а взгляд становится убийственным, когда Колби удаётся пнуть меня по икрам свободной ногой. Черeda оскорблений и непристойностей, которые Колби выкрикивает в мой адрес, только затемняют ауру другого убийцы среди нас. Джек почти дрожит от ярости, подходит на несколько шагов ближе, но резко останавливается, когда я вскидываю руку и одариваю его безмятежной улыбкой.

— Ты медленно учишься, да, мистер Кэндимен, — говорю я, снимая цепочку и доставая охотничий нож, пристегнутый к моему поясу. Я поворачиваюсь к Колби, когда он пытается оттолкнуть меня ногой, подтягиваясь назад на бедре и воя от боли, стрела вонзается в землю. Слезы прокладывают горячие дорожки по его коже. Черeda просьб, ругательств и отчаянных молитв срывается с его дрожащих губ. — От меня не убежишь.

Я бросаюсь вперед. Колби делает все именно так, как я и предполагала.

Мой клинок встречается с внутренней стороной его бедра. Я вгоняю его глубоко, перерезая бедренную артерию. Когда вынимаю нож, кровь хлещет мощными струями, пропитывая его тонкие брюки.

Я, не теряя времени, падаю на колени, а Колби хватается за бедро в попытке остановить кровотечение.

— Ни одной женщине больше никогда не придется молить тебя о пощаде, — шепчу я, вонзая нож в гортань Колби, заглушая его крики. Его безуспешные попытки дышать и глотать вибрируют в моей руке. В мгновение, которое кажется слишком коротким, борьба затихает, и Колби обмякает на клинке.

Когда Колби замирает, я вытаскиваю нож из его горла в потоке крови, вытираю заточенную сталь о его рукав, прежде чем положить его рядом с собой на землю, восстанавливая дыхание. Эйфория разливается по моим венам с каждым ударом моего сердца. Адреналин. Господство. В послесвечении чувствуется облегчение, как будто занозу вытащили из кожи. Но в тот момент, когда Джек обнимает меня, я понимаю, насколько мне

лучше, когда он здесь. Я хочу большего, и только он может дать мне это.

— Лилль Мейер... — шепчет он, прижимаясь губами к моей шее. У меня перехватывает дыхание, его ладонь скользит вниз по моей куртке, задерживаясь на груди, мои соски заостряются под слоями одежды, которые внезапно кажутся слишком горячими. Рука Джека продолжает двигаться вниз, пока не обхватывает мою киску. Я прижимаюсь к его прикосновениям, отчаянно нуждаюсь в трении.

— Интересно... если я просуну пальцы в твои трусики, твое влагалище будет влажным и отчаянно нуждающимся в моем члене?

Стон срывается с моих губ, когда я не ощущаю прикосновение Джека, стон превращается в звук потребности, когда я слышу, как расстегивается пряжка его ремня и молния.

— Почему бы тебе не выяснить это?

Джек проводит рукой по моему бедру, расстегивает ремень и пуговицу на моих штанах, а затем стягивает их вниз грубыми и нетерпеливыми рывками. В следующее мгновение серьга на головке его члена прижимается к моей дырочке, и он входит в меня одним жестоким толчком.

— Именно так, как я и подозревал. Чертовски мокрая.

— Это потому, что ты наблюдал, — шепчу я, когда он врезается до упора, его рука обхватывает меня за талию, он толкает меня вперед. Мои пальцы зарываются во влажную землю, а Джек сжимает мою задницу и толкается, один сокрушительный удар за другим, каждый удар — долгое скольжение его члена, так что я чувствую каждую ступеньку лестницы из шипованных сережек, тянущихся по нижней стороне его стояка. Изогнутый стержень на головке члена разжигает каждый нерв, глубокую потребность и темную фантазию. Джек обхватывает мой клитор и дразнит, надавливая и отстраняясь легким, как перышко, прикосновением, вытягивающим стоны. Но именно его слова по-настоящему подводят меня к краю.

— Посмотри, что ты наделала, — говорит он, наклоняясь вперед, чтобы коснуться губами моего уха, его мощное тело накрывает мое. Ритм толчков не нарушается. — Медвежий капкан на ноге. Стрела в заднице. Повсюду кровь. Что ты чувствуешь по поводу жизни, которую только что отняла?

— Удовлетворение... — я стискиваю зубы, испытывая восторг от каждого карающего толчка. — Я чувствую... наслаждение.

— Что еще? Ты недоговариваешь, Кайри.

Рука Джека обхватывает мое горло, и я сглатываю. Мое сердце колотится о его ладонь. Впервые я осознаю, в какой опасности нахожусь. Все улики, которые у меня есть на Джека, находятся прямо здесь, в этой хижине. У меня в морозилке лежит половина трупа. Я только что убила человека. И теперь все, что Джеку нужно сделать, это надавить, и я буду бессильна помешать ему покончить со всем и уйти.

Это так волнующе.

Мое надвигающееся освобождение начинает зарождаться внутри, самые глубокие мышцы напрягаются, нервы загораются, как взрывающиеся звезды.

— Я чувствую себя неукротимой... бессмертной. Человеком, которого нужно бояться.

Джек одобрительно мурлычет мне на ухо. Его движения замедляются до долгих, плавных скольжений. Он удерживает меня на грани оргазма, который готов прорваться сквозь каждую клеточку моего тела.

— Я никогда не видел ничего прекраснее твоей улыбки, когда ты оттащила Колби с тропинки. И я никогда никого так отчаянно не хотел убить, как тогда, когда подумал, что он может причинить тебе боль, если будет сопротивляться. Но ты права, Лилль Мейер. Ты неукротима. Ты словно солнце и всепоглощающий огонь, — говорит он, отпуская мое горло и погружая член так глубоко, как только может, пока я не начинаю сомневаться, где заканчивается он и начинаю я. Джек прижимается к клитору, и я стону его имя, как молитву. — От моих прикосновений ты трепещешь. Умоляешь, когда мой язык на твоей киске. Стонешь, когда мой член в твоей пизде. Когда сперма потечет по твоим ногам, скажи, что я единственный, кто тебе нужен. Единственный, кто может устоять в твоём пламени, пока ты сжигаешь мир дотла.

Слова Джека оседают у меня в груди, как падающий снег. Я чувствую их кристальное прикосновение, когда они охлаждают тьму моих глубочайших страхов.

— Всегда будешь только ты, Джек, — шепчу я. — Неважно, куда ты пойдешь и что будешь делать. Я хочу лишь тебя.

Наступает момент тишины. Я слышу каждый шорох ветерка в листьях, которые цепляются за ветви, тянущиеся над нами. Я могу сосчитать каждый удар своего бьющегося сердца.

Когда момент проходит, ритм толчков Джека возобновляется. Это ритм, в котором чувствуется отчаяние, наполненное потребностью, как будто все то, что мы не можем сказать друг другу, подталкивает нас к краю пропасти. Его пальцы кружат по клитору, его прикосновения скользкие от моего возбуждения, другой рукой он сжимает мое плечо для опоры, пока трахает меня с жестокой силой.

— Ты уничтожаешь каждую унцию моего самообладания, — выдыхает Джек позади меня, ослабляя нажатие на клитор, когда чувствует, как я сжимаюсь вокруг его эрекции. — Я хочу трахать тебя до тех пор, пока ты не начнешь умолять меня перестать доводить тебя до оргазма.

Прерывистое дыхание обжигает мою грудь, он безжалостно толкается, именно так, как я хочу.

— Я... не думаю... что когда-нибудь смогла бы, — говорю я, отрывая одну руку от земли ровно настолько, чтобы схватить Джека за предплечье в безмолвной мольбе о продолжении. Он обводит клитор широкими кругами, и я стону, снова обретая равновесие, хотя мир вращается вокруг. Моя киска сжимается от каждого глубокого толчка, и я кончаю, разрядка захлестывает меня, когда я выкрикиваю имя Джека.

Джек замедляется лишь на мгновение, его прикосновения становятся все более легкими, он ведет меня через каждую секунду экстаза. Когда я уже готова рухнуть бескостной грудой плоти на холодную землю, длинные раскачивающиеся удары возобновляются, и его ритм снова нарастает.

— Сказала, что не станешь умолять перестать заставлять тебя кончать, а? — Джек шепчет мне прямо в ухо, его голос сам по себе является темным и соблазнительным оружием. — Вы бросили мне вызов, доктор Рот? Звучало именно так...

О боже.

Я пытаюсь придумать какой-нибудь связный ответ, но слова не хотят складываться в предложения на языке, особенно когда грубая ладонь Джека теплой лаской скользит по моей ягодице.

— Я задал вам вопрос, доктор Рот. Но если вы не собираетесь отвечать, — говорит он,

когда его ладонь покидает мою кожу. — Я с радостью тебя отшлепаю, пока не ответишь.

Сильный шлепок прилетает по моей коже, и я наклоняюсь вперед с визгом, который переходит в тихий стон. Рука Джека поглаживает ожог на ягодице, он скользит внутрь.

— По-прежнему нет ответа?

Я прикусываю губу, впиваясь ногтями в землю, и качаю головой.

Еще один шлепок по заднице, и я вскрикиваю, когда моя киска сжимается вокруг члена Джека. Глубоко внутри нарастает боль. Больше. Я хочу большего. Все больше и больше, пока не перестану даже думать, пока не потеряю рассудок. Пока единственное, что будет существовать, — это я и Джек. Пока весь мир не исчезнет.

Джек откидывается назад, его ритм ровный, он обхватывает меня за талию одной рукой.

— Я с таким нетерпением ждал возможности увидеть на твоей коже красивый оттенок красного.

Раздается еще несколько шлепков, их жжение ослабевает от ласк Джека, боль неотличима от удовольствия. Каким бы ни был вопрос, он давно забыт, пока Джек трахает меня, наполняя своей длиной. Моя киска набухла от ноющего желанья, кожа горит под его ладонью. Джек держит меня на самой грани от разрушения на части, иногда отрываясь от ударов, чтобы нежно провести пальцем по клитору, прежде чем вернуться и еще раз шлепнуть по заднице.

В какой-то момент мои стоны складываются в одно слово: *пожалуйста*.

На мгновение движения Джека замедляются, он проводит ладонью по моей пылающей коже.

— Не слышал ничего более слаще твоей мольбы, лепесточек. Давай еще раз.

Я даю Джеку именно то, что он хочет.

Когда с моих губ срывается череда просьб. Я умоляю его подвести меня к краю и столкнуть вниз. Я умоляю его разорвать меня на части. Чтобы он наполнял меня до тех пор, пока с меня не начнет капать его сперма.

Дикое рычание наполняет поляну, Джек наносит сокрушительные удары. Мои пальцы сжимают пучки травы. Звезды разбиваются вдребезги перед моим взором. В голове слышен лишь пульс. Джек кончает мгновение спустя, его толстый и усеянный шипами ствол проталкивается так глубоко, как только может, пульсирует, изливаясь в меня.

Мир оглушен давлением, сердцебиением и прерывистым дыханием. И Джек остается там надолго, мы переводим дыхание, не ускользая, пока внезапный холод не заставляет меня вздрогнуть. Он натягивает трусы и штаны, поднимает меня на ноги.

— Я немного не в себе, — говорю я, глядя на пятна на своих ладонях, на грязь под ногтями.

— Ты мне нравишься такой, — отвечает Джек, опускаясь передо мной на колени, чтобы задрать мои трусики. Он замирает при виде спермы на внутренней стороне моих бедер. Его прикосновение благоговейно, проскальзывает сквозь блестящее возбуждение, размазывая его по моей коже. Он набирает немного на палец и засовывает его обратно в мою киску. — Очень нравишься.

— Вы извращенец, доктор Соренсен, — говорю я с ухмылкой.

— И тебе это нравится.

Мое сердце отбивает тяжелые удары, и я отвожу взгляд от Джека, когда он натягивает трусики на мою задницу, затем и штаны. Мои мысли прикованы к хижине, к ящику в подвале. Мой разум настолько поглощен волной страхов, которые я загоняла в самые темные

уголки, что я не замечаю, как Джек наблюдает за мной, пока он не поднимается на ноги.

— Кайри...? Что такое?

— Ничего, — говорю я со вспышкой улыбки. Джека, похоже, не убедила моя первая попытка, поэтому я стараюсь немного усерднее, улыбаясь еще. — На самом деле ничего. Я недавно получила сообщение от доктора Кэннона перед твоим приездом. Я должна была встретиться с ним сегодня днем, но он перенес встречу на утро. Он сказал, что это срочно, — говорю я, глядя на часы, и моя слабая улыбка исчезает. — У меня не будет времени пойти переодеться. Если я не уйду как можно быстрее, не уверена, что успею.

Джек хмурится.

— Он не может подождать? — когда я качаю головой и пожимаю плечами, Джек хмурится еще сильнее. — Напиши мне, как только доберешься до офиса. Мне не нравится мысль о том, что Хейз может околачиваться рядом с тобой. Я позабочусь обо всем, — предлагает Джек, кивая в сторону тела. Злая усмешка рассеивает беспокойство, которое омрачало выражение его лица всего мгновение назад. — Возьму кое-какие сувениры.

— Вообще-то, это было бы здорово. Если не возражаешь, упакуй лук и убери его в подвал, когда закончишь, я заново активирую ловушки.

Джек кивает, и я отворачиваюсь, прежде чем он сможет прочитать что-нибудь еще по моим глазам. Пока мы работаем, между нами не произносится ни слова, Джек чистит мои стрелу и нож, а я расставляю ловушки, спрятанные по периметру поляны. Когда заканчиваем, мы стоим лицом друг к другу рядом с телом Колби, его мертвые глаза устремлены в небо.

— В подвале есть оборудование, если нужно, — говорю я, мое сердце так сильно колотится о грудину, что я уверена, это втравит мои страхи в кости. Складка пролегает между бровями Джека, его взгляд опускается на румянец, заливающий мои щеки.

— Ты уверена...

— Там есть еще кое-что. В подвале. Для тебя, — говорю я. Джек наклоняет голову, прищуривается. Я протягиваю ему планшет, и он неуверенно берет его. Когда он поднимает взгляд, моя выжидательная улыбка становится кривой и лукавой. — Это не ловушка, клянусь. Я не смогу запретить тебя, если планшет будет с тобой.

Взгляд Джека возвращается к планшету, и, прежде чем он успевает спросить, я сокращаю расстояние между нами, приподнимаясь на цыпочки, чтобы прижаться к его губам.

И в кои-то веки время замедляется в самый подходящий момент.

Я чувствую каждый вдох. Я наслаждаюсь каждым миллиметром кожи, который поглощают мои прикосновения, когда кладу одну руку Джеку на затылок. Вдыхаю аромат ветивера, теплый и успокаивающий. Вкус его губ, нежную ласку его языка. Холод в кончиках его пальцев, когда они проводят по моей щеке, путаясь в волосах. То, как его рука ложится мне на спину, чтобы прижать к себе. Как будто меня лелеют. Как будто ни за что не отпустят.

Но он отпускает, и время отказывается замереть.

— Пока, Джек, — говорю я, исчезая с самой лучезарной улыбкой, на которую только способна. Джек, должно быть, собирает кусочки мозаики воедино, потому что он не озвучивает свои вопросы. На самом деле он вообще ничего не говорит. Он просто долго смотрит в сторону хижины, прежде чем снова перевести взгляд на меня.

Я делаю глубокий вдох.

А потом ухожу.

Я стараюсь не оборачиваться, но, когда добираюсь до начала тропинки, ничего не могу с собой поделать. Я останавливаюсь и оглядываюсь через плечо, вижу, что Джек наблюдает за мной с непроницаемым выражением лица. Он именно такой, каким я всегда хотела бы его себе представить. Красивый и свирепый. Мой ангел мщения, за спиной которого стоит моя хижина, где все секреты спрятаны в подвале, а моя добыча лежит у его ног.

— Спасибо тебе, Джек, — говорю я. В моей улыбке есть мягкость. И в глазах. Я чувствую счастье, когда жгучие слезы подступают к моему горлу.

Бросив на Джека взгляд, которого хватит, чтобы запомнить навсегда, я оставляю его позади.

Скрываясь из виду, я начинаю бежать.

Почти полмили по извилистой, заросшей корнями тропинке обратно к небольшой поляне, где обе наши машины припаркованы недалеко от лесовозной дороги. Мой «Лендровер» мчится по гравийной дороге так быстро, как только я осмеливаюсь, и всего через несколько минут я уже на шоссе, направляясь обратно в Уэствью.

Через двадцать минут я уже у дома Джека.

Корнетто следует за мной по пятам, пока я поднимаюсь вверх, стараясь сохранять непринужденность в движениях, хотя с каждой секундой мои внутренности скручиваются все туже. Я вхожу в свободную спальню, где есть письменный стол, и настраиваю свой рабочий ноутбук, входя в университетский ВПН. Затем открываю свой личный ноутбук и ставлю его рядом с рабочим компьютером, знаю, что мое тело будет служить барьером для камеры, скрытой в углу комнаты.

Я стараюсь свести свои движения к минимуму, когда взламываю систему безопасности Джека и делаю записи себя и других комнат дома. Затем настраиваю несколько рабочих электронных писем на отправку в произвольное время в течение следующих нескольких часов, прежде чем установить курсор мыши на джойстик. Когда все настроено, я перехожу к трансляции с камеры и настраиваю воспроизведение своего видео в цикле. Это не самое идеальное алиби, но сойдет.

Я поворачиваюсь к Корнетто, он бьет хвостом по одеялу на гостевой кровати.

— Пожелай мне удачи, Корн-Дог.

Напоследок погладив и поцеловав в макушку, я оставляю Корнетто охранять дом в одиночестве.

Я еду по боковым улочкам обратно к своему дому, зная, что по этому маршруту нет камер. Когда прихожу домой, я паркуюсь в гараже на заднем дворе, затем направляюсь через двор к дверям во внутренний дворик. Дом тих и неподвижен, его детали сейчас одновременно приветливы и чужды мне. Там, где дом Джека кажется монохромным, мой изобилует цветами и узорами. Яркие картины и макрофотографии дикой природы сочетаются с сувенирами, которые я приобрела во время летних полевых исследований. Но почему-то сейчас я чувствую себя как в музее. Даже несколько дней другой жизни превратили одинокие дни, проведенные здесь, в воспоминание.

— Лучше заново привыкать, — говорю я себе.

Я останавливаюсь перед фотографией в гостиной. Это один из фрагментов программы «пометить и отпустить», над которой я работала, поддерживая исследование профессора о поведении рыси. Мы усыпили кошек и надели на них радиоошейники, чтобы составить карту их территорий и взаимодействий. На фотографии я улыбаюсь в камеру, моя рука покоится на

шерсти спящего самца. Ошейник должен оторваться через пять лет. Где-то, если самец все еще жив, то сейчас свободен от нас, охотится, сражается и живет без нашего бдительного присмотра.

Если я добьюсь успеха, то же самое будет и с Джеком. Он сможет идти, куда захочет, без угрозы от Хейза или горы моих улик, которые помешают ему осуществить свои планы. И на этот раз я не буду преследовать его по пятам.

Я смотрю на часы, пока выполняю следующие шаги. Достая пистолет из оружейного сейфа. Отправляю сообщение Джеку. Отправляю сообщение Хейзу.

Я уже собираюсь свернуть в подвал, когда что-то ударяет меня в спину.

В ошеломлении падаю на пол. Такое чувство, будто осы ползают у меня под кожей, жала мозг. Мои зубы стискиваются, а тело сотрясает дрожь. Боль прекращается так же внезапно, как и началась, но я слишком потрясена, чтобы пошевелиться.

Даже если бы я могла, уже слишком поздно.

Мокрая тряпка зажимает мне нос и рот. Я пытаюсь задержать дыхание и бороться, но это неизбежно. Один вдох сладкого аромата цитрусовых и ацетона, и у меня кружится голова.

— Все будет хорошо, Изабель, — говорит мужской голос, перекрывая мой слабый протестующий стон. — Просто поспи.

Глава 21

Судно

ДЖЕК

В домике тихо. Окружающий лес что-то приглушенно шепчет. Щебет лесных дроздов, которые опаздывают на миграцию. Шорох белок в густом подлеске. Я убираю стрелы и составной лук в футляр, отдавая должное вкусу Кайри в оружии.

Когда смотрю на начало тропы, во мне просыпается настойчивое желание последовать за ней, образ того, как она уходит, оставляет свежее впечатление, и я бросаю взгляд на мертвое тело у своих ног.

Это первый случай, когда утилизация тела стала неудобством.

Я кладу планшет на безжизненную грудь Колби и проверяю время на своем телефоне, устанавливая будильник, который предупредит меня через двадцать минут — время, необходимое Кайри, чтобы добраться до университета на свою встречу.

Убирая телефон в карман, я оглядываю лесистый пейзаж и понимаю, почему ей здесь так нравится. Одиночество, уединенная жизнь. Дикая природа для изучения. Сентиментальная привязанность к семейной хижине.

Ей будет трудно отказаться от этого.

После того, как обвязываю веревку вокруг лодыжек Колби и закрепляю узел, я кладу чехол для лука рядом с планшетом у него на груди и тащу его туда, где перетаскивать отрубленные части тела будет менее утомительно.

Как только я перенесу его всего в подвал, то смогу начать процесс снятия кожи. Я признаю, что прошло слишком много времени, и моя кровь бурлит в жилах в предвкушении.

Сейчас я направляюсь туда, чтобы найти ножовку, и обязательно беру с собой планшет. Не то чтобы я не доверяю своей прекрасной маленькой жрице, но всегда нужно быть готовым к сюрпризу в подвале. Особенно учитывая, что моя лисица, как известно, оставляет мне на обед случайные части тел.

Когда я открываю дверь, мой взгляд падает на стеклянную перегородку, занимающую половину пространства.

Как, черт возьми, она притащила сюда стеклянную клетку?

Сама изобретательность этого сооружения поразительна, от его ужаса захватывает дух.

И я понимаю, что это комната убийств Кайри.

Морозильная камера в углу привлекает мое внимание, и я прохожу мимо многочисленных блестящих инструментов вдоль стены, направляясь к ней, а также к письму, написанному от руки, которое замечаю на крышке устройства. Я беру письмо в руки, узнавая свою почтовую марку.

Дорогой Джек,

Все, что здесь есть, — это благодаря тебе.

Я думала, что будет больно отдавать эти вещи. С того момента, как мы впервые встретились в моем доме, я цеплялась за каждую частичку тебя, которую могла найти. Я знаю, ты думаешь, что не спас меня в тот день. Может быть, ты и прав, но не в том смысле, в каком ты считаешь. Ты дал мне шанс спастись. Знал ты это или нет, Джек, но ты стал фундаментом, на котором я перестроила свою жизнь.

Может, именно поэтому мне не больно возвращать эти частички себя обратно. Потому что теперь я могу постоять за себя. Поднимаясь со дна, я наслаждалась, строя свою жизнь заново. Возможно, эта жизнь не для каждого, но она моя, и я такая, какой хочу быть. И я хочу разделить с тобой свою жизнь. С настоящим тобой, а не тем мужчиной, которого, как мне казалось, я знала по тем кусочкам, которые ты оставил позади, и моментам, которые я выслеживала.

Итак, я дарю тебе эти вещи с легкостью на сердце. Я не настолько наивна, чтобы думать, будто ты не возьмешь их и не исчезнешь. Я знаю, что ты намерен покинуть Уэст-Пейн, Джек. Обещаю, что на этот раз не последую за тобой. Я могу только надеяться, что произошедшее между нами было для тебя таким же реальным, как и для меня.

Я создала образ ангела мщения, который ворвался в мою жизнь вместе с холодным ветром в мой самый мрачный час. Я хотела уничтожить человека, которого встретила после долгих лет наблюдения из тени. И я люблю мужчину, которого узнала в процессе попыток сжечь его дотла.

Я люблю тебя, Джек Соренсен. Ты единственный мужчина, которого я когда-либо любила. Единственный мужчина, который у меня когда-либо будет.

Навеки твоя,

Лилль Мейер

Я складываю письмо медленно и обдуманно, выравнивая углы так, чтобы они точно сходились, прежде чем рассеянно провести пальцем по сгибу. Внизу живота возникает жжение, когда мой взгляд скользит по вещам, которые она разложила рядом с морозилкой.

Я открываю папку из плотной бумаги. Внутри — вырванные страницы из журнальных статей. Фотокопии изображений из журнальных публикаций, автором которых я был. Прилагается несколько пресс-релизов, но есть и маленькие сувениры, такие как квитанции, стикеры для заметок, даже ручка — я смутно узнаю ее, когда беру в руки знакомый мягкий на ощупь корпус.

Среди предметов — одна из моих учебных программ, которую я вёл во время защиты докторской диссертации в Университете Ревери Холл в Эшгроуве.

Но одинокий клочок бумаги привлекает мое внимание. Сохраненный в первоизданном

виде и заламинированный чек из ресторана-бара Arley's Campus. *Университет Реверри-Холл. Оплачено наличными. Пеллегрини. Салат «Цезарь» с курицей. Капучино.*

Датировано тем днем, когда я убил Уинтерса.

Я упираюсь ладонями в край морозилки и бормочу проклятие.

Моя маленькая сталкерша.

Кайри следовала за мной годами, наблюдала, собирая сувениры. И все это без моего ведома.

Сгорая от любопытства, я поднимаю крышку морозилки и обнаруживаю половину тела. Несмотря на то, что он запечатан в пластиковую пленку, я знаю, что это вторая половина Мейсона Дюмонта. Как одно из тех дружеских сердец, разбитых надвое, наше сердце — мертвое тело, и она отдает мне свою отрезанную половину.

Она просто пожертвовала своим преимуществом.

Беспокойство покалывает мою плоть. Я проверяю телефон, ожидая, что на экране высветится сообщение от Кайри. Мой большой палец зависает над экранной клавиатурой, готовый набрать текст...

Я тяну время.

Кайри попросила меня зайти в ее хижину. Она хотела, чтобы я был здесь. Один. Где я мог бы прочитать ее письмо. Она дает мне время все обдумать и проанализировать, но более того, она позволяет мне побыть в одиночестве, чтобы принять решение.

Она не хотела произносить эти слова вслух; она чувствовала, что есть шанс, будто я отвергну ее предложение, отвергну ее саму.

В большинстве случаев я могу имитировать эмоции, необходимые для того, чтобы слиться с обществом, даже очаровать людей. Я усовершенствовал манипуляцию, чтобы скрываться под маской.

С Кайри нет никакой маски. Она видит безжалостного убийцу, бесчувственное чудовище. Черт возьми, она наблюдала за мной годами. Она видит меня всего — так неужели не видит, *что* она значит для меня?

Я разворачиваю письмо и перечитываю его еще раз, пытаюсь расшифровать весь смысл.

Я знаю, что ты намерен покинуть Уэст-Пейн, Джек.

Она знала о моем переводе. Она просит меня остаться? Она прощается? Неужели она позволит нам так легко расстаться?

— Черт, — я ударяю сжатым кулаком по морозилке, разочарование действует мне на нервы.

Имитация проста. Меня сбивают с толку нюансы человеческих эмоций и настроений, а Кайри — самая чертовски сбивающая с толку из всех.

Проводя пальцами по растрепанным волосам, я решаю, что это именно то, чего хочет Кайри. Она хочет, чтобы я был здесь, размышлял о нас и нашем будущем, и единственный способ, который помогает мне ясно мыслить, — это когда я потрошу тело.

Она, блять, наверное, тоже это знает.

Я обыскиваю подвал, пока не нахожу виниловую накидку и перчатки, затем следующие пятнадцать минут методично и четко расчлениваю Колби. Когда на моем телефоне звучит будильник, маленький кусочек гнева закапывается под кожу.

Я сдергиваю перчатку и хватаю телефон, чтобы отправить ей сообщение:

Позвони мне.

Через полминуты, когда она не отвечает, я решаю, что дал Кайри достаточно времени. Я

дал ей четкую инструкцию написать мне, когда она придет в университет. Мне не нужно, чтобы она медлила.

Я иду прямо к ней.

Использую пластиковую пленку Кайри, чтобы запечатать конечности и туловище Колби, затем убираю куски в морозилку вместе с половиной Мейсона. Я быстро провожу уборку, планируя вернуться, чтобы выполнить более тщательную работу.

Даже с учетом дорожных пробок мне требуется меньше двадцати минут, чтобы добраться до парковки в Уэст-Пейне. И за две минуты я добираюсь до ее пустого кабинета.

Я стою в дверном проеме, впитывая каждую деталь, свидетельствующую о том, что Кайри сегодня ни разу не была в этой комнате. Огонь отчаяния разгорается в моей груди, когда я направляюсь в кабинет доктора Кэннона.

— Где она? — требую я.

Хью поднимает взгляд от экрана компьютера, между его бровями пролегает глубокая морщина.

— Извини, Джек, но кого ты имеешь в виду?

— Кайри... — я стискиваю зубы. — Доктор Рот. Она сказала, что у нее сегодня с вами важная встреча.

Встав, он застегивает блейзер, озабоченность отражается на его глубоком задумчивом лице.

— Верно. Однако доктор Рот сказала, что ей нужно перенести встречу, потому что она неважно себя чувствует. Сегодня она работает дома над несколькими делами, — он опускает взгляд на экран и щелкает мышкой. — Я получил от нее электронное письмо всего несколько минут назад...

Его голос затихает, когда я убегаю по коридору.

Ее дом — это мой дом.

И я бы получил предупреждение службы безопасности, если бы она пошла туда.

Я достаю телефон и проверяю записи с камер. Есть одна запись, сделанная примерно двадцать пять минут назад. Доступ к системе был осуществлен с использованием моих регистрационных данных. Адреналин бурлит в сердце, когда я нажимаю на камеры, чтобы просмотреть комнаты.

Мои шаги резко замирают, я замечаю ее за столом в одной из гостевых комнат.

Все остальное выключено. Почему она тут? Почему она солгала о встрече? Мои вопросы тают, когда я замечаю, что ее рука зависла над мышкой на столе, а затем все мигает и гаснет.

— Гребанный... — я швыряю телефон в стену, с удовлетворением наблюдая, как он трескается и падает на пол. Я прижимаю ладони к прохладной стене, крепко зажмуриваю глаза и пытаюсь думать сквозь бешеный стук своего сердца.

— Джек...?

Подняв голову, я оглядываюсь и вижу, что Джой нервно прижимает к груди сумочку. Тишина в отделении проникает в мои чувства, и я поворачиваюсь, чтобы поймать устремленные в мою сторону обеспокоенные взгляды. Доктор Кэннон стоит в дверях своего кабинета, пристально наблюдая за мной.

Я отталкиваюсь от стены и делаю шаг навстречу Джой.

— Дай мне свой телефон.

Она моргает.

— Ничего не понимаю. Джек, это на тебя не похоже. Что случилось?

Терпение иссякает, я чувствую, как слой моей сфабрикованной маски спадает, и Джой замечает этот переход. Страх наполняет ее блестящие темные глаза.

— Твой телефон, Джой, — говорю я сквозь стиснутые челюсти. — Это из-за Кайри.

Она роется в сумке и протягивает телефон, ее широко раскрытый взгляд не отрывается от моего лица.

— Ой... с ней все в порядке?

— Сейчас и узнаем, черт побери, — я беру телефон и включаю экран. — Пароль?

Ее рот приоткрывается.

— Э-э... от одного до шести.

Я ввожу пароль, затем хмуро смотрю на нее.

— Скажи доктору Кэннону, что мои дневные занятия отменяются.

— Хорошо, Джек...

Без каких-либо дальнейших объяснений я оставляю Джой и других коллег, смотрящих мне вслед с озабоченным выражением на лицах. Я выхожу через запасной выход, чтобы быстрее добраться до парковки, и, сев за руль машины, делаю ровный вдох, затем пользуюсь телефоном Джой, чтобы позвонить Кайри.

Звонок перекидывает сразу на голосовую почту.

Сжимая устройство железной хваткой, я мысленно просматриваю ее письмо в поисках каких-либо подсказок, которые я пропустил. Несмотря на склонность Кайри временами быть эмоционально неустойчивой, не похоже, что она оставила бы все между нами.

Она не уйдет. Она не убежит от меня.

Настроила цикл повторяющейся записи на моих камерах... Установила алиби с помощью Кэннона... Оставила меня заниматься трупом...

Она выигрывает время.

Я завожу двигатель машины.

— Черт возьми. Она сама отправится за Хейзом.

Какого хрена она стала бы делать это без меня?

Она ведет себя импульсивно, подвергает опасности. Хейз, возможно, и не самый страшный злодей, которого стоит бояться, но он неуравновешен, нельзя сбрасывать его со счетов. Я провожу рукой по лицу, не зная, хочу я задушить ее или поцеловать, когда найду.

Паника поднимается из недр какой-то дремлющей части моей души, мучает.

Я найду ее.

Минуя дорогу, ведущую к моему дому, я еду прямо к последнему известному местонахождению Хейза. Он отсиживался в дешевом мотеле с тех пор, как приехал в Уэствью. По словам частного детектива, которого я нанял, чтобы разобраться с бывшим агентом, Хейз остановился в номере 212 гостиницы «Хоумстед Инн».

«Хонды» Хейза на стоянке нет. Возле комнаты я сначала подглядываю в окно, отмечая опущенные жалюзи, внимательно прислушиваясь к любым признакам движения внутри.

Затем отступаю назад и пинаю дверь. Та скрипит, но не двигается с места. Бормоча проклятия, я врезаюсь плечом в ослабевшую дверь и вваливаюсь в комнату, рама трескается, а щеколда поддается.

Выпрямившись, я оглядываюсь в поисках каких-либо признаков борьбы. Но их не должно быть, да? Кайри же готовилась. Она заманила бы его под ложным предлогом. Она охотилась бы за ним, как за одной из своих жертв, затем накачала бы его наркотиками,

усмирив в отдаленном месте, находящемся под ее контролем.

Куда бы она его отвела? Не в хижину, а в другое место, где я бы не путался под ногами.

Я роюсь в ящиках прикроватной тумбочки, прочесываю скудное содержимое шкафа. Никакого пистолета. Она бы заставила его оставить оружие.

Заметив ноутбук в изножье кровати, я открываю его и просматриваю файлы. Одержимость приобретает совершенно новый тревожный смысл, когда я открываю файл за файлом изображений Кайри на протяжении многих лет. Вскоре, однако, его нездоровая заикленность на ней переносится на меня, он копается в моем прошлом, чтобы связать меня с убийствами Молчаливого истребителя.

И в какой-то особенный момент ясности я осознаю, что Кайри думала, будто защищает меня от Хейза. В том случае, если у нее ничего не получилось бы, она прощалась. Одно последнее совместное убийство. Один последний жаркий секс. Передала мне свою собранную коллекцию... и вещественные доказательства Мейсона Дюмонта.

Она освободила меня.

Я срываю будильник с прикроватной тумбочки и разбиваю его о стену. Тяжело дыша, я смотрю вниз на разрушенный прибор.

Очевидно, я способен работать только в двух диапазонах. Поверхностный аффект и полномасштабная ярость.

Собравшись с духом, я разворачиваю ноутбук и углубляюсь в архивы Хейза о Кайри и нахожу документы о покупке дома детства Кайри.

Как, черт возьми, частный детектив пропустил это?

Я захопываю крышку ноутбука и, прежде чем у меня возникает искушение разбить и его об стену, сдерживаю склонность к насилию и засовываю его под мышку, забирая с собой, когда выбегаю из комнаты.

Нужно установить игровую доску. Расставить фигуры. Необходимо соблюдать правила.

Отъезжая от гостиницы «Хоумстед Инн», я звоню в местное полицейское управление, чтобы сообщить о пропаже доктора Кайри Рот. Я не завишу от действий властей; это запасная мера.

Понадобится несколько таких.

Если бы Кайри узнала, что Хейз владеет домом ее семьи, она бы захотела вырвать его все еще бьющееся сердце. Когда я найду их, я, черт возьми, позабочусь о том, чтобы она это сделала.

Так вот куда я еду. Без ничего. Никакого ножа. Никакой лигатуры. Никакого физического оружия.

Они нам не понадобятся.

Мы и есть оружие.

Глава 22

Падение

КАЙРИ

У меня болит шея, мышцы и сухожилия слишком долго растягивались под тяжестью наклоненной вперед головы. Тошнота скручивает желудок, и я стону.

Открываю глаза, но закрываю их в тот момент, когда мой одурманенный наркотиками мозг обрабатывает окружающее.

— Нет, — шепчу я. Желчь подступает к горлу, но мне удается сдержать ее. — Нет.

«Это всего лишь воспоминание, — сказал однажды Джек. — Это больше не реально».

Я делаю несколько глубоких вдохов, выпуская их тонкой струйкой воздуха между поджатыми губами.

Он прав. Это просто воспоминание.

Я снова открываю глаза.

— Это реально, — говорю я.

Мои глаза наполняются слезами, когда я вижу пустую гостиную дома моего детства.

Я напрягаю запястья и лодыжки, чтобы освободиться от стяжек, привязывающих меня к деревянному стулу в центре комнаты, но они еще ослаблены хлороформом. Глубокие вдохи наполняют мою грудь, я пытаюсь вывести наркотик из организма. Я хнычу, переводя взгляд на потолок, подальше от кремового ковра, который заменил тот, что когда-то впитывал кровь и битое стекло. Выглядит точно так же, как я помню.

Гудящая боль отдается в ушах, когда сердце набирает обороты, преодолевая остаточное облако успокоительного.

— *Отпустите меня, черт побери,* — кричу я пустому дому, грохоча стулом. Мой язык кажется слишком толстым во рту, из-за чего мои слова звучат невнятно. Пластик причиняет боль запястьям, я вкладываю всю свою оставшуюся силу в то, чтобы выкручивать руки в тщетной попытке освободиться.

— Извини, Изабель.

Хейз входит в комнату из кухни. Он выглядит извиняющимся. Но и решительным. Какой бы план он ни привел в действие, он полон решимости довести его до конца.

— Ты, блять, ударил меня электрошокером. И *накачал* наркотиками. Какое тут извини?

Дыхание вырывается у меня из груди, когда Хейз медленно сокращает расстояние между нами с бутылкой воды в руке. Он специально вскрывает запечатанную крышку, показать, что он к ней не прикасался. Мне ненавистна мысль о том, что он подносит ее к моим губам, как отец ребенку, но я отчаянно хочу пить. Я осушаю половину бутылки, все это время свирепо глядя на него.

— Я знаю, это кажется чересчур, — говорит Хейз, вытирая капельки с моего подбородка. — Но поверь, это для твоей безопасности и безопасности многих других.

— Сейчас я не чувствую себя в безопасности, мистер Хейз, — киплю я, натягивая путы до тех пор, пока кожа не начинает гореть. — Ты должен отпустить меня.

Его пристальный взгляд скользит по моему лицу с покровительственным выражением сочувствия. Я почти могу прочесть его мысли по серо-голубым глазам. *«Бедная девочка, она даже не понимает, что так будет лучше».*

Толстый палец Хейза скользит по моей щеке, и я вздрагиваю.

— Боюсь, я не могу этого сделать, Изабель. Это единственный способ вывести его из себя.

Чернота съедает границы моего зрения, и я закрываю глаза, пытаюсь замедлить дыхание. *Сосредоточься. Оставайся здесь.*

Когда я открываю глаза, приковываю их к Хейзу, единственной фигуры здесь, которая могла бы удержать меня от соскальзывания в прошлое. Тьма рассеивается, но ее присутствие витает в воздухе, как угроза далекой бури.

— Кого, мистер Хейз? Молчаливого истребителя? Удачи.

— Джек — не Истребитель, — говорит Хейз, завинчивая крышку на бутылке с водой и отворачиваясь.

— Да ладно, блять. Я все время тебе это говорила.

— Джек — призрак Три-Сити.

На мгновение воцаряется тишина, а затем мой недоверчивый смех наполняет комнату.

— Это безумие, Хейз. Кто, черт возьми, такой «Призрак Три-Сити»? Господи. Ты только что похитил женщину, чтобы поймать призрака?

Хейз ставит бутылку на пол и берет складной стул, прислоненный к стене, устанавливая его так, чтобы сесть напротив меня. Его внимание привлекает что-то на полу за моим левым плечом. Я поворачиваюсь так сильно, как только могу, и следую за его взглядом к широкому монитору и черному ящику на ковре, на экране которого отображаются данные с девяти разных камер, включая комнату, в которой мы находимся.

Когда Хейз снова смотрит на меня, он кладет предплечья на колени и переплетает пальцы.

— Я понял, в чем мы ошиблись, когда просмотрел видеозаписи одного из баров в центре Эшгроува. «Шотландец». Мы выслеживали нескольких потенциальных подозреваемых, все они были связаны со строительным бизнесом. Один был разнорабочим, который часто посещал бары в центре города, и «Шотландец» был его любимым.

Я сглатываю, туман от хлороформа рассеивается с каждым выбросом адреналина, который проходит через мое сердце.

— Итак, ты хочешь сказать, что знал, за кем охотишься, и куда он ходил, но ты его не поймал. А потом он убил мою семью и чуть не убил меня в процессе. И, вау, все это не имеет никакого отношения к Джеку. Правильно?

— Изабель...

— Кайри, ради всего святого...

— Ты же знаешь, Кайри, что все не так просто, когда дело касается ФБР. Есть процедуры, которым нужно следовать, и потенциальные альтернативные подозреваемые, которых нужно исключить. Составители профиля знали, что мы ищем кочевника, который не остается в одном месте жительства дольше нескольких дней за раз. Кого-то, страдающего паранойей. Но я был уверен, что знаю, кто это был. Тревор Уинтерс, — говорит Хейз, качая головой, и его взгляд устремляется через гостиную туда, где когда-то безжизненно лежали на полу тела моих родителей.

Он, кажется, теряется в воспоминаниях, его голос тоньше, когда он говорит:

— Уинтерс был главным подозреваемым. Мы получили информацию о том, что мужчина, соответствующий его описанию, забронировал номер в мотеле «Сокровище». ФБР собиралось провести там обыск. Я убедил босса, что у меня есть альтернативный план — установить ловушку в его наиболее вероятных охотничьих угодьях. Его видели в «Шотландце», куда студенты колледжа любили ходить за дешевыми напитками, и я попросил персонал устроить там в тот вечер розыгрыш с дешевыми напитками, чтобы привлечь местных ребяташек. Но Уинтерс в тот вечер не пошел в «Шотландец», и команда все равно совершила налет на отель.

Когда Хейз снова сосредотачивается на мне, в его глазах читаются одновременно раскаяние и убежденность.

— Я был уверен, что наш рейд отпугнул его, — говорит он. — Кажется, мы выгнали Молчаливого Истребителя из города, что он изменил свои методы, чтобы оставаться скрытым. Я продолжал искать его следы, что-нибудь, что подскажет, где он находится. Но, только приехав сюда, я понял то, что ускользало от меня все эти годы. Дьявол крылся в деталях. Доктор Соренсен.

Хейз достает из внутреннего кармана пиджака несколько черно-белых фотографий. Это зернистое изображение мужчины, стоящего в очереди в баре, скриншот из видео. Даже несмотря на плохое разрешение и отсутствие цвета, я сразу узнаю Джека.

— Седьмого сентября, в том же году, когда на тебя напали, — говорит Хейз. Он показывает мне другой. Затем еще один. И еще. Джек присутствует в каждом из них. — Тринадцатое сентября. Четырнадцатое сентября. Пятое октября.

Хейз показывает мне последнюю фотографию. На этом снимке я вижу еще одно знакомое лицо в профиль на переднем плане, а Джек сидит через несколько столиков от меня и Уинтерса.

Тревога Уинтерса. Молчаливого Истребителя.

Джек на снимке не реагирует. Он наблюдает. Он хочет подтверждения того, что его теории верны.

Пот покрывает мой лоб и заднюю часть шеи. Я сжимаю и разжимаю пальцы ног в ботинках. Я впиваюсь ногтями в потертые деревянные подлокотники.

Это вещи, к которым можно прикоснуться, они реальны. Этот человек на фотографии мертв. Джек дал тебе доказательство. Его последние останки — сокровище в твоей хижине.

Стальные нотки в моем голосе удивляют даже меня саму, когда я говорю:

— Переходи к сути, Хейз.

— После того, как ты повзрослела и вышла из приемной семьи и сменила имя, я следил за тобой, просто чтобы убедиться, что с тобой все в порядке. Но когда в районе колледжа Три-Сити стало происходить все больше исчезновений, все они были мужчинами, с которыми, казалось бы, практически не было связей, их тела так и не нашлись, и все это в широком радиусе вокруг тебя, я начал верить, что неуловимый Истребитель взялся за старое. Когда я услышал об исчезновении в университете, это было слишком близко. Я начал проверять всех, кто связан с тобой. Представь себе мое удивление, когда я просмотрел все собранные мной улики по убийце и нашел Джека Соренсена на видеозаписях из «Шотландца».

— Что именно это должно доказывать? Что Джек жил в том же городе, что и я, и вел светскую жизнь? Я уже знала это. Это *ничего* не доказывает. Кроме того, Джек работал в университете Уэст-Пейн раньше меня.

Хейз откидывается на спинку стула и перекладывает фотографии во внутренний карман пиджака.

— Сначала я подумал, что, возможно, мы все это время искали фальшивый профиль Истребителя. В этом был смысл. Джек — блестящий человек. Он мог замести следы в Эшгроуве, разделив свой метод действий, с одной стороны оттолкнул нас подальше, возможно, возложив вину на кочевника, а с другой, забирал других жертв. Но реальное объяснение гораздо проще, не так ли? Было два серийных убийцы.

— Я не понимаю, — говорю я.

— Джек убил Уинтерса, Молчаливого Истребителя. Как только угроза его территории была устранена, он двинулся дальше. Возможно, сначала он даже не понял, что ты выжила. Но когда ты появилась в Уэст-Пэйне столько лет спустя, это была возможность, от которой он не мог отказаться. И все это время он убивал в районе Три-Сити, развлекал себя до тех пор, пока не получил от тебя все, что хотел.

— Это теория не имеет *доказательств*. А теперь ты, блять, похитил меня и притащил —

именно сюда из возможных гребанных мест на планете, — говорю я, дико осматриваясь по сторонам, прежде чем устремить свирепый взгляд на Хейза. — Что ты собираешься со мной делать, когда он не появится, а? Убьешь меня в доме моего детства?

— Я знаю, тебе сейчас тяжело, но Джек не сможет устоять перед симметрией. И на этот раз нет никаких ненужных препятствий. Здесь нет никакой бюрократии. Никто не усомнится в доказательствах, которые находятся прямо перед нами. На этот раз мой план не провалится.

Нахмутив брови, я опускаю голову и закрываю глаза. Я знаю те части моей истории с Джеком, которые Хейз изложил правильно. Но я также знаю те, где он ошибся.

Джек не захочет приезжать. Для него я не образец симметрии, перед которым он не сможет устоять. Я не приз.

Он сам это сказал: я доставляю неудобства.

Джек заботился обо мне так сильно, как только мог, но только потому, что я его *вынудила*. И это, вероятно, сбilo его с толку. Я вывела Джека далеко за пределы его возможностей. Единственная причина, по которой он действительно остался, — это из-за угроз, которые я высказала в ту ночь, когда убила Мейсона. И теперь, предоставив ему доказательства, которые так долго хранила, я дала Джеку все основания уйти. *Немедленно*.

Я могу только надеяться, что он уже воспользовался своим шансом.

Ничто из этого не меняет моих чувств. Я знаю, что люблю Джека Соренсена. Как бы мне ни было больно признавать это, я также знаю, что Джеку будет лучше, если он воспользуется шансом и сбежит.

И он достаточно умен, чтобы тоже это понимать.

— Джек не придет, Хейз, — говорю я, качая головой. Слеза скатывается по моей щеке. — Он этого не сделает. У него больше нет для этого причин.

— Он придет. Ты изучала поведение хищника, Кайри. Ты лучше, чем кто-либо другой, знаешь, что люди по своей сути не так уж сильно отличаются от зверей. Джек считает, что он находится на вершине пищевой цепочки, и для такого человека, как он, ты — ценная добыча на его территории. Он придет, чтобы выгнать меня из своих владений и забрать обратно то, что, по его мнению, принадлежит ему, точно так же как он сделал с Молчаливым Истребителем

— *Нет*.

— Он, наверное, даже тебе это говорил, верно? Что ты принадлежишь ему? Ты — его?

Я могу только покачать головой, мои губы дрожат, я плотно сжимаю их.

«*Я здесь не претендую ни на кого, кроме тебя, Лилль Мейер*».

Мой подбородок опускается на грудь. Слезы каплют прямо из открытых глаз, я моргаю, глядя себе на колени. Мое сердце обжигает кости своими яростными ударами.

— Но он никогда не говорил, что любит тебя, не так ли? Потому что он не может. Джек — мастер манипуляций, и он хочет держать тебя в своей власти.

— *Прекрати*, — шепчу я. Несмотря на понимание, что он говорит правду, это все равно поражает меня в грудь, как огненная стрела, когда я слышу это со стороны, а не только в своем собственном сознании. Даже незнакомый человек легко увидел, с чем я боролась последние недели. Доказательства настолько очевидны.

Рука Хейза ложится мне на плечо, горячее клеймо проникает сквозь рубашку и впивается в кожу. Я пытаюсь отмахнуться от него, но он не двигается с места.

— Не трогай меня.

— Ты единственная выжившая Истребителя. Ты хоть понимаешь, насколько ценным это делает тебя в качестве приза для кого-то вроде Джека? — Хейз наклоняется, пытаюсь заставить меня встретиться с ним взглядом. Его горячее дыхание обдает мое лицо, наполняя ароматом кофе и черствых бутербродов. Меня чуть ли не тошнит прямо на колени. — Но ты должна понять: для Джека ты не более чем трофей. Он чрезвычайно опасен, Кайри. Нужно забрать тебя отсюда и доставить в безопасное место. И мы сможем остановить Джека вместе, прежде чем он убьет кого-нибудь еще.

Я поднимаю голову ровно настолько, чтобы пригвоздить Хейза своим яростным, диким взглядом.

— Он. Блять. Не придет.

Я выкручиваю руки до тех пор, пока не натираю их до крови, пластик врезается в запястья, когда я кричу от ярости, надеясь, что кто-нибудь меня услышит. Я кричу до тех пор, пока это облако тьмы не опускается с оглушительным хлопком.

«Тише, не кричи, детка», — шепчет мне на ухо Истребитель, по комнате разносится запах его дешевого одеколona. — «Или я отрежу язык твоей маме».

Я дергаюсь на стуле, чуть не опрокидывая его, но Хейз удерживает его в своей хватке. Я смутно ощущаю его присутствие, как будто оно находится за занавесом, на который проецируются мои худшие кошмары.

«Ши, тише. Успокойся, детка.»

Я все еще корчусь, все еще кричу, фантомная боль стягивает края моих шрамов, когда посторонний звук пререзает образы и погружает комнату во внезапную тишину.

Гудок.

Гудок.

Гудок.

— Он здесь, — говорит Хейз.

Что-то холодное прижимается к моему виску. Я моргаю, чтобы рассеять черную пелену, смотрю на Хейза, который стоит слева от меня, направив дуло пистолета мне в голову. В другой руке он сжимает электрошокер. Моя грудь вздымается с каждым вдохом, когда он направляет электрошокер в коридор, ведущий к комнатам нижнего уровня.

— Стой, где стоишь. У меня пистолет, нацеленный ей в голову, и я выстрелю, если придется, — говорит Хейз в темный коридор. Нет ни звука, ни движения. Но я знаю, что Хейз видит Джека на мониторе.

Тишина.

Я поднимаю взгляд, но он не смотрит на меня. Хейз не снял пистолет с предохранителя.

— Брось оружие в комнату, — приказывает Хейз.

— Я безоружен. Отпусти доктора Рот, — отвечает Джек из темноты. — Она не сделала ничего плохого.

— Но и ничего хорошего.

— Чего ты хочешь, я тебе все отдам.

Я качаю головой, когда у меня перехватывает дыхание.

— Нет...

— Тихо, — шипит Хейз, крепко прижимая дуло к моему виску. Он говорит в коридор, произнося: — Признание.

Наступает еще одно мгновение тишины, а затем в начале коридора появляется Джек с поднятыми руками.

Джек переводит взгляд с одного на другого. Один взгляд, который пронзает мое сердце, как шрапнель. Вспышка нахмуренных бровей. Тик в челюсти, когда его зубы сжимаются вместе. Мучительный серебристый отблеск в глазах. Он в отчаянии.

— Отпусти ее, и я все скажу.

— Нет, Джек...

— Все в порядке, *elskede*, — говорит он, переводя взгляд в мою сторону со смиренной улыбкой, которая никак меня не успокаивает. Когда он смотрит на Хейза, в его глазах читается холодная, отточенная решимость. — Есть одна комната. Там все, что ты хочешь.

— Где?

— Отпусти ее, и я тебе скажу.

Из груди Хейза вырывается хриплый смешок.

— Доктор Соренсен, проблема с такими, как ты...

Хейз нажимает на спусковой крючок электрошокера. Провода ударяют Джека в грудь, и он падает под звук потрескивающего электричества и мой отчаянный крик.

— ...в том, что ты думаешь, будто у тебя все карты, даже когда ты с пустыми руками.

Хейз подходит к Джеку и отключает ток. Он убирает свой Глок в кобуру, чтобы отстегнуть кабельные стяжки от пиджака. Он начинает сначала с рук Джека, затем с лодыжек, прежде чем проверить, нет ли оружия, и кладет его телефон в карман. Джек все еще не оправился от шока, когда Хейз вытаскивает два провода из его груди и подтаскивает его в сидячее положение к стене, но его глаза притягиваются к моим, как железные осколки к магниту.

— Ты был прав, — говорю я, пока Хейз поправляет электрошокер и пристегивает его к поясу. — Ты с самого начала был прав насчет Джека.

Хейз бросает взгляд через плечо на мое залитое слезами лицо, прежде чем переключить внимание на проверку кабельных стяжек Джека.

Мой взгляд скользит к Джеку, когда Хейз поворачивается спиной.

Я перевожу взгляд на свои колени, прежде чем Хейз поворачивается ко мне лицом, и опускаю трясущиеся плечи, как побежденная.

— Как же я этого не заметила? Как я могла не знать?

Слезы текут по моим бедрам. Размеренные, уверенные шаги приближаются, пока пара черных ботинок не замирает в поле моего периферийного зрения. Тяжелая рука ложится мне на плечо, и затем в поле зрения появляется Хейз, приседающий на корточки.

— Это не твоя вина, Кайри.

Я качаю головой, крепко зажмуривая глаза.

— Я пыталась переродиться, но я все та же девушка, пойманная в ловушку того же кошмара. Я все еще Изабель, — когда я поднимаю глаза на Хейза, в моем взгляде мольба. — Мне жаль. Я не поняла.

Улыбка Хейза печальна. Жалеющая. Он сжимает мое плечо, прежде чем убрать руку и достать нож из-за пояса.

— Все в порядке. Мы окажем тебе всю необходимую помощь.

Я киваю и шмыгаю носом.

Хейз просовывает лезвие под кабельную стяжку на моей правой лодыжке и освобождает ее.

— У папы была поговорка, — шепчу я, пока Хейз перебирается к моей другой лодыжке, разрезая вторую пластиковую стяжку. Мои ноги остаются неподвижными. — Он сказал, что

охота — это не спорт, потому что в спорте оба игрока должны знать, что они в игре.

Хейз одаривает меня меланхоличной улыбкой, прежде чем переключить внимание на мою левую руку. Путы на моих запястьях туго затянуты, кожа под ними ободрана и кровоточит. Я хнычу и хватаюсь за подлокотники, когда он приближается с лезвием.

— Все в порядке. Я вернусь так быстро, как только смогу.

Хейз просовывает лезвие между твердым пластиком и моей окровавленной кожей, перерезая третью кабельную стяжку. Когда все наклоняется передо мной, чтобы ослабить последнюю.

— Мистер Хейз? — спрашиваю я слабым голосом.

Он замолкает и вопросительно смотрит мне в глаза.

И тогда я ударяюсь лбом о его нос со всей силой, на которую только способна.

Из ноздрей Хейза брызжет кровь. Он откидывается назад от моего удара, давая мне достаточно места, чтобы подняться ноги.

— Ты не знаешь, что ты в игре.

Я пинаю Хейза обеими ногами в грудь. Нож выпадает из его руки.

Стул все еще пристегнут к моей правой руке, когда я вскакиваю на ноги. Я хватаю его свободной рукой и размахиваю им как дубинкой, обрушивая на окровавленное лицо Хейза, когда он инстинктивно хватается за свой пистолет в кобуре.

Хейз ошеломлен ровно настолько, чтобы я успела оседлать его бедра и левой рукой вытащить Глок из кобуры, но тяжесть оружия в моей ладони доставляет лишь кратковременное облегчение.

Он ударяет меня по руке своим предплечьем. Инерция выбрасывает мою руку вперед, пистолет вылетает из моей руки и ударяется о стену в нескольких футах от Джека. Я бью Хейза в ответ обломком стула, все еще прикрепленным к моей руке, а затем вскакиваю на ноги и бегу за пистолетом.

Обжигающий толчок бьет меня по спине, и я падаю на пол.

Мои нервы на пределе. Пронзительная боль пронзает мышцы. Я смутно улавливаю звук позади себя, и агония прекращается, но его эхо жужжит под моей кожей, как рой насекомых.

Я открываю глаза и смотрю вверх растрепанных волос, расстояние до комнаты расплывается в дымке боли. Позади меня какая-то суматоха. Я тянусь к спине и слабой рукой дергаю за один провод, затем за другой, освобождая щупы электрошокера, которые воткнуты в мою кожу.

Чернота пульсирует на краях зрения, я переворачиваюсь.

«Ты неряшлив. Любитель. Недостоин».

Призрачный огонь горит в моей груди. Кровь попадает на язык с грохотом при каждом выдохе. Багровые пятна и темные волосы моего отца прилипли к серебряному набалдашнику молотка, лежащего на полу. Мой противник борется с проволокой, впивающейся ему в горло, в то время как мой ангел мщения улыбается рядом с его ухом.

«Это моя территория».

— Кайри...

Голос Джека — это ниточка, ведущая в черные глубины памяти. Единственное, за что я могу ухватиться.

— Вставай, Кайри. Беги...

Грубые звуки борьбы приветствуют меня, и я выныриваю в настоящем.

Пламя в груди, кровь, проволока — все исчезло. Молотка нет, только обломок

отполированного дерева от перекладин стула, лежащий рядом с моей рукой. Что действительно остается, так это Джек, его лодыжки и запястья все еще связаны, когда он пытается удержать Хейза в своей хватке, пистолет лежит за пределами досягаемости пальцев агента.

Сдавленный вздох срывается с губ Джека, когда Хейз наносит ему удар локтем в шею. Хватка Джека на агенте ослабевает, и Хейз использует свой шанс, чтобы схватить пистолет с пола.

Я подбираю расщепленный кусок дерева и бросаюсь к Хейзу. Но у него уже есть пистолет.

Щелчок.

Джек наносит удар ногой по запястью Хейза, когда агент разворачивает пистолет по дуге, целясь ему в лицо. Время останавливается достаточно надолго, чтобы запечатлеть образ Хейза в моем сознании. Его стиснутые зубы. Его окровавленная кожа. Гнев в глазах.

Выстрел.

Пистолет вылетает из руки Хейза, когда я бросаюсь на него, повалив нас обоих на пол.

И тогда я вонзаю свое зазубренное копьё ему в горло.

Я нависаю над его лицом, мои волосы ниспадают занавесом вокруг нас, я смотрю в его широко раскрытые глаза. Страх, боль. Путаница. *Прозрение.*

— *Тише*, мистер Хейз, — шепчу я, вжимаясь всем весом в дерево. Вибрации его булькающего дыхания проникают в мою ладонь, впитываясь в каждую складочку. — Ты позволил Тревору Уинтерсу забрать мою семью. Я не позволю забрать моего ангела.

Боль пронзает мое тело, когда я поднимаюсь на нетвердые ноги. Ноги и руки Хейза медленно волочатся по ковру, какая-то последняя надежда все еще цепляется за его нервы и мышцы, но угасает. Он смотрит на меня умоляющим взглядом. Возможно, он хочет спасения или милосердия.

Я больше не задумываюсь об этом, когда переношу весь свой вес на ногу, обрушивая ее на конец палки.

Мое копьё попадает в кость и проскальзывает между позвонками. Конечности Хейза дергаются, когда деревянные щепки пронзают его спинной мозг, его глаза тускнеют и становятся невидящими. Он умирает под неумолимым давлением моего ботинка.

Когда я уверена, что он испустил последний вздох, убираю ногу и стою так прямо, насколько позволяет мое измученное тело. Прерывистые выдохи наполняют тишину, как всплески адреналина в тихой комнате. Джек сидит на полу, его предплечья покоятся на коленях, а дыхание вырывается из груди. Его взгляд прикован к Хейзу, как будто он боится, что мертвец может напасть снова. Когда он, наконец, встречается со мной взглядом, Джек улыбается, его улыбка такая слабая, но такая прекрасная в этот мимолетный момент облегчения.

Я пинаю в его сторону складной нож, который выпал из кармана Хейза. Он открывает его и начинает разрезать свои пути.

— Поздравляю, Джек, ты только что выиграл «Гандердом», — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал непринужденно и поддразнивающе, когда смотрю на него сверху вниз через плечо, борясь с желанием прижать руку к животу.

— Ты убила его, думаю, награда твоя.

Я хочу кое-что сказать.

Но только на мгновение.

Я отворачиваюсь, делаю несколько шагов в гостиную. Дом моего детства. Теперь это похоже на скорлупу. Я не пытаюсь представить его таким, каким он было когда-то, пока стою посреди комнаты.

Кончики моих пальцев холодные и онемевшие. Я знаю, что это значит.

Напряженные вдохи превращаются в удушье. Я стараюсь дышать диафрагмой, чтобы мои плечи не двигались слишком сильно. Я знаю, Джек заметил. Но боль начинает скручиваться, как огонь, в моей плоти, требуя внимания.

Моя рука прижимается к дыре на рубашке. Это никак надолго не скроешь.

Я начинаю отклоняться в сторону. Комната покачивается. Края деформируются и размываются.

— Кайри...?

Нотка беспокойства и подозрительности в этом единственном слове ложится тяжелым грузом на мое сердце, утягивая вниз, как якорь на дно темного моря.

Я проглатываю боль, сдерживая слезы, которые жгут, умоляя дать им волю. Мой взгляд падает на руку, которую я прижимаю к своей ране.

Темная кровь просачивается сквозь пальцы.

— Я не была уверена, что это реально. Пока не увидела тебя. Мой ангел мщения, пришел спасти меня во второй раз, — говорю я, бросая улыбку через плечо, пытаюсь удержать каждое мгновение благодарности, которое испытываю. Осознание того, что у нас все было реально, приносит радость. Трагедия в том, что это будет означать для Джека.

Не на это я надеялась, когда поклялась заставить Джека страдать.

— Спасибо тебе, Джек. За то, что дал мне все, что мог. Время не на нашей стороне, — говорю я, поворачиваясь к нему лицом, моя ладонь все еще прижата к животу. Я больше не чувствую своих пальцев. Глаза Джека опускаются на мою руку и снова встречаются с моими. Я вижу панику и печаль. Ужас и скорбь.

Мое сердце разлетается на осколки. Оно колотится так, словно пытается проложить себе путь к нему.

— Нет, Кайри...

— Я буду любить тебя вечно.

Джек карабкается вперед, но не успевает дотянуться до меня, прежде чем я падаю.

Последнее, что я чувствую, — это не боль. Не как кремовый ковер прижимается к моему лицу. Не отчаяние в сердце и не оглушительный прилив давления в голове.

А лишь прикосновение прохладной руки Джека к моей щеке.

А потом мир погружается во тьму, и я вообще ничего не чувствую.

Глава 23

Костный мозг

ДЖЕК

Кровь покрывает мою руку. Тепло слабееющего тела Кайри проникает сквозь щели между моими пальцами. Я оказываю прямое давление на ее живот, пытаюсь остановить быстрый поток крови.

Она слишком много потеряла.

Она без сознания.

Но я все еще чувствую слабое биение ее сердца.

— Кайри... пожалуйста. Черт возьми. Не делай этого со мной, — я обнимаю ее за плечи и прижимаю к своей груди. — Не оставляй, блять, за этим никчемным куском дерьма

Хейзом последнее слово. Ты не можешь. Невозможно, чтобы за тобой не осталось последнего слова, лепесточек.

Она не отвечает. Ее пульс еще больше слабеет. И дикая ярость разрывает мою грудную клетку, мир расплывается по краям зрения.

Я убираю руку ровно настолько, чтобы снять рубашку и использовать ее, чтобы перевязать рану, закрепив вокруг живота. Отчаяние проникает в мои дрожащие конечности, когда я достаю телефон из внутреннего кармана куртки Хейза.

Дрожащим пальцем я набираю 9-1-1. На спокойный вопрос оператора я отвечаю:

— Доктор Кайри Рот серьезно ранена. Ей нужна срочная медицинская помощь, — я выкрикиваю адрес, затем прерывисто вздыхаю и опускаюсь на колени рядом с Кайри, чувствуя, как она отдаляется все дальше. — Приведите сюда отряд, быстрее, черт возьми.

Я вешаю трубку в ответ на бесполезные вопросы диспетчера, которые никак не помогут мне спасти ее. Телефон выскользывает из моей перепачканной кровью руки. Я позволяю ему упасть на кремовый ковер с тихим стуком. Прижимаю Кайри ближе, убирая спутанные пряди ее темных волос с глаз — этих идеальных голубых угольков, которые я отчаянно хочу увидеть живыми.

— Открой глаза, — шепчу я ей на ушко. — Давай же, Лилль Мейер. Ты несешь смерть, маленькая жрица. Ты — сила. Ты ворвалась в мой мир и потрясла меня до глубины души... и между нами не может все так закончиться.

Ее кровь пропитывает ковер, впитываясь в те самые волокна, которые она ненавидит, и меня затягивает в червоточину во времени. Где я бесстрастно, холодно и бессердечно наблюдал, как умирающая девушка пачкала кремовый ковер своей кровью, пока смерть пыталась забрать ее.

Все это время она молча боролась за жизнь.

— Мне нужно, чтобы ты сражалась и сейчас, Кайри, *elskede*.

Это моя вина. Это я виноват. Среди нас был еще один хищник, и мне не удалось его увидеть. Если бы я это сделал, если бы я признал Хейза таким, каким он был все эти годы, мое эго не было бы так заиклено на преследовании и устранении конкурентов в моих охотничьих угодьях, я мог бы давным-давно устранить угрозу, исходящую от Хейза.

Или, когда агент Эрик Хейз показался в том конференц-зале, и я заметил реакцию Кайри на него... Я должен был последовать за ним из здания и обмотать веревку вокруг его гребаной жирной шеи.

Я должен был защитить ее.

Теперь эта сила отнята, и все, что я могу сделать, это прижать руку к ее ране, умоляя не забирать ее солнечный свет и не оставлять меня в холоде.

Когда ее пульс слабеет, из бездны моей черной души вырывается свирепое рычание, и я поднимаюсь на ноги, держа ее на руках. Я выношу Кайри на улицу и кладу ее на землю.

Затем поворачиваюсь лицом к дому.

С яростью, пылающей в онемевших уголках моего сердца, я собираю вещи из своего багажника и оставляю их в той же комнате, что и безжизненное тело Хейза.

Беглый осмотр кухни доказывает, что Хейз обеспечил ее всем необходимым. Сахар, мука, растительное масло. Идеальные ингредиенты, чтобы испечь торт — или сжечь дом дотла.

Я раскладываю ингредиенты вокруг мертвеца в центре комнаты, останавливаясь, когда добираюсь до Глока, и опускаюсь рядом с ним на колени.

— Я не сомневаюсь, что встречу тебя в аду, Хейз, — говорю я. — Но, если она умрет... я приду за тобой раньше.

Хотел бы я, чтобы мы убили его дважды.

Обернув руку полотенцем, чтобы убрать остатки пороха, я беру Глок. Я направляю дуло ему под подбородок и нажимаю на спусковой крючок, посылая пулю в основание черепа и разнося макушку.

Я кладу пистолет в его раскрытую ладонь, отбрасываю полотенце в сторону, затем вынимаю деревянный осколок, которым Кайри проткнула ему яремную вену. Я стою над ним и обливаю его тело маслом, затем достаю из кармана серебряную зажигалку «Зиппо».

Чиркаю колесиком, поджигаю фитиль и смотрю на жар оранжевого пламени.

Затем кидаю зажигалку ему на грудь.

Я ухожу, чувствуя жар за спиной, когда его тело загорается.

Выйдя на прохладный воздух, я подхожу к Кайри и подхватываю ее почти безжизненное тело на руки, мое сердце опасно близко к тому, чтобы остановиться, когда я пытаюсь нащупать ее пульс. Я провожу нас до входа в ее старый двор, тишину разрывает вой сирен. Стробоскопическая вспышка огней мелькает на близком расстоянии, в поле зрения появляется машина скорой помощи.

Когда paramedics распахивают двери машины скорой помощи, один из них задает мне вопрос. Я не отвечаю, пока укладываю ее на каталку, мое единственное внимание сосредоточено на ней и мужчине, который слушает биение ее сердца.

— Сэр, в доме есть еще кто-нибудь? — переспрашивает paramedic рядом со мной.

Я смотрю в его светлые глаза, мои тверды, как камень.

— Нет. Она — твоя единственная забота.

— Вы ранены, сэр? — он задает еще один вопрос.

Снова на мгновение встретившись с ним взглядом, я обдумываю тот факт, что он может усомниться в том, что это с Кайри сделал не я, и говорю:

— Я не знаю.

Этого достаточно, чтобы paramedic запер меня в машине скорой помощи впереди. Сжав руки в кулаки, я наблюдаю, как они разрезают майку Кайри и рубашку, которую я перевязал. Они прикрепляют электроды к ее груди и предплечьям, а нижнюю половину тела накрывают майларовым одеялом. Я, не моргая, смотрю, как на экране кардиомонитора появляются ее слабые показатели.

Вой полицейских сирен соперничает с ревом клаксона пожарной машины, когда пасмурный день за окном машины скорой помощи превращается в яркий водоворот красок и хаос.

Дверь машины скорой помощи захлопывается при виде мигающих огней и пылающего ада, запертых в доме детства Кайри.

Я провожу руками по лицу, чувство бессилия из-за того, что я не в состоянии спасти ее, душит мой контроль. Я тянусь к ее руке только для того, чтобы один из paramedics остановил мое движение, и единственное, что мешает ему расстаться с жизнью, — это моя потребность в том, чтобы он спас ее.

Когда из монитора начинает раздаваться медленный, но устойчивый звуковой сигнал, какая-то незнакомая эмоция охватывает меня целиком — что-то похожее на надежду. Все мое существо цепляется за это ощущение, когда paramedics надевают ей на лицо кислородную маску и вводят капельницу для изотонических жидкостей.

Один из медиков подходит ближе и накидывает одеяло на мои обнаженные плечи, в то время как другой продолжает осматривать Кайри, затем пытается проверить меня на наличие травм. Я смотрю прямо ему в глаза.

— Не надо, — говорю я парню, сдерживая смертельную дрожь в своем тоне. — Она. Сосредоточься на ней.

Затаив дыхание, я наблюдаю, как парамедики работают с отчаянными, но организованными усилиями, чтобы стабилизировать состояние Кайри, одновременно замедляя кровопотерю, накладывая кровоостанавливающую марлю и оказывая прямое давление. Один парамедик достает порцию крови из холодильника рядом со мной и помещает ее в переносную грелку, в то время как другой мужчина готовит инструменты для экстренного переливания. *Они могут вернуть то, что она потеряла*, пытаюсь сказать я себе, наблюдая, как кровь течет по трубке в тело Кайри. *Она справится.*

В одно мгновение надежда — это распускающийся голубой мак с обещанием в ее открытых глазах... в следующее мгновение она гаснет.

На мониторе раздается скрежещущий сигнал тревоги.

— Она не справляется. Ритм сбивается. Начинать искусственное дыхание, — говорит старший парамедик.

Весь мой мир рушится.

Я поднимаюсь на ноги и стою над ее неподвижным телом, глядя вниз на бледное лицо, в то время как парамедики начинают сдавливать грудную клетку и проводить искусственную вентиляцию легких с помощью мешка-маски, в то время как легкие Кайри судорожно сжимаются при предсмертных вдохах.

Я перестаю дышать. Я хочу вырвать свои легкие, чтобы заглушить боль.

Каждое мгновение искусственного дыхания обжигает, как год в аду. Это бесконечно. Мучительно. И такое ощущение, что машина скорой помощи почти не двигается.

— Расчетное время прибытия, — кричит один из парамедиков водителю сквозь вой сирен и мониторов и агрессивное гудение нашей машины скорой помощи.

— Десять минут, — отвечает водитель. Я слышу, как его кулак опускается на руль, еще один сигнал клаксона. — Затор на мосту. Впереди только что произошел несчастный случай. У нас осталась только одна полоса движения.

— Мы можем повернуть назад? Выбрать другой маршрут?

— Нет, — говорит водитель тихим голосом. — Мы в ловушке.

Я ловлю напряженные, встревоженные взгляды парамедиков, пока они продолжают искусственное дыхание, проверяя монитор на наличие каких — либо признаков изменений. Я слышу, как водитель разговаривает с диспетчером, прося полицию помочь расчистить нам путь. И пока я наблюдаю, беспомощный, чертовски бесполезный, я чувствую, как она ускользает.

Сигнал тревоги на ЭКГ меняется. Из аппарата раздается устойчивый звуковой сигнал.

Линия выравнивается по экрану.

Парамедики обмениваются еще одним взглядом. Один смотрит на пакет с кровью, прежде чем перевести взгляд на монитор. Я знаю, что он, должно быть, взвешивает шансы Кайри на выживание.

— Расчетное время прибытия, — снова рявкает он водителю. Мы почти не сдвинулись с места.

— Полиция уже в пути, чтобы выпустить нас, но никаких изменений.

Ровная линия бежит дальше, продолжительный звуковой сигнал отсутствующего пульса Кайри становится все громче в моих ушах.

Ритмичные судороги мешка вентиляции замедляются и прекращаются. Давление на грудную клетку прекращается, когда старший парамедик выдыхает и опускает голову — и ярость закипает у меня внутри.

Я не потеряю ее.

Никто не осмеливается приблизиться ко мне, когда я наклоняюсь над Кайри, прижимаясь ближе, пока парамедик снимает маску с ее лица. Я запечатлеваю поцелуй на ее холодных губах.

— Пора проснуться и вернуться ко мне, спящая красавица, — шепчу я.

Мое дыхание застревает в легких. Боль нарастает, я жажду лишь огня от ее прикосновений.

Я кладу руки ей на грудину и начинаю сдавливать грудную клетку.

— Сэр... нельзя так делать. Сэр...

Должно быть, он видит что-то смертоносное в стальной решимости моего взгляда, потому что физически отшатывается.

Я смотрю на нее сверху вниз, отчаянно желая увидеть яркую синеву ее прекрасных глаз, ее грудь, изгибающуюся под силой моего желания вернуть ее. Я едва замечаю, как машина скорой помощи набирает скорость и лавирует в потоке машин, мое внимание сосредоточено исключительно на бледном лице Кайри.

Под моей ладонью трещина, ребро или грудина трескаются под давлением. Какой-то страдальческий звук наполняет машину скорой помощи, и мне требуется мгновение осознать, что он сорвался с моих губ.

Я не останавливаюсь. Я не могу.

Еще один хруст кости оставляет неизгладимое воспоминание в моей руке.

Она такая хрупкая. Я ломаю ее. Но я сделаю все, чего бы это ни стоило.

— Я разорву тебя на куски, лишь бы вернуть тебя к себе, — выдавливаю я сквозь острую боль в горле. — Так что тебе лучше сразиться со мной, elskede.

Пронзительный звуковой сигнал продолжается. Гребаная жизнь, полная мучительных пыток. Пока надежда медленно не расцветет снова.

Из аппарата раздается сигнал тревоги.

— Тахикардия, — говорит старший парамедик, не в силах скрыть удивление в своем голосе. Он подходит к дефибрилятору, установленному на внутренней стене, и готовит лопатки, другой парамедик пытается надеть маску на лицо Кайри, чтобы начать поток воздуха в ее легкие. — Можно дефибрилятором.

Он отодвигает меня локтем и прижимает лопатки к ее груди. А потом:

— Разряд.

Тело Кайри дергается. Все взгляды устремляются на монитор.

На экране появляется ровное биение сердца.

И мое тоже начинает биться заново.

Двое парамедиков сменяют друг друга, и через несколько мгновений, которые кажутся вечностью, мы въезжаем в больницу и резко останавливаемся. Двери машины скорой помощи распахиваются, и Кайри катят к выходу неотложной помощи, а врачи и медсестры

спешат занять свои места.

Когда я следую за ней в какофонию отделения неотложной помощи, понимаю, что всего несколько мгновений назад к жизни вернулась не только Кайри. Наблюдая за ровным биением ее сердца на экране, я чувствую эхо каждого удара внутри.

Глава 24

Клятва

ДЖЕК

— Останки Эрика Хейза были извлечены из дома, — говорит офицер Чендлер. Он переворачивает страницу в своем отчете. — По крайней мере, из того, что удалось обнаружить после пожара, судмедэксперт указал причину смерти как самоубийство. Я бы предпочел получить ваше экспертное заключение о причине смерти, — он выглядывает меня из-за своего стола, — но, учитывая обстоятельства, это было бы...

— Неэтично, — добавляю я.

Он одаривает меня сочувственной улыбкой.

— Я хотел сказать «неудобно», учитывая ваши отношения с жертвой.

Я медленно киваю.

— Я ценю это.

— Конечно, — он закрывает отчет. — Извини, что мне вообще пришлось притащить тебя сюда, Джек.

— Ничего страшного, — заверяю я офицера. — Худшее позади.

Местное полицейское управление поддерживает тесные отношения с программой «Ферма тел». Я проводил экскурсии, обучил ряд сотрудников правоохранительных органов распознавать признаки преступления на фоне разложения, идентификации пола и возраста и многим другим необходимым аспектам для департамента.

— Ваше сотрудничество в отчетах о событиях поможет покончить с этим делом. О, и вот это, — он кивает на ноутбук на столе, тот самый, который я конфисковал в номере мотеля Хейза, и загрузил кое-какое содержимое из флэшки. — Я уверен, что федералам не терпится совершить глубокое погружение.

Устройство было упаковано в качестве вещественного доказательства и содержит множество компрометирующих улик, позволяющих связать Хейза с убийствами Райана Янга и Себастьяна Модео, а также план Хейза повесить убийства на доктора Брэда Томпсона. Ходят слухи о двух пропавших студентах, Мейсоне Дюмонте и Колби Кэмероне, как о еще двух потенциальных жертвах. Однако тела пока не обнаружили.

Как только я вернусь в хижину Кайри, я должным образом избавлюсь от их останков, чтобы никаких улик никогда не нашли.

Также есть множество доказательств одержимости Хейза доктором Кайри Рот, подчеркивающих его заикленность на единственной выжившей Молчаливого Истребителя.

— Никогда бы не подумал, что кто-то из наших может быть способен на нечто отвратительное, — говорит офицер. — Черт возьми, он был из ФБР. Невероятно.

Я снова киваю, придавая своему лицу мрачное выражение.

Предоставленные доказательства рассказывают историю одержимого агента, который внезапно сорвался, когда его уволили из агентства, и настолько обезумел, что начал подражать тому самому серийному убийце, на которого он одержимо охотился, которого и сам окрестил Призраком Три-Сити.

Мой рассказ о событиях был довольно прямолинеен. Кайри выразила мне свою

растущую обеспокоенность за агента Хейза и ее безопасность за несколько дней до похищения. Вот почему она жила у меня дома, и почему, когда никто на факультете не смог дозвониться до нее по телефону — после того, как Кайри перенесла рабочую встречу из-за плохого самочувствия, — мое крайнее беспокойство побудило проверить ее, а потом я нашел ноутбук, и понял, что Хейз был у меня дома.

Я позвонил в полицию, где мне сказали, что доктор Рот может быть объявлена пропавшей без вести только через двадцать четыре часа. Затем я взял на себя смелость поискать файлы в компьютере Хейза, которые привели меня к покупке им семейного дома Кайри.

Я прибыл в дом и обнаружил Кайри раненой на улице, где, как оказалось, она только что избежала пожара, прежде чем упасть в обморок. Затем я позвонил в 9-1-1.

Подозрительная обстановка в гостевой комнате моего дома была частью плана Хейза по похищению Кайри, как подробно описано в полицейском отчете после того, как был выдан ордер на обыск моего жилища. Власти предполагают, что это была попытка дать бывшему агенту время до того, как Кайри будет объявлена пропавшей без вести.

Временные метки вызовов регистрируются в журнале. Доказательства подтверждают мой рассказ о событиях. Поскольку Эрика Хейза больше нет в живых, они пришли к выводу, что он сначала попытался убить доктор Рот, поджег дом, а затем направил на себя свой пистолет, а единственный человек, который может подтвердить или оспорить эти события, в настоящее время выздоравливает в отделении интенсивной терапии.

Офицер Чендлер вздыхает.

— Я просто рад, что с доктором Рот все в порядке. Как у нее дела после всего случившегося?

Я прочищаю горло, поправляю галстук.

— Все проходит... трудно. Она полностью восстанавливается с точки зрения здоровья, но, вероятно, потребуется некоторое время для психики.

— Понятное дело. Учитывая то, что случилось с ее семьей, я могу только догадываться, каково ей, — он качает головой. — Столько лет назад стать жертвой одного убийцы только для того, чтобы встретиться лицом к лицу с другим. Она настолько сильный человек, что пережила не одно, а целых два нападения.

Я киваю и поднимаюсь на ноги, застегивая пиджак.

— Доктор Рот особенная. Я не сомневаюсь, что она выйдет из этого испытания еще более сильной.

Офицер Чендлер встает и протягивает руку через свой стол.

— Еще раз спасибо, что пришел, Джек.

Я принимаю его рукопожатие.

— Дай мне знать, если я смогу еще чем-нибудь помочь.

Я выхожу из здания полиции, делаю одну остановку в Уэст-Пэйне, прежде чем направляюсь в больницу.

За прошедшую неделю я потратил большую часть времени на проработку деталей, так что я буду готов к этому моменту прямо сейчас.

Когда я вхожу в послеоперационную палату, то вижу Кайри спящей. Зная, как ей тяжело в больницах, я решаю не будить ее, а вместо этого сажусь на стул рядом с ее кроватью и жду. Я снимаю свою кожаную перчатку и беру ее за руку. Потираю ее запястье, чувствуя ожог на коже от кабельных стяжек, и пытаюсь не обращать внимания на трубки в ее руках и животе.

После травматологической операции по устранению повреждений, причиненных одной пулей, Кайри находилась под пристальным наблюдением в отделении интенсивной терапии, затем была переведена в палату, где теперь пребывает на восстановлении. У меня была небольшая ссора с травматологом, который хотел оставить ее на аппарате искусственной вентиляции легких. Я потребовал, чтобы его убрали, настаивая на том, что Кайри достаточно сильна, чтобы дышать самостоятельно, и нуждалась в этой борьбе.

Она не хотела бы лежать здесь, позволяя машине дышать за нее... Это не только могло привести к инфекции, что дало бы ее телу еще одно препятствие, она бы зачахла в этом месте. Ее хрупкое психическое состояние сработало бы в противовес и помешало бы ее выздоровлению. Она сильная — она всегда была сильной. Ей нужно бороться.

— Никаких цветов?

Ее скрипучий голос врывается в мои мысли, и я нежно сжимаю ее запястье. Улыбка появляется на моем лице, когда я смотрю в ее бледно — голубые глаза, цвет радужной оболочки которых становится все более ярким с каждым часом по мере того, как она выздоравливает.

— Подумал, это будет слишком банально, — говорю я.

Ее улыбка бледна.

— Правильно подумал.

Я бросаю взгляд на капельницу, которая раздает обезболивающее под контролем пациента. Пульт дистанционного управления лежит у нее на поясе. Свободной рукой я протягиваю руку, чтобы нажать на кнопку.

— Я в порядке, — говорит Кайри, останавливая меня. — Меня от этого клонит в сон.

— Тебе нужно поспать, — настаиваю я. Кажется, она пытается скрыть уровень своей боли, а я не хочу, чтобы ей было больно.

— Мне нужно убраться отсюда, — говорит она, затем меняет тему. — Итак... — она поворачивает голову, чтобы взглянуть на конверт, который я положил рядом с собой на поднос. — Что ты мне принес?

Я задерживаю ее руку еще на мгновение, поглаживая большим пальцем ободранную кожу ее запястья, прежде чем отпускаю ее, чтобы взять конверт.

— Ответ на письмо, которое ты оставила мне в своей хижине.

Она моргает, ее мягкий взгляд задерживается на моем суровом взгляде, когда я открываю конверт. Вынимаю сложенный листок бумаги.

— Все, что произошло, — я разворачиваю страницу. — Как ты рисковала и подвергала себя опасности...

— Джек...

— Мне не дали шанса ответить, Кайри. Так что дай мне сказать, — мой тон становится таким же грубым, как и острая боль в горле. Я понижаю голос на децибел. — Ты отправилась за Хейзом без меня, даже не включив меня в свой план.

Она прерывисто выдыхает, и я пытаюсь почувствовать хоть какую-то долю вины, но вина не входит в химический состав моей крови. Она решила бросить нас — меня.

— Если у нас все получится, то больше никогда мы не будем по одному, — непреклонно говорю я. — Всегда будем только ты и я. Мы... вместе. Дуэт. Настоящее партнерство.

Она с трудом сглатывает.

— Я не... что ты хочешь этим сказать?

Моя челюсть сжимается.

— В связи с твоим письмом, ты явно вынюхивала и раскрыла документацию о моем предстоящем переводе в Канаду... — я встречаюсь с ней взглядом. — Да. Я планировал уехать из Уэст-Пейна. Такой план был всегда. Такие люди, как я, как ты, не могут долго оставаться на одном и том же месте, а я пробыл здесь слишком долго, Кайри.

Она глубокомысленно кивает.

— Я знаю, Джек. Вот почему я написала это...

— Но, пока я был в процессе поиска нового места работы, я также тщательно организовывал для тебя возможность карьерного роста на факультете судебной антропологии Университета Альберты, — я смотрю прямо в ее мерцающие глаза. — Рядом со мной.

Я вкладываю письмо в ее протянутую руку, и она берет за край, опуская взгляд на первую строку письма, в котором излагается запланированное собеседование с директором департамента судебной экспертизы Университета Альберты.

— Конечно, у меня было слишком сильное искушение просто связать тебя и украсть. Я думал об этом, — признаю я. — Много раз. Я даже приложил все усилия, чтобы начать ускоренный процесс утверждения твоей канадской рабочей визы до назначенной даты, расставив все по местам.

Ее губы дрожат, она спрашивает:

— Так что же тогда мешает тебе взять меня, Джек?

— Я только что со встречи с доктором Кэнноном, — говорю я. — Где я показал ему это письмо. Он предложил тебе прибавку к зарплате, если ты останешься и продлишь свой контракт в Уэст-Пэйне.

Смушение сводит ее темные брови вместе.

— Я ничего не понимаю.

Я беру ее за руку, сокращая расстояние между нами и приближаясь к ней.

— Я не могу ругать тебя или даже сердиться на тебя, хотя, как только ты выберешься с больничной каталки, ты сразу же вернешься на мою, чтобы получить наказание, — темный трепет пронзает мою кровь при этой мысли. — Но я не могу так поступить с тобой, ведь я так же виноват в том, что думал и действовал в одиночестве. Я делал это всю свою жизнь. Так что я действительно понимаю, что ты сделала, что ты по-своему пыталась защитить меня. Но теперь все это закончится.

В ее глазах появляется страх, и я бросаюсь вперед.

— В конце концов, я не могу украсть тебя. Я не могу заставить тебя пойти со мной. Потому что я не могу лишиться тебя выбора, Кайри. У тебя и так отняли слишком много вещей, и я не посмею забрать еще что-то. Все, что здесь есть, — это благодаря тебе, — я крепче сжимаю ее руку, перечитывая ей первую строчку ее письма. — Но я не могу тебя отдать. Я отказываюсь это делать. Ты — часть меня, припаянная к моему гребанному скелету. Поэтому я хочу, чтобы ты пошла за мной. Следовала за мной вечно. Я хочу этого больше всего на свете, и клянусь, я сделаю все, что в моих силах, и покажу тебе всю глубину того, как много ты значишь для меня, Кайри, — я на мгновение подношу ее холодную руку к своим губам. — Но, если ты счастлива здесь, в Уэст-Пэйне, тогда я останусь с тобой. Мы найдем способ, как здесь все устроить...

Слезы наполняют ее глаза, и она с трудом выдыхает. Звуковой сигнал монитора усиливается вместе с учащением ее сердцебиения. Свободной рукой она смахивает скатывающуюся слезу.

— Я слышала, в «Альберте» не помешала бы инициатива по исследованию фермы тел, — ее улыбка дрожит, но свет в ее глазах сияет так ярко, что кусочек моего черного сердца раскалывается.

— Это может показаться неожиданным, но я недавно пыталась вычеркнуть тебя из своей жизни, причинив тебе как можно больше страданий.

— Я потрясен. Честно.

Улыбка Кайри становится немного ярче, немного увереннее.

— Но отчасти это было потому, что я хотела найти свой собственный путь, свою собственную тропинку. Так что да, я хочу пойти с тобой, Джек. Я хочу получить новую возможность для себя так же сильно, как и для тебя и для нас.

Я запечатлеваю долгий поцелуй на ее костяшках пальцев. Затем одариваю ее мрачной улыбкой, полной голода и обещания.

— Альберта понятия не имеет, что к ним приближается моя маленькая жрица.

Существа подобные нам не предназначены долго греться на свету. Где бы мы ни прятались, темнота всегда находит нас. Такова истина. Тем не менее, в случае с Кайри есть исключения из правил. Она — мое исключение. Она — мой свет.

И я всегда буду защищать ее свет от тьмы.

Эпилог

Оттепель

Три года спустя

КАЙРИ

— Куда ты?

— За шампанским, — просто говорит Джек, вставая и поправляя свой черный блейзер, проводя рукой по галстуку. Я оглядываюсь через плечо на бар; небольшая очередь тянется к трем перегруженным работой барменам, а затем на свой телефон, наклоняю его, чтобы проверить время.

— Джек...

— Не волнуйся, Лилль Мейер, — его дыхание согревает мой висок, когда он наклоняется поцеловать меня в щеку. — Я скоро вернусь. Шампанского, Сидни?

— Да, спасибо.

Мы с Сидни поворачиваемся посмотреть, как Джек уходит в направлении бара, прежде чем я делаю большой глоток из своего стакана в тщетной попытке заглушить крошечную вспышку раздражения.

— Вы двое отвратительны, — говорит Сидни.

— Спасибо.

— Слишком сексуальные. Слишком умные. Слишком сильно влюблены. Это отвратительно.

— На эту реакцию мы и надеемся.

— А я все еще одинока, вынуждена мириться с твоим вопиющим пренебрежением к моему семейному статусу почти ежедневно. Это пытка.

— Я фанатка пыток, так что... иди за мной, — я осматриваю комнату, теребя концы высокого хвоста, который ниспадает мне на плечо. — А как насчет парня, стоящего вон там, у колонн? Серебристый лис²⁹. Он горячий.

Сидни проследила за моим взглядом и увидела мужчину с короткими седыми волосами

и аккуратно подстриженной бородкой. Он широко улыбается чему-то, что говорит его спутник, и переступает с видом уверенности и непринужденности.

— Да, он довольно привлекательный, — говорит Сидни, ее голос становится отстраненным, когда она наблюдает за ним. Раздается сигнал к окончанию короткого перерыва в церемонии награждения, и взгляд мужчины поворачивается в нашу сторону. Я отвлекаюсь, но Сидни не так быстра и одаривает его застенчивой улыбкой и полупоклоном, который, кажется, рассеивается, прежде чем опустить взгляд на скатерть. — Черт, почему я такая неуклюжая.

— Не правда, ты милая, — я отворачиваюсь и вытягиваю шею, пытаюсь разглядеть высокую фигуру Джека в толпе людей, возвращающихся из бара. Его нигде не видно. — Что неловко, так это то, что я публично убью своего гребаного мужа за его чертово исчезновение. Что, черт возьми, происходит с ним?

— Джека нет в баре?

Я приподнимаюсь на полпути, обшаривая взглядом толпу, чтобы посмотреть, не завязался ли он в разговоре, но нигде его не вижу. Расплавленное ядро гнева вспыхивает искрами жизни глубоко в моей груди.

— Очевидно, нет.

Он не один из немногих посетителей, ожидающих свои напитки в баре. Он не случайно сел за столик к незнакомым людям. Он не стоит у дверей, наблюдая из тени.

Джек ушел.

— Что, черт возьми, за х...

— Спасибо всем за то, что вернулись на свои места, — говорит вышедшая на пенсию ведущая новостей с центральной сцены, окутывая аудиторию своим теплым, насыщенным голосом. — Аукцион закрыт, и выигравшие стваки будут объявлены в конце церемонии. Спасибо всем за щедрые пожертвования.

По украшенному залу для приемов разносятся вежливые аплодисменты, но я слишком занята, набирая короткое сообщение Джеку на телефоне, чтобы хлопать. В нем просто говорится:

ТАЩИ СВОЮ ЗАДНИЦУ ОБРАТНО СЮДА, ИЛИ Я ОТДЕЛЮ ТВОИ КОСТИ ПЛОТИ И СКОРМЛЮ ИХ КОРНЕТТО.

Со стуком кладу телефон на стол и натянуто улыбаюсь Сидни в ответ на ее вопросительный взгляд.

— И теперь, вручая ежегодную премию «Педагог года», мы признаем вклад одного педагога, который прилагает экстраординарные усилия, чтобы поднять настроение и поощрить учащихся, создавая среду превосходства в обучении.

Я в последний раз оглядываю комнату и проверяю телефон в надежде на ответ. Естественно, ничего. Мои пальцы скручиваются на коленях до хруста, пока я пытаюсь придать лицу нечто, что, надеюсь, выглядит пристойно, а не убийственно.

Ведущая улыбается всей аудитории, когда на экране позади нее появляются фотографии кампуса и меня со студентами.

— В дополнение к своим преподавательским и исследовательским обязанностям, лауреатка этого года неустанно работала над расширением факультета судебной антропологии Университета Альберты, реализуя новую инициативу полевых исследований на ферме тел в Центральном Паркленде, и в течение последних трех лет возглавляла программу наставничества для девочек «Северное сияние», чтобы вдохновить следующее

поколение канадских женщин-ученых в науке. Сегодня награду доктору Кайри Рот вручает ее муж, доктор Джек Соренсен.

— Что за хрень, — шиплю я, Сидни хихикает рядом со мной, перекрывая звуки аплодисментов, а я смотрю на высокую фигуру, шагающую по отполированной сцене со всей уверенностью волка, прогуливающегося по полю с ягнятами.

— Твое лицо. Это было здорово.

— Ты знала об этом?

Сидни улыбается, когда я бросаю быстрый взгляд в ее сторону.

— Конечно, знала. Я поклялась хранить тайну.

— Но ты дерьмово хранишь тайны, — шепчу я, с сомнением сверкнув глазами.

— Нет, когда на кону бутылка вина «Моёт», — отвечает она, чокаясь своим бокалом с моим. Я бросаю на нее недоверчивый взгляд, она толкает меня локтем и кивает в сторону сцены.

Когда я поднимаю взгляд, стальные глаза Джека прикованы к моим.

— Привет, лепесточек, — говорит Джек, наклоняясь к микрофону. Его хитрая ухмылка уничтожает мой гнев, и я издаю смешок, зрители хихикают. — Я получил твое сообщение, в котором ты спрашиваешь, куда я пропал, но не думаю, что тебе стоит скормливать мои кости собаке. Может, сначала посмотрим, как пройдет награждение, хорошо?

Я смеюсь вместе со зрителями, подпирая лоб рукой, малиновый румянец заливает мои щеки.

Я смотрю на сцену и вижу, что Джек ждет, его пристальный взгляд сливается с моим, остальная часть зала, кажется, тает на перефирии.

— Я должен сказать несколько слов благодарности комитету по присуждению наград за то, что он позволил мне вручить это признание моей жене, но, честно говоря, я не оставлял им особого выбора, — Джек опускает взгляд на черно-золотую табличку в своих руках. Наступает долгая и задумчивая пауза, когда его слабая улыбка исчезает, прежде чем он возвращает свое внимание ко мне. — Чуть больше трех лет назад я должен был вручить Кайри филантропическую премию Аллистера Brentwуда, но опоздал на церемонию. Хотя это положило начало цепи событий, которые в конечном итоге связали нас воедино, я, тем не менее, не смог оценить достижения Кайри в тот вечер, который так много значил для нее. И благодарен за возможность сделать это сейчас должным образом.

Мое сердце болит так, будто оно стало слишком большим для груди. Я не отрываю взгляда от Джека, пока он оглядывает аудиторию.

— Те, кто хорошо знаком с Кайри, знают, что жизнь хорошенько ее испытала. Но с каждым разом она не только выживала. Она находила способ процветать на своих условиях. Она привносит свои с трудом заработанные качества в каждый аспект своей работы. Как педагог, Кайри является примером лидерства, сопереживания и целеустремленности. Но она также свирепа, грозна и бесстрашна. И, имея честь знать ее лучше, чем кто-либо другой, я могу с уверенностью сказать, что ее самым главным качеством, присущим всему, что она делает, является ее жизнестойкость. Мне посчастливилось работать со своей женой в течение шести лет. Первые три были... не самыми яркими моментами для меня. По крайней мере, когда дело касалось ее. Но Кайри заманила меня в свои сети, несмотря на все мои усилия оставаться подальше. Даже когда она заявила, что готова отказаться от меня, она этого не сделала. Она выстояла. И постепенно я начал видеть жизнь ее глазами. Это все равно, что смотреть в замочную скважину. Чем больше я наблюдал, тем больше она

открывала для меня тайный мир. Иногда я вижу там насилие и потери. Иногда красоту и радость. Иногда я вижу печаль, иногда — восторг. Несмотря на все это, Кайри Рот словно стоит в эпицентре бури, стойкая и незапятнанная, как отполированный драгоценный камень. И разве это не то, что делают наши лучшие учителя? Они приоткрывают скрытые миры, иногда те, которые были прямо перед нашими невидящими глазами. Они разжигают наше любопытство. Они заставляют нас задаваться вопросом, что еще ждет нас впереди, если только мы решим найти в себе смелость.

Джек снова смотрит на меня, и я вижу в его глазах то, что принадлежит только мне. То, что он никогда никому другому не показывает.

— Я не знал, какой может быть жизнь, пока ты не осветила своим светом темноту. Ты неукротима, как солнце. Такая же неотъемлемая часть меня, как структура костного мозга в моих костях. И я люблю тебя, Лилль Мейер.

Я встаю со своего места и пробираюсь между столиками еще до того, как Джек приглашает меня выйти на сцену, путь к нему завлакивает водянистая пленка.

Но я всегда найду свой путь к Джеку.

Аплодисменты подобны дождю за занавесом. Сердце Джека ровно бьется у меня под ухом, когда я сжимаю его в объятиях, и это единственный звук, который я хочу слышать.

— Ты должна взять эту штуку, — шепчет Джек мне на ухо, тыча уголком таблички мне в руку, другой рукой он крепко обнимает мою обнаженную спину. Я киваю, но ему приходится отстраниться, ведь я не отпускаю его. Тыльной стороной ладони я касаюсь влажных ресниц, когда Джек поворачивает меня за плечи лицом к аудитории.

— Я... эм... не буду скармливать его кости собаке, — говорю я дрожащим голосом, пока зрители смеются. — Это было здорово, Джек. Наверстал упущенное в Brentwude. На самом деле я не сожалею о последовавшем наказании, но, возможно, это история для другого раза.

Аудитория снова смеется, и я набираю обороты, полагаясь на детали, которые запомнила перед сегодняшним вечером. Я благодарю профессорско-преподавательский состав за номинацию. Я благодарю своих друзей и коллег, моих студентов. Возможно, мои родители остались в прошлом, но я тоже благодарна им за то, что они дали мне инструменты, позволяющие проложить свой собственный путь.

И, наконец, я бросаю взгляд на Джека.

— Доктор Соренсен этого не знает, но однажды я сидела в конце его класса. Это было задолго до того, как мы стали коллегами, еще когда он был аспирантом. Он вел занятия по остеологии, — я опускаю взгляд на табличку в своих руках.

Задумчивая улыбка появляется на моем лице, когда я вспоминаю трепет от возможности сидеть и наблюдать из тени, просто слушать его голос, этого человека, который дал мне шанс продолжать идти вперед, хотя я еще не была уверена, как собрать осколки.

— Это было время потерь и неуверенности в моей жизни. Наблюдая за тем, как он направляет и вдохновляет эту группу студентов своими обширными знаниями и страстью к своей работе, я и сама вдохновилась. Он упомянул что-то о следах от укусов падальщиков на костях, и это вызвало у меня вопросы о животных, которые их оставили, их поведении, вопросы, которые в конечном итоге привели меня сюда. Но этот единственный момент был как удар молнии. Он зажег надежду на то, что я тоже могу стать чем-то большим, — когда я поворачиваюсь к нему, взгляд Джека, кажется, на мгновение прикован к полу из-за

нахмуренных бровей, но я жду, чтобы поймать его с улыбкой, когда он поднимет глаза. — Так что спасибо тебе, Джек. Ты показал мне, что солнце все еще может светить, даже в самые холодные дни.

Мгновение времени застывает во вспышке фотоаппарата. Тот, который я запомню навсегда. Выражение лица Джека, его улыбка — отражение моей собственной. Зрители, вспышки, которые окутывают нас теплом. Но не только то, что я вижу, врезается в память. А то, что я чувствую. Я любима не только за свой свет, но и за тьму. Благодарна не только за этот момент, но и за то, что пережила те трудности, которые привели меня сюда. Я их почитаю. И я сияю.

Боюсь, что это прекрасное мгновение может исчезнуть, когда вспышки прекратятся, но это чувство все еще сохраняется.

Делается еще несколько снимков, прежде чем Джек протягивает руку. Я кладу ладонь на сгиб его локтя, его другая рука ложится поверх моей, прохладная и устойчивая на переплетении моих костей. Мы спускаемся со сцены, он возвращается к столу, оставляя меня общаться с благотворителями и коллегами, пока объявляется следующая награда. И когда я возвращаюсь на свое место рядом с Джеком, мы лишь коротко обмениваемся улыбками, прежде чем я присоединяюсь к его разговору с коллегами, наши пальцы переплетены под столом.

Мы остаемся ровно настолько, чтобы очаровать некоторых инвесторов и влиятельных местных жителей, а затем отправляемся домой, в бревенчатую хижину в стиле шале с видом на реку Норт-Саскачеван на отдаленном участке пересеченной местности. После целого рабочего дня и вечера общения мы оба в изнеможении ложимся в постель, и я быстро засыпаю под ровный стук сердца Джека у меня под ухом.

И когда я просыпаюсь на следующее утро, то вижу пустую кровать и чувствую запах кофе.

Я потягиваюсь, моя рука скользит по матрасу на сторону Джека. Простыни холодные.

Корнетто сопит в изножье кровати, его хвост волочится по пуховому одеялу, когда он трет мордочкой об одеяло и двигается ко мне.

— Давай, Корн-Дог, — говорю я, похлопывая по подушке Джека, на которую Корнетто плюхается на спину, а я чешу его по животу. — Ложись на сторону Джека.

Когда Корнетто удовлетворен нашим утренним ритуалом и спрыгивает с кровати, чтобы тихонько спуститься вниз, я переворачиваюсь, оперевшись на локоть, чтобы взять дымящийся кофе с прикроватной тумбочки.

Рядом лежит маленькая коробочка, обернутая золотистой бумагой, с чистыми и аккуратными складками.

Никакой записки. Карточки нет. Просто бант знакомого синего оттенка.

Я кладу коробку на кровать рядом с собой, улыбаясь аккуратному оформлению упаковки, прежде чем разорвать бумагу.

Внутри — потертая зажигалка Zippo.

Я внимательно смотрю на нее, зная, что это не тот ценный трофей, которым пожертвовал Джек, когда поджег мой старый дом. Инициалы S.V. выгравированы поверх выцветшего цветочного узора. Задумчиво хмурясь, я поворачиваю зажигалку в руке, чтобы полюбоваться ею на фоне шрама на большом пальце, прежде чем открыть крышку.

Щелчок. Хлопок, щелчок.

Успокаивающая фигня. Я улыбаюсь, ощущая тяжесть в ладони, когда обхватываю

пальцами холодную сталь.

— Спасибо, Джек.

Мое сердце стучит, как колокольчики в костях, когда я одеваюсь и засовываю зажигалку в карман треников, спускаясь вниз со своим кофе. Меня не ждет завтрак, — обычный признак того, что Джек ставит мне задачу найти его. Выпив кофе, я выхожу навстречу яркому мартовскому солнцу, его лучи обещают весну, отражаясь от затянувшегося снега.

Корнетто, уткнувшись носом в землю, ведет меня вниз по петляющей тропинке, которая вьется к скалистому гребню на участке. Я сразу же нахожу след Джека на тающем снегу и вздыбленном инеем гравии, отпечатки его ботинок все еще достаточно свежи. Когда мы приближаемся к гребню и минуем сосны, в поле зрения появляется Джек, он стоит на небольшой поляне у края скалистого выступа, засунув руки в карманы. Я улыбаюсь, в моих мыслях вспыхивает мимолетное воспоминание о его фотографии, которую я сделала в Уэст-Пэйне незадолго до того, как поступила на факультет. После того момента я погрязла во многом, и ценю тот вид, который вижу сейчас. Муж приветствует нашу собаку, прежде чем с улыбкой поднять на меня свои серебристые глаза.

— Найти тебя сегодня не составило особого труда. Вероятно, это был рекорд. Что вы задумали, доктор Соренсен? — спрашиваю я, хватая его за пальто и приподнимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать в губы.

Джек отводит выбившуюся от ветра прядь моих волос, заправляя ее мне за ухо.

— Я думаю, вы достаточно умны, и понимаете, что это сюрприз, доктор Рот.

Я издаю смешок, и Джек берет меня за руку, ведя за собой оставшееся расстояние по тропинке. Мы взбираемся на вершину холма, внизу простирается знакомая местность. Яркое утреннее солнце заливает светом нетронутый снег, сверкающий на притоках талой воды, пересекающих равнину, которая спускается к широкой реке. Я едва различаю шум течения вдалеке, когда Джек останавливает нас перед большой упакованной коробкой, лежащей на водонепроницаемом одеяле, бумага, лента и бант — все золотистое.

Я смотрю на Джека, в его глазах вспыхивает темный голод, прежде чем он кивает на коробку.

— Давай, — говорит он.

Корнетто присоединяется ко мне, когда я опускаюсь коленями на одеяло и отрываю бумагу и ленту от черного футляра. Я расстегиваю две защелки и открываю его, видя красивый составной лук, основание и конечности которого окрашены в оттенки синего со стрелками в тон.

— Это потрясающе, Джек, — говорю я, проводя кончиками пальцев по изгибу. — Большое спасибо. По какому случаю?

Он пожимает плечами, пытаюсь выглядеть беспечным, но я замечаю знакомый блеск в его глазах, который он не может скрыть от меня.

— Однажды ты сказала мне, что я должен пресмыкаться перед тобой. Ты не сказала, когда мне следует остановиться.

Я издаю смешок, и он улыбается.

— Да... этого не произойдет, — моя улыбка становится задумчивой, когда я провожу рукой по деталям, расписанным вручную, по разноцветным голубым полоскам, сияющим на солнце.

— Достань, — говорит Джек. — Если размер и технические характеристики не подходят, мы можем их изменить.

Я коротко улыбаюсь ему, а затем достаю бант из футляра, рассматривая детали, привыкая к весу. Джек наклоняется рядом и изучает стрелу, прежде чем передать ее мне. Мы поднимаемся, стрела уже наложена на тетиву к тому времени, как я выпрямляюсь. Я смотрю через прицел на горизонт.

— Я думаю, всё идеально, Джек.

— Лучше быть уверенным.

Мой взгляд падает на Джека рядом, он с дьявольской улыбкой набирает что-то на своем телефоне. Бросает взгляд в мою сторону, прежде чем кивнуть головой в сторону дома. Мгновение спустя мужчина средних лет, мощного телосложения, спотыкаясь, выходит на равнину из нашей скрытой комнаты для убийств, встроенной в скалу под нами, и подносит руку к глазам, осматривая местность впереди. Паника прокатывается по свежему воздуху чередой тихих ругательств, когда он делает шаг вперед, его босые ноги увязают в тающем снегу.

— Шон Бейли. Бывший владелец твоей новой зажигалки. Поверь мне, когда я говорю, что он соответствует всем твоим критериям, лепесточек.

— О, я доверяю тебе, любовь моя.

Я поднимаю лук, когда мужчина начинает бежать к реке.

— Может, тебе не стоит слишком доверять мне, — говорит Джек, его голос насыщен, как растопленный мед, когда он встает позади, стараясь не мешать мне держать оружие. Его прикосновение скользит по моему бедру, прохладные кончики его пальцев лезут под кофту, лаская мою кожу. Его дыхание согревает раковину моего уха, когда он шепчет: — Скажи мне, Лилль Мейер, твои трусики сейчас насквозь мокрые?

— Есть только один способ это выяснить.

Я ухмыляюсь.

И пускаю стрелу в полет.

КОНЕЦ

Большое вам спасибо за то, что провели время с Джеком и Кайри! Мы надеемся, что вы влюбились в них так же сильно, как и мы. Чтобы прочитать бонусную пикантную главу, листайте ниже!

Бонусная глава

ШВЫ

КАЙРИ

— Что? — спрашиваю я, наблюдая, как взгляд Джека отслеживает движение моей руки, когда я опускаю кружку с кофе. На его лбу появляется легкая складка, когда я беру вилку, и безуспешно пытаюсь подавить улыбку, поскольку его внимание приковано к тому, как я размахиваю едой над своей тарелкой. — Ты как кошка, следящая за лазерной указкой.

Джек бросает на меня быстрый взгляд, который только усиливает мою улыбку, прежде чем он возвращает внимание к моей руке.

— Прошло почти две недели. Швы должны были сойти.

Я пожимаю плечами, накалывая клубнику, в то время как Джек следит за каждым движением.

— Я сниму их позже.

— Не снимешь.

Я вызывающе поднимаю бровь, отправляя клубнику в рот, прежде чем переключить

внимание на документы рядом с моей тарелкой.

— Сниму.

— Не-а.

— По утрам ты так же очаровательна, как и... ладно... на самом деле, в любое другое время суток.

— Скажите мне, доктор Рот, — говорит Джек, и в его голосе сквозит превосходство человека, который собирается сыграть в игру, в которой, как он уже знает, выиграет. — Вы бы не создали прецедент такого безрассудного с медицинской точки зрения поведения, не так ли?

— Я понятия не имею, о чем вы говорите, доктор Соренсен, — говорю я, уплетая очередную клубничку, не отрывая глаз от бумаг, несмотря на магнетическое притяжение присутствия Джека, нависшего над столом.

— Забавно. Возможно, твоя память пострадала во время болезни.

Я не могу удержаться от скептического взгляда, который бросаю через стол. Непокколебимый взгляд Джека расплавлен той яростью, которая тлеет в темноте, поджидая в засаде, когда ничего не подозревающая жертва подойдет слишком близко, чтобы можно было наброситься. Моя улыбка становится шире, я впитываю его раздражение. Это даже более восхитительно, чем сироп, которым я обмазываю французские тосты.

— У тебя явно что-то на уме. Просветишь меня?

— С удовольствием, — говорит Джек угрожающим голосом, наклоняясь вперед, закатывая рукава, прежде чем прижать предплечья к краю стола. — В конце концов, я помню это в мельчайших подробностях. Была одна преподавательница, которая не спала два дня, несмотря на обострение пневмонии, чтобы уложиться в сроки подачи заявок на получение гранта. Затем она решила провести полевые работы под дождем после получения указанных грантов. Неудивительно, что именно этому преподавателю тогда пришлось взять почти десятидневный отпуск по болезни. Звучит знакомо?

На челюсти Джека вздрагивает мускул, пока мы рассматриваем друг друга в напряженном молчании. Я опускаю столовые приборы — единственное движение, которое, как мне кажется, я могу сделать.

— Если бы я знал, что в прошлом у тебя был коллапс легкого, я бы потащил тебя к врачу еще раньше. Я должен был сделать это в любом случае.

Ошеломленный взгляд, который, должно быть, не скрыть на моем лице, похоже, не нравится Джеку. Это никак не смягчает гнев, что морщит его лоб и темнеет в глазах.

— Хорошо... но это швы, Джек.

— Мне все равно.

Он отодвигается от стола и встает с плавной грацией. Я поворачиваюсь на своем сиденье, чтобы посмотреть, как Джек уходит, исчезая в тени коридора, ведущего в ванную на первом этаже. Он возвращается через несколько мгновений с серебряными ножницами, пинцетом и спиртом, зажатými в одной руке, и стерильными марлевыми тампонами в другой. Джек садится за стол напротив меня и отодвигает локтем свою тарелку в сторону, раскладывая между нами инструменты.

— Иди сюда, — требует он, когда все разложил, как ему надо.

— Я еще не доела завтрак, — отвечаю я с приторной улыбкой и многозначительным взглядом на тарелку.

Джек отодвигается на краешек стула и похлопывает себя по бедру. Злобный блеск

скрывает ярость, которая все еще тлеет в его глазах.

— Я сделаю так, что это будет стоить потраченного времени.

Я прищуриваюсь и обмакиваю клубнику в кленовый сироп, не торопясь размазываю ее по тарелке, прежде чем поднести к губам. Воздух между нами, кажется, потрескивает от статического электричества, Джек следит за каждым моим медленным и целеустремленным движением.

— Действительно?.. Как же?

— Иди сюда и узнай, — взгляд Джека опускается на мои губы, пока я с дразнящей медлительностью жую клубнику. Моя улыбка — вызов, который зажигает серебряное пламя в его глазах. — Лилль Мейер...

— Доктор Соренсен.

— Пожалуйста.

Моя улыбка увядает.

Любому другому Джек показался бы таким же суровым и устрашающим, как минуту назад. Но я вижу разницу в его глазах. Желание омрачает их. Есть потребность, что-то глубокое, что-то чуждое и незнакомое, вопросы, с которыми он борется. Потребность одновременно защищать и разрушать. И вся эта энергия направлена на меня.

Я опускаю столовые приборы и кладу их на свою тарелку, не отрывая взгляда от Джека. Жаль, что я не могу сказать ему, что он не найдет во мне никаких ответов, что я тоже не знаю, куда девать свою энергию. Все мои ожидания относительно жизни были разрушены в тот день, когда мы встретились. Они разрывались на части каждый раз, когда я собирала их заново. И сейчас ничего не поменялось. Я ничего так не хотела, как заставить Джека страдать, и теперь он рассматривает это желание в новом свете, как призму на солнце. Теперь все выглядит по-другому, когда мои желания оказываются в его власти.

Но я ему этого не говорю.

Я просто стою, наши взгляды сливаются, пока я не беру его протянутую руку и не поворачиваюсь, чтобы сесть к нему на колени.

Руки Джека обвиваются вокруг меня, его дыхание согревает мою шею, когда он кладет подбородок мне на плечо, его внимание поглощено моей рукой, он с нежной грацией переворачивает ее, чтобы осмотреть крошечные черные узелки, которые следуют за красной полосой заживающей раны. Он смачивает марлевый тампон спиртом для протирания и протыкает рядом с неровным порезом, не торопясь с тем участком, который заживал дольше всего, струп все еще толстый и красный. Когда он, кажется, удовлетворен, то тянется за маленькими металлическими ножницами и пинцетом, лежащими на столе.

Я наклоняю к нему голову, чтобы его дыхание согревало мою щеку, и наблюдаю, как он перерезает нить. Ощущение волокна, скользящего по коже, одновременно необычное и странно приятное. Когда первый стежок снят и отложен в сторону на выброшенной марле, Джек запечатлевает долгий поцелуй на пульсе у меня на шее. Затем он переходит к следующему.

— Больно? — спрашивает Джек, когда убирает вторую нить, а затем перерезает ее.

— А ты хочешь, чтобы было больно?

Джек на мгновение замирает, прежде чем распустить стежок. Когда откладывает его на марлю, он поворачивает ко мне голову, его дыхание смешивается с моим.

— Тебя не смутит, если я скажу «да»?

Я одариваю его горько-сладкой улыбкой, мои глаза задерживаются на его губах, пока я

ищу любую причину, чтобы сказать «хорошо», но я уже знаю, что не найду ни одной.

— Ты знаешь, что я тебе доверяю. Нет, Джек, меня это не смутит.

Никто из нас не двигается. Ветивер наполняет воздух ароматом. Я наблюдаю, как его серебристые глаза скользят по моему лицу, между бровями появляется слабая складка.

— Почему нет?

— Ты такой, какой есть. Волк не верит, что он чудовище. Он принимает себя, — говорю я, слегка пожимая плечами под его подбородком. — Ты цепляешься за какую-то идею о том, каким ты должен был быть, потому что тебе так сказали. Из-за своего окружения. Это слой мира, в котором нам приходится жить, поэтому нужно маскироваться, чтобы выжить. Но это не единственный слой мира. Я знаю, какой слой наш. На самом деле я знаю его довольно хорошо несмотря на то, что может подумать какой-то там важный серийный убийца, — Джек одаривает меня слабой улыбкой, которая длится недолго. Его пристальный взгляд охотника впивается в меня. — Я не вижу монстра, Джек. Я вижу волка.

Взгляд Джека отрывается от моих глаз, задерживаясь на губах, пока он обдумывает мои слова.

— Если я волк, то кто ты?

— Рысь, — Джек смеется, и я легонько толкаю его локтем в ребра, неразрезанный шов в его хватке натягивает мне кожу. — Эти ублюдки, может, и милые, но они пушистые маленькие задиры. Не стоит недооценивать рысей.

— Лилль Мейер, — мурлычет он. Еще один поцелуй прижимается к моей шее, чуть ниже уха. — Я больше никогда не совершу этой ошибки.

Я провожу ладонью вниз по напряженным мышцам предплечья Джека, останавливаясь, когда моя рука обхватывает его, он пинцетом туго тянет шов. Он вытаскивает их и откладывает в сторону вместе с остальными, а затем целует, прижимаясь к месту между моей шеей и плечом. Грудь Джека прижимается к моей спине с глубоким, медленным вдохом.

— Ты не ответил на мой вопрос, — говорю я хриплым голосом, когда он снова кладет подбородок мне на плечо, чтобы сосредоточиться на следующем стежке.

— Нет.

— Нет, ты не ответил на мой вопрос, или нет, ты не хочешь причинить мне боль?

Джек молчит, берясь пинцетом за следующий узел и проводя им по моей коже. Этот находится близко к глубокому, неровному участку раны, и мне больно, но я не реагирую. Мгновение спустя он убирает нити, и губы Джека прижимаются к мочке моего уха, его дыхание щекочет кожу.

— Я хочу причинить тебе боль только так, как тебе понравится, — наконец говорит он и захватывает зубами мочку моего уха, прикусывая достаточно сильно, чтобы намек на боль смешался с дрожью желания. Дыхание его улыбки согревает мою кожу, а затем он разжимает зубы, успокаивая поцелуем.

Еще несколько швов зажимаются в тисках пинцета, прежде чем он их подрезает и снимает, за каждым из них следует прикосновение губ Джека. Моя челюсть. Моя щека. В уголке моего рта. Каждый разжигает тепло в моей груди, мое желание к нему из угольков, всегда отложенных и тлеющих, всегда готовых вспыхнуть.

— А как насчет тебя? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, хотя он все равно выходит немного запыхавшимся. Джек перекладывает меня к себе на колени, осматривая шов, который, кажется, не поддается заживлению. Моя челюсть сжимается от

дискомфорта. Хотя я не двигаюсь, Джек распознает боль и прекращает свои попытки запечатлеть еще один поцелуй на моей коже. Он, должно быть, почувствовал это по биению моей яремной вены о его щеку. Он всегда следит за моим сердцебиением, следит за моим пульсом. — Ты думаешь, я хочу причинить тебе боль?

Джек смеется. Редкий и драгоценный звук, он отражается в каждой впадинке моих костей, согревает.

— Лилль Мейер, я знаю, что хочешь.

Шов, наконец, снимается, и я задерживаю дыхание, когда он скользит по моей коже. Джек кладет нить на стол и берет кусочек марли, чтобы стереть капельку крови со струпа, который никак не хотел рассасываться.

Голос Джека низкий и тихий:

— Тебе не нужно делать этого со мной, — на этот раз он подносит мою ладонь к своим губам, запечатлевая долгий поцелуй в центре, осторожно, чтобы не потревожить рану и оставшиеся швы.

— Что делать?

— Притворяться, что тебе не больно.

Я долгое время стою неподвижно. Слова, которые я хочу сказать, вертятся у меня на языке, как будто я чувствую их вкус.

Но я ничего не говорю.

Небольшая слабость в мышцах с трудом позволяет удерживать мой позвоночник неподвижным. Немного расслабляю плечи. Глубокий, медленный вдох. А потом моя голова прижимается к голове Джека, и я больше не наблюдаю за работой его рук. Я просто закрываю глаза и чувствую, как натягивается каждая нить.

Когда последний шов развязан, Джек протирает мою руку спиртом, а затем откладывает марлю в сторону, чтобы обхватить меня одной рукой за талию, а другую положить мне на бедро. Я не открываю глаза. Интересно, закрывает ли Джек свои тоже, когда его вес неподвижно ложится мне на плечо.

Мои пальцы медленно выводят узоры на его предплечье от запястья до складок ткани закатанного у локтя рукава.

Испытывал ли кто-нибудь к Джеку те же чувства, что и я? За годы, проведенные в наблюдении за ним, я знаю, что у него были женщины, но все это были случайные, мимолетные романы, если их вообще можно так назвать. Жгучая ревность может быть восхитительной пыткой, и это не первый раз, когда я позволяю себе соскользнуть в ее жаркие объятия. Но когда я провожу пальцами по его коже и прижимаюсь спиной к теплой вздымающейся и опускающейся груди, в моих мыслях расцветает не просто ревность, но и печаль. Потому что, может быть, это правда — может быть, никто не любил его так, как я.

А я даже не могу ему сказать. Что, если он уйдет и никогда ничего не узнает?

Все становится сложнее.

Я сглатываю. Делаю глубокий вдох. Открываю глаза. Открываю рот, зажимая слова в горле. Они прямо здесь.

— Я...

Так быстро, как слова слетают с моего языка, время бежит еще быстрее, рисуя в моей памяти все, что я потеряла, в образах, которые, благодаря этому, я никогда не забуду.

Все, кого ты любила, ушли.

Я замираю, у меня перехватывает дыхание.

— Хмм...? — произносит он, и гул этого звука отдается у меня под лопаткой.

Я сглатываю и усмиряю дыхание.

— Я... м-м-м... — я слегка качаю головой, издавая хриплый смешок. — Я думала, ты сказал, что сделаешь так, чтобы это стоило моего времени, — говорю я, придавая своим словам яркие оттенки и соблазнительные нотки.

Повисает пауза, от которой воздух вокруг нас сгущается, и на мгновение я думаю, что Джек бросит мне вызов в очевидном отвлекающем маневре, но он этого не делает.

Вместо этого Джек убирает руку с моего бедра и тянется к своей тарелке, зажимая клубнику между пальцами.

— Это правда... — ягода приближается ко мне и в последний момент отклоняется, не касаясь моих губ, ее путь заканчивается у рта Джека. Я почти чувствую, как его хитрая улыбка витает в воздухе, пока он жует. Вероятно, мое недовольное молчание доставляет ему больше удовольствия, чем вкус клубники. — И теперь у тебя рука свободна от швов. Не за что.

Недоверчивый смешок срывается с моих губ, когда Джек тянется за еще одной клубникой. Когда она оказывается на пути к нему, я выхватываю ее у него из пальцев и запихиваю себе в рот.

— Лилль Мейер, — шепчет он мне на ухо, пока я жую сквозь торжествующую ухмылку. Он тянется за другой ягодой, и я двигаюсь, чтобы украсть и ее тоже, но случайно выбиваю ее у него из рук, спелая ягода отскакивает от стола и приземляется на темно-серый ковер, Корнетто хватает ее и убегает на кухню.

На мгновение воцаряется гробовая тишина, пока мы наблюдаем, как собака поглощает последнюю клубнику с тарелки Джека.

Мгновение спустя меня приподнимает за талию стальной хваткой, и звук моего крика пронизывает воздух.

— Моя маленькая жрица, всегда ищущая повод, — рычит Джек, затаскивая меня в гостиную и швыряя на диван, пока я хихикаю.

— Но я думала, ты будешь добр ко мне, Джек. Мне больно, — говорю я, притворно надувая губы, поднимая руку, когда он грубо хватает меня сзади за шею, чтобы перевести в сидячее положение, прежде чем оседлать мои бедра.

Джек расстегивает пряжку своего ремня.

— Откуда бы ты ни взяла эту идею, она исходила не от меня, лепесточек, — он расстегивает молнию, стягивая штаны и трусы ровно настолько, чтобы высвободить эрекцию, предъязыкулят блестит на фоне титанового колечка.

Джек пробегает взглядом по каждой черточке моего лица, прежде чем вернуться к глазам, темный, дьявольский блеск озаряет его пронзительный взор.

— Вы сегодня очень хорошо выглядите, доктор Рот, — говорит Джек, поглаживая свой член томным движением руки по ступенькам из сережек. — По какому случаю?

Я облизываю губы и сглатываю, прикованная к движению его руки и легкому толчку бедер.

— Важное совещание по рассмотрению гранта.

— Ах да, точно, — хватка Джека усиливается на моем затылке, удерживая меня на месте. — Я думал, это будет что-то серьезное. Ты редко пользуешься красной помадой. Будет обидно, если кто-нибудь все испортит.

Джек прижимает головку своего члена к моим губам, затем проводит им по моей щеке,

размазывая свою влагу и мою помаду.

— Упс.

Я прикусываю нижнюю губу, пока не ощущаю железный привкус крови, но не могу скрыть веселья в глазах. Джек смотрит на меня сверху вниз с расплавленной, яростной потребностью в своих ртутных глазах.

— Доктор. Рот... — говорит Джек, крепко сжимая ладонью твердую длину. Я вопросительно поднимаю брови. — Открой пошире.

Мой раскованный смех приглушается тем, что член проходит мимо моих губ, металлом скользя по языку. Хватка Джека на моей шее усиливается, он входит глубже, медленно погружаясь в горячие, влажные объятия моего рта.

— Верно, лепесточек. Поскольку ты жаждешь все, что принадлежит мне, можешь взять все это прямо в свое хорошенькое маленькое горло.

Я давлюсь, металл проходит по основанию моего языка, слезы текут по лицу, я сглатываю и привыкаю к чужеродному ощущению. Джек обхватывает мою шею, заполняя меня своей длиной. Он замолкает, когда последние перекладины титановых стержней проходят в мой рот, его глаза прикованы к моим губам, я стону вокруг его члена.

— Черт, — шипит он, прежде чем отстраниться, чтобы толкнуться еще раз. Его большой палец скользит по влажным полосам на моей щеке, размазывая остатки макияжа. — Ты чертовски красивая дрянь, Лилль Мейер.

Джек крепко сжимает мою шею сзади до синяков, набирая ритм медленных, долгих толчков. Комната наполняется звуком его члена в скользком всасывании моего рта, моими сдавленными стонами, его прерывистым дыханием и первобытным хрипом, когда он набирает обороты и трахает мое горло с беспощадной потребностью.

И я бы не хотела, чтобы было по-другому.

Джек отпускает меня ровно настолько, чтобы расстегнуть верхнюю пуговицу своей рубашки, прежде чем завести руку за голову и стянуть ее. Она даже не упала на пол, а я уже обвожу руками линии напряженных мышц перед собой, наслаждаясь теплом и тонкой струйкой пота, собирающейся на его коже.

Глубокие толчки наполняют мое горло. Я сжимаю бедра вместе, отчаянно нуждаясь в трении. Когда протягиваю пальцы к поясу своей юбки, Джек захватывает мои запястья, прижимая их к спинке дивана, продолжает толкаться.

— Не-а, лепесточек, — выдавливают он вслед за мрачным смешком. — Каким бы божественным ни был твой рот вокруг моего члена, ты этого еще не заслужила.

Джек дрожит, его хватка усиливается, каждый мускул напряжен, он смотрит на меня сверху вниз. Я почти пленница его отсутствующего милосердия. Но когда он рычит череду датских ругательств, я улыбаюсь, глядя на его эрекцию. Ведь, что бы он ни говорил, мы оба знаем, у кого здесь власть.

И все же это знание не помешает ему раствориться в дикой потребности.

Джек отрывается от моего рта и смотрит сверху вниз на мое испачканное лицо, слезы и слюна застывают на моей едва заметной улыбке.

Вдох спустя, и я переворачиваюсь, приземляясь локтями на подушки, моя обтягивающая юбка задирается вверх по ногам грубыми рывками, а трусики натягиваются на задницу, пока я не слышу, как лопаются нитки. Джек входит в меня одним глубоким толчком, до самого конца. Он трахает меня в том же ритме, как и во рту.

— Это мое, — говорит Джек, разрывая кружево и стягивая с меня трусики.

— И ты купишь мне новые. Это уже третья пара, которую ты испортил.

— Ох, как жаль. У меня разбито сердце, правда.

— Ты собираешь мои трофеи.

— Чертовски верно.

— Что ты собираешься с ними делать?

— Все, что, блять, захочу, лепесточек, — Джек погружает свой член так глубоко, как я могу его принять, и остается там, наклоняясь ближе к моей спине, пока его губы не оказываются у моего уха. Он вытаскивает заколку из моих волос, позволяя локонам рассыпаться по плечам, прежде чем отбросить их в сторону. — Может, просто буду носить с собой на случай, если захочу трахнуть тебя на твоём офисном столе и будет чем заткнуть тебе рот.

Темный трепет разливается по моим венам. Я хочу ту маленькую фантазию, которую он только что нарисовал. Тело предаёт меня. Джек проводит рукой вниз по моей груди, проводя ладонью соску, тот уже превратился в твердый бутон. Моя киска сжимается вокруг едва заметного движения его эрекции, когда он двигает бедрами. Рука Джека продолжает спускаться вниз по центру моего тела, проходя по скомканной ткани юбки, его пальцы легким движением обводят клитор. Прикосновение проскальзывает сквозь мое возбуждение. Я чертовски мокрая.

Его тихий смешок вибрирует у меня в спине.

— Ну что ж. Думаю, я знаю, что делать, когда в следующий раз увижу тебя по видеосвязи.

Прежде чем Джек понимает, что происходит, я освобождаюсь от него неожиданным рывком вперед. Резко поворачиваюсь к нему и толкаю на диван, оседывая его узкие бедра, прежде чем снова опуститься на его член.

— Нет, ты не будешь этого делать, — мурлычу я, потираясь о его эрекцию. Джек стонет, я провожу ногтями по выступам его пресса, впиваясь ими, чтобы оставить следы на его коже. Он вздрагивает и обхватывает меня за талию. — Я приду к тебе в офис. Или, что еще лучше, в лабораторию в нерабочее время, где нет занавеса для стекла. Может, я застану тебя в холодильнике для тел. Бьюсь об заклад, если я потребую, чтобы ты трахал меня в задницу, пока она не пропитается твоей спермой, прежде чем я возьму в рот свои трусики, ты выполнишь это, даже несмотря на то, что холодильная камера не запирается и кто-нибудь может зайти к нам в любой, — я касаюсь приоткрытых губ Джека. — Любой, — еще одно легкое касание. — Момент.

В последний раз щелкнув Джека по кончику носа, я откидываюсь назад и смотрю на него сверху вниз с озорной ухмылкой.

Он моргает, глядя на меня, и на его лице появляется нечитаемое, мрачное выражение. В ответ моя улыбка становится чуть более озорной.

— Господи Иисусе, мать твою, — шипит он и толкается в меня с рычанием. — Никогда мне так сильно не хотелось попасть в холодильную камеру.

Мрачный смешок срывается с моих губ, и выражение лица Джека меняется. Это просто едва уловимый сдвиг чего-то, скрытого за жгучим желанием и жестокой потребностью. Это похоже на страстное желание.

Он притягивает меня к себе, кладет руку мне на затылок и целует глубоким, соблазнительным и роскошным поцелуем, который наполняет нас обоим желанием. Он стонет у моих губ, и я сжимаюсь вокруг него от приближающегося освобождения, он не

прекращает даже, когда я кончаю, не отпускает мою шею, когда я кричу ему в рот, и не когда я содрогаюсь от дрожи, а нервы распадаются, как шипящие хвосты комет фейерверка, падающие с неба. Джек целует меня, сильно толкается и наполняет меня, моя киска плотно обхватывает его по всей длине, я принимаю каждую каплю его спермы. И когда все заканчивается, наш поцелуй все еще продолжается, руки Джека зарываются в мои волосы, пока я провожу кончиками пальцев по всей длине его ключицы, по изгибу шеи и выступу челюсти.

Я отстраняюсь ровно настолько, чтобы прошептать ему в губы.

— Мне нужно идти.

Недовольное «М-м-м» — это его единственный ответ, прежде чем он снова завлекает меня в чары своего поцелуя.

В конце концов, однако, я все-таки отрываюсь и встаю, разглаживая юбку на бедрах, хотя это безнадежное дело. Я оставляю Джека на диване и поднимаюсь наверх, чтобы переодеться, привести в порядок прическу и макияж, и через тридцать минут крадусь обратно вниз по лестнице с неудержимой озорной улыбкой.

Джек на кухне загружает посудомоечную машину, когда я на цыпочках подхожу к входной двери, где висит мое пальто цвета кэмел, и молча надеваю его, закидываю сумку на плечо, прежде чем вернуться в направлении кухни и двери, ведущей в гараж. Бросив взгляд на обеденный стол, где лежат мои бумаги рядом с пустой посудой, я понимаю, что не успею дойти до стола и миновать кухню вовремя, поэтому смиряюсь с тем, что перепечатаю их, когда доберусь до офиса.

Если я буду вести себя тихо, то смогу добраться до двери прежде, чем он заметит.

Но Корнетто, маленький засранец, выдает меня.

Как только пес замечает меня в пальто, он решает, что, должно быть, пришло время для импровизированной прогулки, и тихонько выходит из кухни в мою сторону, помахивая своим пушистым хвостом. Мне удастся накинуть пальто на себя, прежде чем Джек поворачивается ко мне лицом. Возможно, я и смогла бы скрыть тело, но я не могу скрыть блеск в своих глазах, и Джек наклоняет голову, внимательно изучая меня.

Возможно, сейчас у меня ничего не получится. Может быть, я и не хочу пытаться.

— Хотите узнать секрет, доктор Соренсен? — говорю я, пробираясь к двери в гараж, мой взгляд падает на мои ботинки на коврике. Я крепче сжимаю ключи в руке.

Глаза Джека подозрительно сужаются. Хищный огонь вспыхивает в его взгляде цвета оружейного металла.

Я подкрадываюсь ближе к двери, в то время как Джек размеренным шагом направляется к концу островка.

— Когда я знаю, что тебя что-то волнует, мне очень нравится тебя этим доставать.

У Джека вырывается безрадостный смешок.

— Боюсь, это ни для кого не секрет, лепесточек.

— Верно, верно... — говорю я, кивая, останавливаюсь у двери и медленно наклоняюсь, чтобы поднять свою обувь, держа их в руке и не сводя глаз с Джека. Когда я выпрямляюсь, то хватаюсь за дверную ручку другой рукой, Джек сосредотачивается на этом движении, прежде чем переключиться на мое тело, когда мое пальто распахивается.

Взгляд Джека прикован к оборчатому вырезу моей рубашки сливового цвета и ниспадающему банту, украшающему воротник.

В его взгляде нет ничего, кроме смертельного желания.

— Когда я поняла, что тебе не нравится эта рубашка, я пошла и купила столько одинаковых, сколько было в магазине. На размер больше и на размер меньше. Всего двенадцать. Ты никогда не замечал, что иногда рукава выглядят слишком короткими...? Нет...? Минус пять баллов в «Тандердоме» за то, что не принял это к сведению. Извини, но мне не жаль, — я открываю дверь осторожно, как будто стараясь не разозлить дикое животное. Но это животное настроено очень враждебно, и оно огибаёт остров размеренными, хищными шагами. — Мне пора бежать, пока, Джек...

Я визжу от смеха, проскальзываю в дверь и захлопываю ее за собой, босиком бегу к своему «Лендроверу». Содержимое моей сумки рассыпается по центральной консоли и пассажирскому сиденью, когда я резко кидаю ее туда, но это небольшая цена, которую приходится платить, когда я захлопываю дверь и запираю ее как раз в тот момент, когда Джек берется за ручку снаружи. Я слышу его разочарованное рычание за моим приступом маниакального хихиканья. Пристальный взгляд Джека сливается с моими безумными глазами, когда я поворачиваю ключ зажигания, мой смех становится громче, и он стучит в окно.

— Доктор Рот...

— Нет, ни за что...

— Открой дверь, доктор Рот...

— Не могу, мне нужно ехать...

— Опустит, пожалуйста, стекло, Лилль Мейер.

Я опускаю его, но всего на несколько миллиметров, моя ухмылка безжалостна, я упиваюсь взглядом греха и голода, устремленным на меня в ответ.

— Вы забыли документы, доктор Рот, — говорит Джек своим самым сладким, мрачным, смертельно соблазнительным голосом.

— Все в порядке, доктор Соренсен. У меня достаточно времени, чтобы напечатать новые.

— Если у тебя так много свободного времени, почему бы тебе не зайти внутрь на минутку? Я хочу кое-что показать в своем кабинете. В секретной комнате.

Я хихикаю, и глаза Джека, кажется, светлеют и темнеют в одно и то же мгновение.

— Я не могу. Мне нужно пройтись по магазинам нижнего белья перед встречей. Один профессор продолжает красть мои трусики, — я слегка дуюсь на Джека, едва сумев придать выражению лица подобающий вид. — Он порвал те, которые были на мне сегодня, так что сейчас я без трусов. Разве это не ужасно?

Джек сглатывает, его горло сжимается, движение настолько соблазнительное, что я подумываю выключить двигатель и выйти.

— Это издевательство, — говорит он хриплым и глубоким голосом.

— Мне пора бежать, Джек, — говорю я, нажимая кнопку автоматического открывания гаражных ворот и переключая передачу на задний ход. — Принеси свой последний трофей, и, возможно, я встречу тебя в холодильной камере сегодня днем, если будешь хорошо себя вести.

Я подмигиваю и прижимаюсь губами к окну, оставляя на стекле алый поцелуй. Джек на мгновение отводит взгляд, выдыхает и проводит рукой по волосам. Когда он снова встречается со мной взглядом, то прижимает кончики пальцев к стеклу, где остался отпечаток моей губной помады, затем отступает от машины.

Я дарю ему свою самую яркую улыбку, исходящую из места, скрытого за бездной потерь

и ярости, которая оберегает этот маленький священный огонь, затем выезжаю задним ходом на подъездную дорожку и вывожу машину на пустую дорогу. Когда я смотрю в сторону гаража, Джек все еще наблюдает за мной, проводя рукой по лицу, пытаюсь скрыть улыбку.

Я машу рукой. Он машет в ответ.

Даже когда уезжаю, я чувствую тяжесть в груди, невидимую нить, которая с каждым днем становится ярче, исцеляя меня изнутри.

И единственный человек, от которого я поклялась отказаться, натягивает ее до предела.

— И, кажется, меня это устраивает, — говорю я себе с улыбкой, бросая взгляд в зеркало заднего вида и мельком замечая Джека, который, засунув руки глубоко в карманы, наблюдает за мной с подъездной дорожки.

Я заворачиваю за угол, и дом исчезает из виду. Но я все еще чувствую, как Джек дергает за эту нить, ее волокна светятся еще ярче.

И я не жажду освобождения.

Notes

[

←1

]

Форма чувственной БДСМ игры, в которой предметы и вещества используются для стимуляции нейрорецепторов организма к теплу и холоду для чувственного эффекта.

[

←2

]

Сексуальная девиация, которая выражается в навязчивом стремлении к совокуплению со спящим партнёром.

[

←3

]

Учащиеся идут на археологические раскопки, где получают инструкции о том, как исследовать и копать.

[

←4

]

Изменения в окрасе зубов жертв связано с тем, что кровь, застаивающаяся в основе зуба, из-за изменений давления начинает вытекать. Томас Белл описывал розовый цвет зубов у жертв удушения и утопленников.

[

←5

]

Ферма тел — огороженная территория, где трупы разлагаются естественным путём в самых разных условиях. Эти исследования помогают судебным медикам и антропологам совершенствоваться в получении информации из человеческих останков в ходе раскрытия преступлений.

[

←6

] Город, расположенный в Нью-Джерси, США, который существует в кинематографической вселенной Marvel.

[
←7

] Разбивание «шапки» и перемешивание мякоти при производстве вина.

[
←8

] Органическая провансальская ферма.

[
←9

] цитата из фильма «Безумный Макс за пределами Тандердома»

[
←10

] Куполообразная арена для рыцарских поединков в стальных клетках в австралийском постапокалиптическом фильме «Безумный Макс за пределами Тандердома» (1985), в настоящее время используется для описания различных арен и событий.

[
←11

] Дениш — собирательное название традиционных датских изделий из слоеного теста

[
←12

] Сукцинилхолин

[
←13

] Вещество/молекулы. Героиня дала такое прозвище койоту.

[
←14

] медь золотистого цвета

[
←15

] с датского «Я оставил ее.».

[
←16

] Фраза подчеркивает, что человек особенно недалекий, неразумный, некомпетентный

или неспособный сделать что-то простое.

[

←17

]

с датского «маленькая жрица»

[

←18

]

Хирургическая операция, при которой производится перевязка или удаление фрагмента семявыносящих протоков у мужчин.

[

←19

]

Охотничья Луна — первое полнолуние после Урожайной Луны. В октябре или ноябре. При свете Урожайной Луны крестьяне заканчивали собирать урожай. К следующему полнолуннию поля были убраны, благодаря чему охотники могли легко увидеть на открытом пространстве зверей.

[

←20

]

программа обучения. Четыре буквы в ЕТИМ означают: естественные науки, технология, инженерия, математика

[

←21

]

у героини триггер на ковер такого цвета после нападения истребителя

[

←22

]

«Любовь моя, пожалуйста, останься»

[

←23

]

Фраза была такой: «Если бы я хотел соблазнить тебя, я бы поставил тебя на колени в холодильной камере, и твой предательский маленький ротик обхватывал бы мой член, умоляя о большем».

[

←24

]

«Ты гребаная богиня. Ты убиваешь меня»

[

←25

]

«любовь моя»

[

←26

]

«я буду для тебя всем, любимая»

[

←27

]

«моя сияющая звезда»

[

←28

]

«моя любимая»

[

←29

]

Так называют привлекательных пожилых мужчин